

Федеральное агентство
научных организаций

Российская
академия наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

А.А. Шабунова, Т.С. Соловьева, М.А. Ласточкина

Социальная структура и мобильность в российском обществе

Вологда
2015

УДК 316.4(470.2)
ББК 60.524(2Рос-12)
Ш13

Публикуется по решению
Ученого совета ФГБУН ИСЭРТ РАН

Работа выполнена в рамках проекта 4.9 «Вызовы модернизации:
социокультурная стратификация и мобильность в регионах»
ПФИ Президиума РАН №31 «Роль пространства в модернизации России:
природный и социально-экономический потенциал».

**Под научным руководством
доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки
В.А. Ильина**

Шабунова, А.А. Социальная структура и мобильность в российском обществе [Текст]: монография / А.А. Шабунова, Т.С. Соловьева, М.А. Ласточкина; под научн. рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 172 с. – (Проблемы модернизации России).

В монографии представлена комплексная характеристика социальной стратификации и мобильности населения на примере регионов Северо-Западного федерального округа, в том числе авторская методика исследования социокультурной стратификации. На основе данных официальной статистики осуществлен анализ уровня модернизованности субъектов округа за 2000–2012 гг., на базе которого проведена типологизация регионов, выделены особенности и направления их развития. Выявлены взаимосвязи между уровнем модернизованности территорий, социальным неравенством и уровнем социальной мобильности, рассмотрены аспекты управления социальной мобильностью.

Книга предназначена научным работникам, специалистам региональных и муниципальных органов управления, преподавателям высших учебных заведений, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами регионального развития.

Рецензент

И.А. Поздняков,
советник Главы города Вологды по вопросам социокультурной сферы

ISBN 978-5-93299-290-6

© Шабунова А.А., Соловьева Т.С.,
Ласточкина М.А., 2015
© ФГБУН ИСЭРТ РАН, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Социальная стратификация и социальная мобильность являются важными аспектами социально-экономической жизни любого общества. Поскольку в настоящее время процессы расслоения усиливаются, снижение социальной мобильности может негативно отразиться на стабильности социальной системы. Именно этим обусловлен интерес науки к вопросам социальной стратификации и мобильности. В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» декларируется цель – снизить социальную поляризацию, а также сформировать общество, основанное на доверии и ответственности. Данную цель планируется достигнуть «за счет обеспечения равных возможностей для социальной мобильности талантливых представителей всех слоев общества, реализации социальной политики по поддержке уязвимых слоев населения и проведения политики, направленной на интеграцию мигрантов. Доля среднего класса должна составить более половины населения, при этом значительную часть среднего класса должны образовывать люди, занятые созданием новой экономики знаний, технологий и обеспечением развития самого человека» [49, с. 8].

Цель данной работы – анализ процессов социальной стратификации и мобильности населения регионов Северо-Западного федерального округа. Задачами работы являются:

1. Анализ теоретических основ исследования социальной стратификации и мобильности населения.
2. Анализ социально-экономического положения регионов СЗФО в 2000–2012 гг.

3. Анализ социальной стратификации и мобильности населения регионов СЗФО.

4. Определение взаимосвязи между уровнем социальной мобильности и уровнем модернизованности территорий.

Информационной базой данного исследования являются работы ученых различных направлений по теме исследования, статьи и публикации, а также социологический опрос, проведенный ИСЭРТ РАН во II квартале 2013 г. среди населения регионов СЗФО.

Высокая степень неоднородности регионального социокультурного пространства, значительная социально-экономическая дифференциация территорий, разница в «скоростях» их развития, в стандартах и стилях жизни населения, противоречивость внутрирегионального развития (развитой урбанизированный центр – деградирующая сельская периферия) обуславливают наличие существенных особенностей социокультурных изменений в условиях модернизации. Более полный и глубокий учет социокультурных факторов развития/деградации регионального социума в условиях переходных периодов даст возможность применения научно обоснованного подхода к формированию антикризисных мероприятий и реализации эффективной социальной политики.

1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

1.1. Теория социальной стратификации

Социальное расслоение и стратификация являются одними из основных проблем социологии. На всех этапах развития человеческого общества имело место неравенство людей по различным критериям. Еще в 370 г. до н.э. в своем труде «Государство» [73] Платон писал: «Любой город, каким бы малым он ни был, фактически разделен на две половины: одна для бедных, другая для богатых, и они враждуют между собой».

В законах Ману [141], датируемых примерно 200 г. до н.э., описано сотворение мира, в котором социальное неравенство считалось ниспосланным богами для всеобщего блага. Основоположник учения о социальной мобильности П.А. Сорокин, рассматривавший структурирование социального пространства, считал, что положение человека или социального явления в нем определяется их отношением к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за «точки отсчета» [89, с. 302-373].

Вопросы стратификации общества затронуты в трудах таких классиков, как А. Смит, О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, М. Вебер, П. Сорокин, а также в работах Ч. Миллза, Г. Брейвермана, А. Турена, Р. Дарендорфа, П. Бурдьё, И. Валлерстайна [14, с. 147-156; 72, с. 427; 89; 120, с. 118-119; 121; 139; 148; 155; 158] и в новейших исследованиях [26; 68; 75].

Социальная стратификация, по мнению составителей Оксфордского словаря социологии, начинается «с веберовского разграничения более

традиционных обществ, основывающихся на статусах и поляризованных, но более размытых обществ, имеющих в своей основе классы, где экономическая дифференциация имеет первостепенное значение и носит более безличностный характер» [142, с. 242-247].

Термин «стратификация», заимствованный из геологии, происходит от латинского «stratum» – слой. У различных авторов понятие «страта» нередко заменяется иными понятиями: «класс», «сословие». По нашему мнению, под стратой следует понимать большую группу людей, отличающуюся по своему положению в социальной иерархии общества.

Основные теории социальной стратификации. В основе определения стратификации лежит еще одно понятие – «социальная дифференциация», то есть процесс коллективного творения и признания либо наделяния различными характеристиками некоторых людей [137]. Способы организации неравенства (дифференциации) лежат в основе двух основных подходов к объяснению социальной стратификации – классового и статусного, а также некоторых других, из них вытекающих (например, ресурсный подход [100, с. 28-40]). Наиболее распространенными теориями социальной стратификации являются марксизм, функционализм, неомарксизм, веберизм и неовеберизм.

Марксизм. Долгое время заметное положение в науке занимала стратификационная теория К. Маркса, в которой критерием стратификации был факт обладания человеком собственностью и уровень его доходов [12, с. 120]. Социальная структура общества состояла фактически из двух уровней: это класс собственников (рабовладельцы, феодалы, буржуазия) и класс, лишенный собственности (рабы, пролетарии) или имеющий очень ограниченные права на собственность (крестьяне). Однако уже в конце XIX века стала очевидной узость такого подхода.

Теория функционализма развивалась параллельно марксизму и получила большое распространение в 40–60-х гг. XX века в американской социологии (Т. Парсонс, К. Девис, У. Мур [30; 71]). Классы в функционализме отождествляются со статусно-престижными профессиональными группами, а роль классовой борьбы играет конкуренция за более престижные места в непрерывной статусной шкале, в результате достигается «функциональность всего организма».

В частности, Т. Парсонс обозначил три группы стратификационных показателей:

– прирожденные: пол, врожденные способности, этническая принадлежность, родственные связи;

– ролевые характеристики, определяемые набором ролей, которые индивид выполняет в обществе (образование, профессия, должность и т.д.);

– объем «обладания» материальными и духовными ценностями.

Продолжая функционалистскую традицию, У. Уорнер [159] предпринял попытку разработать общую социологическую теорию символизма, в которой экономический фактор приобрел другое значение. Он предложил модель с шестью классами или статусными группами и разработал стандартный индекс статусных характеристик (Standard Index of Status Characteristics), в котором учитывались образование, место жительства, доход и происхождение. На данной классификации основывались большинство эмпирических исследований, проведенных в США.

Критики теории функционализма (в частности, идей Т. Парсонса) среди недостатков выделяли абстрактный уровень понятий и игнорирование классового характера господствующей политической власти.

Веберианство. Теория стратификации М. Вебера расширяет число критериев, определяющих принадлежность к той или иной страте: добавляются такие критерии, как социальный престиж и принадлежность к определенным политическим кругам. Под престижем подразумевалось приобретение индивидом от рождения или благодаря личным качествам такого социального статуса, который позволял ему занять определенное место в социальной иерархии. Среди признаков дифференциации социального пространства Вебер выделял также гражданство, род занятий, национальность, религиозную принадлежность [14; 160, с. 28-36] и т.д.

Социальная структура по Веберу определяется как «способ, каким социальные почести распределяются в сообществе между типичными группами, участвующими в таком распределении». В классово-статусной структуре общества М. Вебер обозначил следующие основные страты: класс собственников, средний класс, социальный класс.

Неовеберианство. Продолжая идеи М. Вебера, неовеберианец Дж. Голдторп за основу своей концепции принял трудовые отношения в индустриальных обществах и статус занятости индивидов [123, с. 1-27]. При изучении процессов социальной мобильности в Англии второй половины XX века Дж. Голдторп и Р. Эриксон предложили два классово-образующих критерия: трудовую ситуацию (престиж и автономию) и рыночную ситуацию (жизненные и экономические шансы) [123].

Неомарксизм. Подход Э.О. Райта, одного из наиболее современных неомарксистов, к изучению социальной стратификации является альтернативой взглядам Дж. Голдторпа (табл. 1.1.1). По мнению Райта, главное разделение людей на социальные классы в современных обществах по-прежнему заключается в неравенстве доступа к средствам производства [162, с. 3-22]. Однако, в отличие от К. Маркса, Райт в качестве причин стратификации выделяет также различия в степени владения организационными и квалификационными активами и степень автономности труда.

Таблица 1.1.1. **Основные современные теоретические взгляды на природу социальной стратификации**

Течение	Источник классовых различий	Основные классы	Характер отношений	Ключевые проблемы анализа
Неовеберянцы (Голдторп)	Рыночные отношения вообще и на рынке труда в частности	Собственники, рабочий класс (дифференцированный по уровню квалификации), средний класс (сервис-класс и промежуточный класс)	Внутри- и межклассовая конкуренция	Сегментация жизненных шансов, социальная мобильность
Неомарксисты (Райт)	Отношения по поводу производства	Буржуазия, рабочий класс, прочие классы (мелкая буржуазия, новый средний класс)	Социальный конфликт вследствие эксплуатации	Классовая борьба, эксплуатация, пролетаризация общества

Источник: Ястребов Г.А. Характер социально-экономической дифференциации населения: сравнительный анализ России и Европы // Мир России. – 2010. – № 3. – С. 57-89.

Ресурсный подход. Против традиционного классового анализа выступили сторонники ресурсного подхода (Э. Соренсен [150, с. 1523-1558], К. Уиден, Д. Грусски [131, с. 203-218]), которые в качестве основания стратификации выделили объем и структуру ресурсов индивидов. В современном обществе все большее значение приобретают новые виды ресурсов, «вытекающие из характера социализации, особенностей поведения, общего уровня культуры, рассматривавшиеся ранее только как следствие экономического статуса, а также физиологического (здоровье, возраст, пол), символического, личностного и других ресурсов» [100, с. 33]. Спор в среде социологов, причиной которого стала модель социальных классов на основе профессиональных ассоциаций (occupational groupings), предложенная Уиденом и Грусски [131], произошел в начале 2000-х. Они предположили, что именно на этом уровне возможен охват реальных различий в образе жизни, ресурсном обеспечении и поведе-

нии, которые являются функцией локальных профессиональных субкультур. Но эта идея была воспринята довольно скептически представителями неоклассических направлений (Дж. Голдторп, Э.О. Райт и др.), так как, по их мнению, при таком подходе теряется взгляд на общество как некую целостность [129].

Впервые полное теоретическое обоснование теории социальной стратификации дал П. Сорокин, представивший ее в виде социального пространства, в котором расстояния по вертикали и горизонтали не равны [89, с. 302-343]. П. Сорокин использовал многомерную модель стратификации, основанную на трех базисных компонентах: экономике, политике и профессиональной деятельности. Однако он выделял и такие характеристики, которые не являются основными, например возраст, культуру и речь. При этом, по его мнению, сущность стратификации заключается «в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличие или отсутствие социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества». Позиция П. Сорокина совпадает с теорией Вебера в следующем: индивидуум, занимающий определенную позицию в экономическом плане общества высшего слоя, одновременно относится к высшим политическим и профессиональным слоям, а низшие слои в иерархии, как правило, лишены гражданских прав.

Белорусские социологи определяют стратификационную систему как «структурированное социальное неравенство, условия, при которых социальные группы имеют неравный доступ к таким социальным благам, как деньги, власть, престиж, образование, информация, профессиональная карьера, самореализация» [95]. Но в данном определении, по мнению О.А. Кармадонова, смешаны «доступ к социальным благам» – показатель положения группы в объективной социальной иерархии по признакам власти и дохода и субъективный элемент «престиж». А так как престиж не является «социальным благом» в том смысле, в каком им являются образование, информация, деньги и пр., сам по себе он ничего не приносит [43, с. 3].

Типы стратификационной структуры. Существуют два типа систем стратификации: открытые и закрытые. В соответствии с устоявшейся точкой зрения термины «открытое общество» и «закрытое общество» первым ввел в научный оборот Анри Бергсон [118, с. 333]. Впоследствии данные понятия получили развитие в работах австрийского философа Карла Поппера [145]. Система стратификации открытого типа представляет собой социальную структуру, члены которой могут относительно

легко менять свой статус. Структуру, члены которой с большим трудом могут изменить свой статус, называют закрытой системой стратификации. Её примером может служить кастовая организация Индии (функционировала до 1900 г.).

Исторический подход к моделированию стратификационной структуры общества предложен английским социологом Э. Гидденсом, который выделил четыре основные системы стратификации: рабство, касты, сословия и классы. Наиболее выраженной формой неравенства является рабство, при котором часть индивидов принадлежит другим как их собственность. Слово «каста» происходит из португальского языка и означает «чистый род». Под ним подразумеваются группы людей, соблюдающие ритуальную чистоту. Сословия были частью европейского феодализма, но существовали и во многих других традиционных обществах. Феодальные сословия включали страты с различными обязанностями и правами. В Европе сословия включали аристократию и дворянство. Классовые системы имеют отличия по следующим признакам:

1. Классы не создаются на основе правовых и религиозных норм; членство в них не основывается на наследственном положении и обычаях. Классовые системы более подвижны, нежели другие системы стратификации, и границы между классами никогда не бывают ясно очерченными.

2. Принадлежность индивида к классу должна быть «достигнута» им самим, а не просто быть «данной» от рождения, как в других типах систем стратификации.

3. Классы зависят от экономических различий между социальными группами, связанных с неравенством во владении и контроле над материальными ресурсами.

4. В других типах стратификационных систем неравенство выражено прежде всего на уровне межличностных отношений, касающихся обязанностей, между слугой и господином, рабом и хозяином, представителями высшей и низшей каст. Классовые системы, наоборот, осуществляют в основном связи неличностного характера [17, с. 112-124].

Этакратическая модель стратификационной структуры общества получила признание в современной российской социологии. О.И. Шкартан различает девять типов стратификационных систем [78] (табл. 1.1.2). Однако все девять типов стратификационных систем не более чем идеальные типы. Любое реальное общество является их сложным смешением.

Таблица 1.1.2. Типы стратификационных систем по О.И. Шкартану

Тип системы	Основа дифференциации	Способ детерминации различий
1. Физико-генетическая	Пол, возраст, физические данные	Физическое принуждение, обычай
2. Рабовладельческая	Права гражданства и собственности	Военное принуждение, кабальное право
3. Кастовая	Религиозное и этническое разделение труда	Религиозный ритуал, этническая замкнутость
4. Сословная	Обязанности перед государством	Правовое оформление
5. Этакратическая	Ранги во властной иерархии	Военно-политическое господство
6. Социально-профессиональная	Род занятий и квалификация	Образовательные сертификаты
7. Классовая	Размеры доходов и собственности	Рыночный обмен
8. Культурно-символическая	Сакральное знание	Религиозное, научное и идеологическое манипулирование
9. Культурно-нормативная	Нормы поведения, стили жизни	Моральное регулирование, подражание

Согласно Т.И. Заславской [34, с. 23], российское общество состоит из пяти социальных слоев:

1. Верхний слой включает реально правящий слой, выступающий в роли основного субъекта реформ. К нему относятся элитные и субэлитные группы, занимающие наиболее важные позиции в системе государственного управления, в экономических и силовых структурах.

2. Средний слой является прототипом среднего класса в западном понимании этого термина. На настоящий момент данный слой слишком малочислен и не может служить гарантом социальной стабильности. Это мелкие предприниматели, менеджеры средних и небольших предприятий, среднее звено бюрократии, старшие офицеры, наиболее квалифицированные и дееспособные специалисты и рабочие.

3. Базовый социальный слой охватывает более 2/3 российского общества. К базовому слою относится основная часть интеллигенции (специалистов), полуинтеллигенция (помощники специалистов), технический персонал, работники массовых профессий торговли и сервиса, большая часть крестьянства.

4. Нижний слой характеризуют низкий личный и семейный доход, низкий уровень образования, занятие неквалифицированным трудом или отсутствие постоянной работы.

5. Социальное дно изолировано от социальных институтов большого общества и включено в специфические криминальные и полукри-

минальные институты. Представителями социального дна являются преступники и полупреступные элементы – воры, торговцы наркотиками, наемные убийцы, а также опустившиеся люди – алкоголики, наркоманы, проститутки, бомжи и т.д.

Несколько иную модель стратификационной системы современного российского общества предлагает Н.М. Римашевская:

- «общероссийские элитные группы», обладающие крупной собственностью и средствами властного влияния на федеральном уровне;
- «региональные и корпоративные элиты», обладающие значительной собственностью и влиянием на уровне регионов и секторов экономики;
- «верхний средний класс», имеющий собственность и доходы, обеспечивающие западные стандарты поведения и притязания на повышение социального статуса;
- «динамичный средний класс», проявляющий социальную активность и имеющий доходы, обеспечивающие среднероссийские и более высокие стандарты потребления;
- «аутсайдеры», характеризующиеся низкой социальной активностью, невысоким уровнем доходов и ориентацией на легальные способы их получения;
- «маргиналы», отличающиеся низкой степенью социальной адаптации, незначительными доходами и неустойчивостью социально-экономического положения;
- «криминальные элементы», проявляющие высокую социальную активность, но противоречащую моральным и правовым нормам общества [80, с. 27-28].

Данный подход основан на «степени адаптированности людей к новым экономическим и социальным реалиям» и не противоречит традиционному, так как объединяет главные критерии социальной стратификации.

Стабильность общества связана с профилем социальной стратификации (структурой общества), чрезмерное «вытягивание» которого чревато серьезными социальными катаклизмами. Данный процесс имеет и обратную сторону, описанную П. Сорокиным. Уплотнение профиля стратификации не должно быть чрезмерным, низводящим на нет сам принцип социальной иерархии, так как неравенство является важным источником социального развития. Еще Г. Зиммель [147] отметил, что стабильность иерархической структуры общества зависит от удельного

веса и роли среднего слоя или класса. Занимая промежуточное положение, средний класс выполняет своеобразную связующую роль между двумя полюсами социальной иерархии, снижая их противостояние.

Т.И. Заславская выделяет четыре основных признака среднего класса:

1) промежуточное положение в социальной структуре общества и выполнение роли посредника между верхами и низами;

2) экономическая независимость, уверенность в будущем и заинтересованность в сохранении социального порядка и стабильности общества;

3) высокая квалификация и социальная активность, способствующие прогрессивному развитию общества;

4) основные носители общественных интересов, национальной культуры, составляющие большинство населения и распространяющие образы собственной культуры на другие социальные слои [33, с. 3-22].

В настоящее время во всех развитых странах доля среднего класса составляет примерно 55–60% [19, с. 44]. В России, по разным оценкам, численность среднего класса колеблется от 3% («идеальный средний класс») до 30%, а то и 60% («перспективный средний класс») [1, с. 28-36].

Таким образом, процессы стратификации представляют неотъемлемую часть жизнедеятельности любого общества. При всем многообразии подходов к их изучению на настоящий момент не выработано единого мнения о критериях и методах исследования социальной стратификации, поэтому в работе мы постараемся как можно шире рассмотреть данную проблему.

Современное общество, которое в своем развитии устремлено в будущее, относят к индустриальным (массовым), сохраняющим в себе многие черты архаических стратификационных обществ. Страты в современном обществе, в отличие от архаичных, не отделены друг от друга непроницаемыми перегородками – между ними существуют перемещения, поэтому в жизни современного общества огромную роль играет явление социальной мобильности.

1.2. Понятие и виды социальной мобильности

Теория социальной стратификации тесно связана с учением о социальной мобильности. Общество представляет собой динамично развивающуюся систему, так как индивиды и образуемые ими группы имеют цель занять более высокое социальное положение либо существующие условия заставляют занять более низкое.

Основоположником теории социальной мобильности считается П. Сорокин. Под социальной мобильностью он понимал «любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую» [90, с. 647].

Западная социология при изучении социальной мобильности сосредоточилась на исследовании переходов, перемещений из одних социальных слоев в другие. Поэтому теории социальной мобильности тесно связаны с теориями социальной стратификации, поскольку в последних выделяются критерии деления общества на социальные слои (страты).

Значительное число трудов отечественных и зарубежных исследователей посвящены сущности и процессам социальной мобильности в обществе. Это труды К. Маркса [58, с. 233; 60], Э. Дюркгейма [31; 32, с. 106-114], изучавших проблемы социальной дифференциации и социальной стратификации, П. Сорокина [91], М. Вебера [13] и др. Значительный вклад в изучение социальной мобильности внесли функционалисты Т. Парсонс [143], Р. Мертон [138], а также П. Штомпка [153], который рассматривал процессы социальных изменений и осуществил анализ отдельных характеристик социальных структур.

1 этап исследований социальной мобильности (до 60-х гг. XX в.). На данном этапе изучение социальной мобильности носит историко-социологический характер с использованием относительно простых статистических методов.

В 1949 г. Отделение социальных исследований Лондонской школы экономики предложило долгосрочную программу изучения социального отбора и дифференциации в послевоенной Великобритании. В рамках программы под руководством Д. Гласса было проведено исследование «Социальная мобильность в Великобритании», сосредоточенное на анализе социального статуса или социального престижа, а не социального класса в его классическом понимании. В центре внимания находилась также социальная мобильность, процессы саморекрутирования индивидов в определенные социальные группы [149]. Результаты показали связь между статусом отцов и сыновей: она наиболее заметна, когда отцы принадлежат к категории квалифицированных работников физического труда или к категории высшего административного или профессионального персонала.

С.М. Липсет и Р. Бендикс [136, с. 13] рассматривали социальную мобильность в зависимости от деления индустриального общества на

слои по уровню дохода и по месту в иерархии престижа. Они полагали, что социальная мобильность необходима для обеспечения стабильности современного индустриального общества, поскольку открытый доступ к позициям элиты позволяет способным людям покидать низшие социальные уровни.

Второй этап изучения социальной мобильности относится к 60–70 гг. XX в. и характеризуется трудами, в которых к основным критериям мобильности относятся образование и профессия. С начала 70-х годов появляются работы П.М. Блау, И. Блумена, Д. Гудмана, О.Д. Данкена, Д. Треймана [119; 156] и др. Они анализируют изменения в образовательной и профессиональной межпоколенной мобильности с целью выявления того, насколько «открыты» определенные социальные группы и слои. Данкен и Блау на основе исследования «Occupational Changes in a Generation» (1962) констатировали, что на протяжении нескольких десятков лет связь между профессиональным статусом и образованием отца и достижениями индивида в сфере образования была постоянной.

Д. Трейман [156, с. 207-234] высказал предположение об уменьшении роли назначаемых факторов и роста роли индивидуальных достижений в определении социального статуса и привел причины, по которым назначение на профессиональный пост должно базироваться на критерии формальных заслуг. Модели стратификации в современных обществах, по Трейману, организованы вокруг правила достижений и заслуг с тенденцией размыва барьеров наследования и подвижек в социальном пространстве [29, с. 37].

Третья волна изучения социальной мобильности в 1980-х гг. представлена такими исследователями, как Л. Джонс, Дж. Голдторп, Р. Эриксон, Д.Л. Фитерман, Р.М. Хаузер [125; 126, с. 329-360], которые использовали построение логлинейной модели профессионального продвижения. Дж. Голдторп совместно с Р. Эриксоном [123] разработали проект «Сравнительный анализ социальной мобильности в индустриальных странах» (CASMIN), направленный на изучение сходства и различия характера мобильности в странах Западной и Восточной Европы. Они также собрали в единый банк данных большое количество работ по изучению мобильности.

Основные выводы Голдторпа и Эриксона можно обобщить в следующих положениях:

- уровни абсолютной мобильности во второй половине двадцатого века оказались выше, чем предполагалось;

- наряду с «близкой» мобильностью существует заметная «дальняя» мобильность от рабочего класса к высшему классу;
- состав высшего и промежуточного классов более изменчив, чем предполагалось ранее.

Исследования социальной мобильности в отечественной науке. Если в зарубежной науке социальная мобильность изучалась достаточно широко, то в СССР до 1960-х гг. аналогичные исследования фактически не велись. Вместо данного термина использовались такие понятия, как «социальная подвижность», «социальное движение», «социальные перемещения».

Изучение социальной мобильности в советский период было направлено на утверждение идеалов социалистического общества, как идущего по верному пути исчезновения социального неравенства и классовых различий. М.Н. Руткевич и Ф.Р. Филиппов были одними из первых, кто рассматривал проблему социальной мобильности. Они отмечали, что социальные перемещения в СССР превращаются в одну из форм постепенного стирания различий, а вертикальная градация существует постольку, поскольку еще имеется неравенство по степени сложности труда [84].

В 1970–1980-е гг. изучаются в динамике методологические, методические и организационные проблемы социальной структуры, а также тенденции и направленность социальной мобильности различных групп и слоев населения. Исследованию трудовой мобильности и ее влияний на общенациональную структуру рабочих мест посвящены работы Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной, А.А. Сухова, С.А. Кугеля и других [53; 62; 98]. Широкое развитие получили исследования внутри- и межпоколенной мобильности и их факторов, социальной мобильности молодежи, что отражено в трудах М.Х. Титма, А.В. Кирха, А.А. Матулениса, Д.Л. Константиновского, М.Н. Руткевича и других [44; 48; 61; 83; 99].

В исследованиях социально-трудовой сферы в постсоветский период, основанных на мониторингах, дан анализ социальной и профессиональной мобильности различных категорий населения. Социальную мобильность изучали Е.М. Авраамова, Л.А. Беяева, Т.Ю. Богомолова, М.Г. Бурлуцкая, З.Т. Голенкова, Р.Г. Громова, Е.Д. Игитханян, В.И. Ильин, И.В. Мостовая, М.Н. Реутова, Н.М. Римашевская, В.С. Тапилина, Н.Е. Тихонова, О.И. Шкаратан и др.

В основе теорий конца XX – начала XXI в. лежит социально-экономическая и социально-профессиональная мобильность, причем в большинстве случаев рассматриваются внутр поколенные перемещения в трансформирующемся обществе.

Под руководством Е.М. Авраамовой был проведен анализ процессов вертикальной мобильности, протекавших в российском обществе в 2000-е годы. В исследовании рассматриваются вопросы о том, каковы особенности становления институциональной среды и как происходит накопление и реализация ресурсов вертикальной мобильности [15].

В работе Т.Ю. Богомоловой, В.С. Тапилиной, П.С. Ростовцева мобильность по доходам представлена как механизм трансформации неравенства в распределении доходов. Описана также методика исследования связи между изменениями в доходах и изменением неравенства в их распределении в России [8, с. 32-43].

В ходе реализации программы «Социальное расслоение и социальная мобильность» под руководством З.Т. Голенковой оценено объективное состояние социальной структуры, масштабы и направленность изменений, произошедших в обществе за годы реформ, изучены основные направления и виды социальной мобильности как фактора изменения контуров социальной стратификации российского общества [94].

Механизмы социальной мобильности в условиях формирования в России новой социальной структуры и качественные ее изменения описаны Н.Е. Тихоновой. Она подробно проанализировала воздействие внешних и личностных факторов и социально-психологических характеристик на статусные позиции индивидов [101].

По мнению О.И. Шкаратана, социальная мобильность является формой социального воспроизводства. Под социальным воспроизводством им понимается «латентный процесс, образующий сердцевину преобразований в стратификационных системах – социального воспроизводства (воспроизводства социальных отношений и индивидов)», отражающий «как действие универсальных законов социального развития, так и специфические черты развития конкретных социальных организмов (государств, регионов), национальные традиции, выраженные в ценностях и нормах межгрупповых взаимодействий и связей». О.И. Шкаратан и Г.А. Ястребов пришли к выводу, что не теория социальной мобильности, а теория социального воспроизводства «притязает на подлинное раскрытие процессов развития социальных отношений, социальной структуры в существующих обществах» [111, с. 9-10].

Типы социальной мобильности. Существует два основных типа социальной мобильности: *горизонтальная* и *вертикальная* (рис. 1.2.1). Под горизонтальной социальной мобильностью (перемещением), по П. Сорокину, подразумевается переход индивида или социального объекта из

одной социальной группы в другую, расположенную на одном и том же уровне [91]. Например, из одного гражданства в другое, из одной семьи в другую при разводе или при повторном браке, с одной фабрики на другую; при этом профессиональный статус не претерпевает изменений.

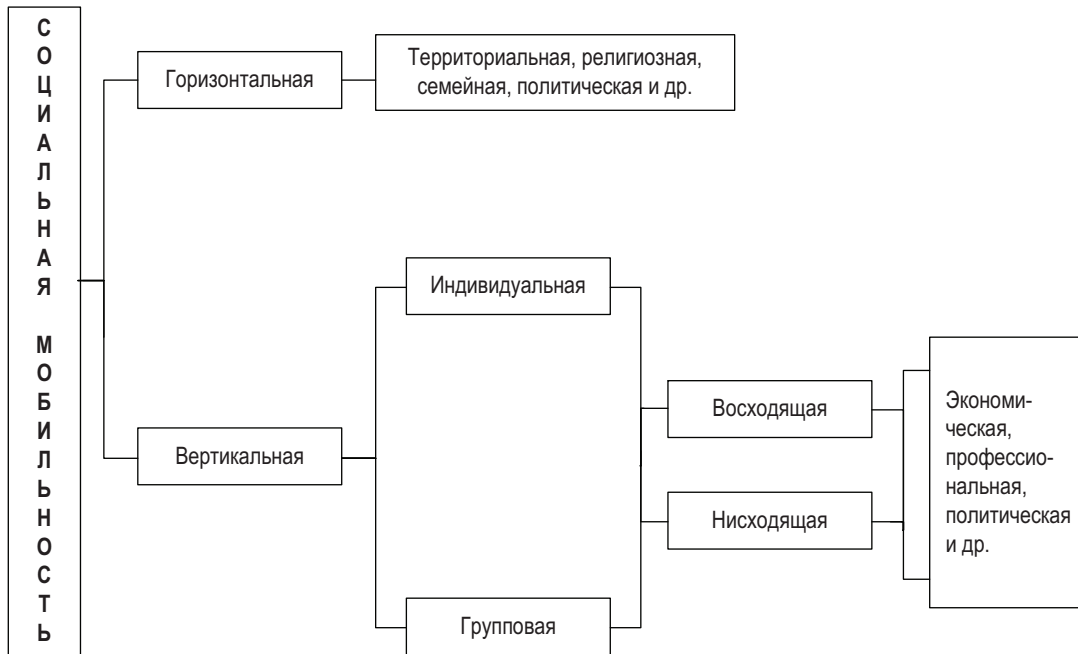

Рис. 1.2.1. Типы социальной мобильности (по П. Сорокину)

Одним из видов социальной мобильности является *географическая мобильность*, то есть перемещение из одного места жительства в другое при сохранении прежнего статуса. Если к перемене места добавляется перемена статуса, то географическая мобильность превращается в *миграцию*. Урбанизация, второй тип горизонтальной мобильности, представляет собой регулярное перемещение населения из деревень в города и (более редко) в обратном направлении.

Третий вид горизонтальной мобильности, характеризующий освоение пустующих и малонаселенных территорий, называется *колонизацией*. Четвертая разновидность – это *бегство* или *изгнание*, вызванное чрезвычайными обстоятельствами (стихийными бедствиями, религиозными гонениями, войнами и революциями и т.д.) [51, с. 80].

Вертикальную социальную мобильность характеризуют те отношения, которые возникают при перемещении индивида или социального объекта из одного социального пласта в другой.

В зависимости от направления перемещения существует два типа вертикальной мобильности: *восходящая* (переход человека к более высокому классовому положению) и *нисходящая* (социальный подъем и социальный спуск).

В соответствии с природой стратификации выделяются нисходящие и восходящие течения *экономической, политической и профессиональной мобильности* [91].

Политическая мобильность определяется как перемещения людей, социальных групп, организаций, институтов в политической иерархии. Изучением данного вида мобильности занимались У. Бек, М. Фишер, Р. Хаузер, Д. Физерман и другие [104; 117; 133]. П. Сорокин, исследуя динамику колебаний политической стратификации разных обществ в ходе истории человечества, отметил, что людям трудно ожидать закономерного развития общества от одних устойчивых форм к другим.

Экономическая мобильность и роль дохода как фактора мобильности изучалась такими учеными, как М. Липсет, Р. Бендикс, Э. Джексон, Р.В. Рывкина, Т.И. Заславская, Н.М. Римашевская и др. [35; 81; 135; 136] В работах российских социологов и экономистов анализировались процессы изменения социальной структуры российского общества при переходе к рыночному хозяйственному укладу (З.Т. Голенкова [20], М.С. Комаров [47]), экономическая стратификация и экономическая мобильность населения, масштабы и интенсивность процессов трансформации социально-экономической структуры общества (Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина [8]).

Межпоколенная (межгенерационная) мобильность представляет собой изменение статуса детей по сравнению со статусом родителей. В западной социологии большое внимание уделялось анализу факторов и проблеме наследования неравенства в поколениях. Рост мобильности в рамках двух поколений в США зафиксировали исследования, проведенные Э. Джексоном и Г. Крокетом [135]. В СССР О.И. Шкаратан и В.О. Рукавишников провели сравнительный анализ структурных моделей межпоколенной динамики социального положения отцов и сыновей в обществах, отличающихся социальным устройством и типом культуры [109, с. 44-48]. Различные аспекты межпоколенной мобильности встречаются также в работах А.В. Кирха [93], а в историческом аспекте – у А. Пиренна [144, с. 494-515] («капиталистами не делаются по наследству – это не переходит от отца к сыну») и Л. Февра [127] (концепция смены капиталистических династий).

Внутрипоколенная мобильность (интрагенерационная мобильность, социальная карьера) проявляется там, где один и тот же индивид, вне сравнения с отцом, на протяжении жизни несколько раз меняет социальные позиции. Это направление мобильности изучено очень слабо и о перемещениях внутри поколений в основном кратко сообщается в трудах по межпоколенной мобильности.

Понятие *карьерной мобильности* было концептуализировано Д. Сьюпером, Д.Т. Холлом, Дж. Холлендом, Э. Шейном [152; 132; 134]. Они также предложили подходы к ее анализу и методики исследования. Г.Е. Зборовский [36], В.А. Мансуров [86], М.Г. Солнышкина [92] рассматривают карьерную мобильность в соответствии со спецификой современного российского общества, проявляющейся в социально-экономических противоречиях профессиональной деятельности, особенностях современного рынка труда.

Основы изучения *профессиональной мобильности* с использованием функционального подхода были заложены в работах П. Сорокина, Э. Дюркгейма, М. Вебера. В трудах А. Шюца [113], М. Шелера [108] дается феноменологическая интерпретация этой категории. Профессиональная мобильность и социальная стратификация советского общества рассматривались в исследованиях Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной [35], В.Г. Подмаркова [74].

Вместе с тем различают *индивидуальную мобильность*, если перемещения происходят у индивида независимо от других людей, и *групповую мобильность*, если перемещения происходят коллективно. Например, после социальной революции старый господствующий класс уступает свои позиции новому господствующему классу. К. Маркс выделил три вида групповой мобильности: обуржуазивание, пролетаризацию и пауперизацию. *Обуржуазивание* – инфильтрация рабочих в высший класс – является примером восходящей групповой мобильности. *Пролетаризация* характеризовалась процессом разорения мелкой буржуазии и переходом ее в ряды рабочего класса. *Пауперизм* – явление массовой бедности, когда в результате потери трудоспособности или увольнения пролетариат пополняет ряды безработных [59]. Оба последних относятся к нисходящей групповой мобильности.

На основаниях организованности выделяют *стихийную* (свободное перемещение людей из одной сферы труда в другую без определенных гарантий) и *управляемую (организованную)* мобильность (набор рабочей силы через создание условий для получения образования и квалификации). Еще один вид социальной мобильности – *структурная*

мобильность, вызванная изменениями в структуре народного хозяйства и происходящая помимо воли и сознания отдельных индивидов.

Каналы социальной мобильности. Как показывает история, не существует полностью закрытых обществ и страты связаны каналами мобильности, через которые индивиды могут перемещаться по социальной лестнице вверх или вниз. Под каналами социальной мобильности (или каналами вертикальной циркуляции, по П. Сорокину) понимаются действующие в обществе социальные институты, обеспечивающие перемещение по социальной лестнице (система образования, армия, церковь, различные политические, профессиональные, экономические организации и семья).

Среди каналов социальной мобильности П. Сорокин особо выделяет армию, которая всегда играла роль социальной лестницы, поэтому люди из низших классов могли занять место в самом верху иерархической структуры. Однако армия функционирует в качестве канала социальной мобильности в большей степени в военное время, когда присутствуют крупные человеческие потери. По мнению П. Сорокина, образование играет большую роль в расширении среднего класса за счет низших классов и даже «аристократизации общества». Церковь как канал социальной циркуляции выполняет эту функцию только тогда, считает П. Сорокин, когда возрастает ее социальная значимость.

Учёный прослеживает роль и значение богатства для социальной мобильности в истории общества начиная с первобытных времен. Уже в большинстве примитивных племен богатство давало руководящее положение лицам, владеющим им. П. Сорокин отмечал, что пути истории различны, а итог всегда один – накопление богатства и в результате этого – высокое общественное положение [91].

Среди каналов мобильности называется и семья. Путем женитьбы, замужества, развода и нового брака одни люди делают карьеру, другие ее разрушают. В современных обществах «выгодный» брак может помочь в достижении богатства и высокого социального положения [91, с. 373].

Факторы социальной мобильности. Среди причин, позволяющих индивидам перемещаться между социальными группами, выделяют:

- уровень развития экономики (например, в периоды экономических депрессий количество высокостатусных позиций сокращается, а низкостатусных расширяется, поэтому доминирует нисходящая мобильность и наоборот);

- исторический тип стратификации (общества закрытого типа ограничивают социальную мобильность, а общества открытого типа поощряют социальную мобильность);

- демографические факторы (пол, возраст, уровень рождаемости, смертности, брачности, разводимости: например, молодые люди и мужчины более мобильны, чем пожилые и женщины);
- место жительства (например, выяснилось, что сельская молодежь, переселившаяся в город, достигает более высокого положения по сравнению со своими отцами, чем коренные горожане по сравнению со своими);
- миграционные процессы (иммигранты, приезжающие в страну из других стран, занимают нижние позиции в социальной структуре, вытесняя коренных жителей);
- социальный статус семьи (представители высшего класса и профессионалы чаще наследуют род занятий своих родителей);
- уровень образования (чем выше уровень образования, тем больше шансов продвинуться вверх по социальной лестнице);
- национальность (представители титульной нации легче продвигаются по социальной лестнице, чем представители малочисленных народов);
- физические и умственные способности;
- личностные качества (высокий уровень мотивации, инициативность, честолюбие, коммуникабельность и др.).

В настоящее время проблема социальной мобильности очень актуальна, так как повсеместно можно наблюдать процессы перехода из одного социального слоя в другой. Изучение данного вопроса, а также процесса формирования социальной структуры общества является важным не только для науки, но и для государства. Представление детальной реальной картины социальных перемещений (социальной мобильности), осознание их причин и основных направлений позволило бы контролировать эти процессы, воздействуя на них в интересах улучшения жизни людей, сохранения необходимой социальной динамики и стабильности общества. В связи с этим встает вопрос об измерении данного явления.

1.3. Методологические подходы к анализу социальной структуры и мобильности населения

Методы изучения социальной стратификации достаточно разнообразны. Место индивида в ее структуре может определяться тремя способами:

- объективный (на основе измерения индексов социальных позиций личности);
- субъективный (на основе мнения других об индексах социальных позиций конкретной личности);
- самооценочный (определяется на основе собственного мнения о принадлежности к определенному социальному слою).

Одним из самых распространенных методов является *самоклассификация*, например, на основе ответов на вопрос: «Если использовать какое-то название для определения собственного социального класса, то, как Вы думаете, Вы принадлежите к низшему, среднему или высшему классу?» Подход, согласно которому сначала устанавливаются критерии класса (профессия, доход, образование, власть и др.), а затем наблюдается, как они распределены, называется методом объективных критериев. Репутационный метод – подход, при котором респондентов просят классифицировать окружающих их людей по категориям и высказать свое собственное впечатление о системе стратификации, существующей в их сообществе [39].

Основные современные системы социальной стратификации, базирующиеся на теориях К. Маркса и М. Вебера:

- система социальной стратификации Дж. Голдторпа;
- шкала престижа Д. Траймана;
- международная стандартная классификация профессий;
- кембриджская шкала социального взаимодействия и стратификации;
- система социальной стратификации Э. Райта [41, с. 15-19].

Система стратификации Голдторпа, появившаяся в 70-х гг. XX века, претерпевала некоторые изменения вплоть до 2000-х гг. Она соединила в себе идеи как неомарксизма, так и веберианства. В основе ее лежат отношения в сфере занятости в индустриальных обществах. При этом выделяются две модели:

- классовая, при которой социальное положение индивида сравнивается с его позицией на рынке труда;
- социальная иерархия, при которой индивид сам определяет свое расположение в многомерном пространстве.

Эта система широко распространена в современных исследованиях и носит название EGP-схемы (по начальным буквам фамилий – Erikson R., Goldthorp J., Portocarero L. [122, с. 415-451]).

Система состоит из одиннадцати социально-классовых категорий, сводящихся к более укрупненным семи, пяти и трем классам. Голдторп же предпочитает семиклассовый вариант. Шкала такого рода выглядит следующим образом:

Служебные (service) классы:

I. «Профессионалы», администраторы и государственные чиновники высшего уровня, менеджеры крупных учреждений и компаний, крупные собственники.

II. «Профессионалы», администраторы и государственные чиновники низшего уровня, менеджеры малого бизнеса и промышленных предприятий, кураторы служащих, занятых умственным трудом.

Промежуточные классы:

IIIa. Служащие, занятые рутинным умственным трудом в области управления и коммерции.

IIIb. Лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью в сфере услуг.

IVa. Мелкие собственники, ремесленники, имеющие наемных работников.

IVb. Мелкие собственники, ремесленники, не имеющие наемных работников.

V. Фермеры и мелкие арендаторы и другие самозанятые в сельскохозяйственном производстве.

VI. Квалифицированные работники: технические специалисты без высшего образования, кураторы работников физического труда.

VIIa. Мало- и неквалифицированные работники физического труда (не занятые в сельском хозяйстве).

VIIb. Сельскохозяйственные и другие рабочие, занятые в сельскохозяйственном производстве.

К чикагской школе стратификации относится *шкала престижа Траймана*, берущая истоки в структурном функционализме, и в частности в идеях Т. Парсонса и Э. Дюркгейма, основанная на рейтинге профессий и предполагающая различный контроль над ресурсами. Профессии по-разному вознаграждаются как материально, так и символически, и поэтому одни занятия более престижны, нежели другие [157, с. 5]. Модель Д. Траймана базируется на шести утверждениях:

1. Все сложные современные общества организованы и функционируют ради максимизации эффективности.

2. Функция максимизации эффективности достигается за счет схожего разделения труда, которое воспроизводит схожие профессиональные роли.

3. Разделение труда порождает социальную стратификацию на основе различий в уровне контроля над недостающими, невостребованными общественными ресурсами.

4. Различия в контроле над общественными ресурсами порождают различия во властных полномочиях.

5. Различия во властных полномочиях приводят к различиям в привилегиях для отдельных членов общества.

6. Власть и привилегии высоко ценятся во всех обществах, следовательно, профессиональные позиции, подразумевающие большие властные полномочия и привилегии, связаны с высоким положением в рейтинге престижности, который является универсальным.

Международная стандартная классификация профессий (ISCO-88) соответствует подходу Международной организации труда. В основе ISCO-88 лежат требования к уровню должностей, а также навыки, необходимые для соответствия отдельно взятой должности. Часто используется вариант, включающий четыре уровня профессиональных навыков, каждый из которых характеризуется квалификацией, присвоенной при получении образования:

1 уровень – начальное образование (около 5 лет);

2 уровень – общее образование (5–7 лет);

3 уровень – высшее образование (3–4 года);

4 уровень – высшее образование (3–6 лет).

В обобщенном виде ISCO выглядит следующим образом (табл. 1.3.1).

Таблица 1.3.1. **Международная стандартная классификация профессий**

Код	Укрупненная группа	Уровень профессиональных навыков
1	Законодатели, высшие должностные лица и высшее руководство	–
2	Профессионалы	4
3	Узкие специалисты	3
4	Мелкие служащие	2
5	Рядовые работники сферы торговли и обслуживания	2
6	Квалифицированные рабочие в сельском хозяйстве и рыбном промысле	2
7	Ремесленники и продавцы их изделий	2
8	Рабочие заводов, сборщики и операторы технических установок	2
9	Неквалифицированные работники	1
10	Служащие Вооруженных Сил	–

Кембриджская шкала социального взаимодействия и стратификации (CAMSIS), основанная на взаимодействии индивида с обществом с помощью социально созданных сетей, исходит из неравномерности распределения ресурсов в соответствии с социально регулируемыи взаимоотношениями внутри отдельных сетей. Поэтому социальная стратификация является функцией неравного распределения ресурсов в связи со сложившейся системой взаимоотношений внутри социальных, политических и экономических сетей [151, с. 481-508; 41, с. 15-19].

Система стратификации Э. Райта основывается на идеях К. Маркса, но включает и ряд положений теории М. Вебера. Согласно модели Райта, в основе существующих классов лежат три вида контроля над экономическими ресурсами:

- контроль над инвестициями (финансовым капиталом);
- контроль над физическими средствами производства;
- контроль над рабочей силой и властью.

Райт выделяет также три вида эксплуатации, основанной: на собственности на средства производства, на организационной иерархии и на владении квалификационными дипломами (credentials).

Он приходит к выводу, что существует четыре оси для выделения классов: владение средствами производства, количество рабочих (подчиненных), обладание дефицитными умениями (квалификацией), обладание властью [45, с. 8]. Собственники средств производства делятся на категории, отражающие масштаб собственности. Наемные работники отличаются уровнем профессиональных навыков и размером капитала (рис. 1.3.1).

Собственники	Наемные работники			Управленческий капитал + -
Буржуазия	Неквалифицированные менеджеры	Узкоквалифицированные специалисты без руководящих полномочий	Менеджеры-эксперты	
Мелкие работодатели	Неквалифицированные линейные руководители	Узкоквалифицированные линейные руководители	Линейные руководители-эксперты	
Мелкая буржуазия	Пролетариат	Узкоквалифицированные работники	Эксперты без руководящих полномочий	
	-	Капитал навыков / квалификации		+

Рис. 1.3.1. Система стратификации Э. Райта

В методике академика Т.И. Заславской для эмпирической идентификации социальных групп использовались следующие статусные переменные: уровень образования, самооценка квалификации, основное занятие, основной род деятельности, отрасль занятости, сектор экономики по форме собственности, размер предприятия (организации, фирмы), профессионально-должностная группа (по содержанию выполняемой работы и по оценке самих респондентов), а также уровень личных и семейных доходов в оценке, элиминирующей влияние инфляции.

Идентификация групп осуществлялась методом итераций. Сначала каждая группа выделялась по теоретически обоснованным признакам. Затем строился статусный портрет группы по набору переменных, позволяющему проверить, все ли включенные в нее респонденты соответствуют её социальной сущности. При обнаружении ошибочно включенных последние переводились в другие группы, сущностным качествам которых они отвечали. После этого строился статусный портрет группы в уточненных границах, а затем процедура повторялась до тех пор, пока группа не становилась достаточно гомогенной по своим главным статусным признакам.

Разные социальные группы идентифицировались с помощью разных наборов признаков, поэтому при независимом определении границ они накладывались бы друг на друга. Чтобы не допустить этого, была установлена иерархия статусных признаков. Первый приоритет отдавался участию респондентов в предпринимательской деятельности, второй – выполнению управленческих функций и профессиональной работе в сфере бизнеса [34, с. 11-12].

Наличие в стране значительной части населения, относящейся к маргиналам, свидетельствует о незавершенности в российском обществе процесса формирования классовой структуры, так как многие показатели, по которым выделяется данная группа (уровень доходов, профессиональные позиции и т.д.), не всегда соотносятся между собой, что характерно для западных сообществ. Но четкая идентификация более чем 75% экономически активного населения страны позволяет говорить о применимости классовой модели для российского общества [82].

Социологические исследования показывают, что элита индустриальных обществ составляет 1–3%, средние слои – 70–75%, нижние слои – 20–25% (рис. 1.3.2).

Рис. 1.3.2. **Социальная структура индустриального общества**

С середины XX века в наиболее развитых капиталистических странах обозначился переход к постиндустриальному обществу и соответствующей социальной структуре. Такая структура представляет собой ромб или усеченный ромб в отличие от треугольника, пирамиды социальной структуры индустриального общества. Изменения социальной структуры происходят за счет резкого увеличения среднего класса и его большей дифференциации, а также значительного уменьшения численности нижних слоев в процессе сокращения ручного труда [95] (рис. 1.3.3).

Рис. 1.3.3. **Социальная структура постиндустриального общества**

Измерение социальной мобильности. Измерение социальной структуры общества также проводят с помощью основных характеристик социальной мобильности – *интенсивности* и *всеобщности вертикальной мобильности*. *Интенсивность социальной мобильности* рассматривается как вертикальная социальная дистанция или количество слоев – экономических, профессиональных или политических, которые индивид проходит в своем восходящем или нисходящем движении за определенный период времени. Под *всеобщностью вертикальной мобильности* П. Сорокин понимает индивидов, изменивших свое социальное положение в вертикальном направлении за определенный промежуток времени. Абсолютное количество таких индивидов дает абсолютную всеобщность вертикальной мобильности в структуре населения страны, а их отношение ко всему населению – относительную всеобщность вертикальной мобильности. Объединив интенсивность и относительную всеобщность вертикальной мобильности в определенной социальной сфере (например, в экономике), можно получить, по мнению П. Сорокина, совокупный показатель вертикальной экономической мобильности того или иного общества [88, с. 591].

Обзор основных методов, применяемых западной социологией в измерении социальной мобильности (конструирование шкалы мобильности, выбор метода обработки данных, проблемы интерпретации данных), предложила М.Г. Бурлуцкая, хотя она ограничилась обзором классических подходов, не ставя цели их адаптации к специфическому социокультурному контексту [11, с. 144-157].

Попытку разработать методологические основания для измерения социальной мобильности предпринял В.Ф. Анурин [2, с. 87-96]. Базируясь на теории Сорокина, согласно которой в социальном пространстве существуют три основных измерения – экономическое, политическое и профессиональное, ученый выделил в каждом из них базовые показатели, которые в дальнейшем могут использоваться в эмпирических исследованиях. В экономическом подпространстве Анурин вычленяет доход, отношение к собственности, роль в организации труда; в политическом – ранг государственной иерархии, партийную принадлежность, ранг партийной иерархии; в профессиональном – образование, квалификацию, ранг профессии.

Более простую эмпирическую модель измерения социальной мобильности разработала М.Н. Реутова [79, с. 139-142]. Эта модель использовалась для изучения направления и интенсивности межпоколенной

мобильности молодежи. Однако автор рассматривает исключительно межпоколенные социальные перемещения, анализируя различия в социальном статусе по гендерным линиям: «отцы – сыновья», «матери – дочери». В результате были разработаны четыре показателя, характеризующие основные направления межпоколенной мобильности:

1) общая интенсивность (степень отклонения статуса детей от статуса родителей);

2) интенсивность восходящей межпоколенной мобильности, где вычисляется соотношение молодых людей, получивших более высокий профессиональный или образовательный статус по сравнению со статусом родителей;

3) интенсивность нисходящей межпоколенной мобильности (более низкий статус);

4) нулевая интенсивность, характеризующая воспроизводство социального статуса родителей или приобретение молодыми людьми социальных статусов, условно адекватных родительским.

Для анализа межпоколенной мобильности часто используют *таблицы мобильности*, т.е. двумерные таблицы, в которых строкам и столбцам отвечают одни и те же переменные с одинаковыми градациями, характеризующие те или иные статусные показатели респондентов. Частоты показывают изменение рассматриваемых аспектов социальной мобильности, например число индивидов, перешедших из одной категории в другую за какой-то промежуток времени, либо количество семей, в которых статус отца соответствует строке, а статус сына – столбцу [102, с. 120]. В общем виде таблица мобильности выглядит следующим образом (табл. 1.3.2). Ячейки таблицы по диагонали – n_{11} , n_{22} , n_{ij} и т.д. – представляют стабильные группы, в которых социальный статус наследуется. Остальные ячейки представляют различные виды мобильности от отца к сыну.

Таблица 1.3.2. **Таблица мобильности**

Социальный статус отцов	Социальный статус сыновей				Всего
	1	2..	...j...	...k	
1	n_{11}	n_{12}	n_{1j}	n_{1k}	$n_{1\cdot}$
2	n_{21}	n_{22}	n_{2j}	n_{2k}	$n_{2\cdot}$
i	n_{i1}	n_{i2}	n_{ij}	n_{ik}	$n_{i\cdot}$
k	n_{k1}	n_{k2}	n_{kj}	n_{kk}	$n_{k\cdot}$
	$n_{\cdot 1}$	$n_{\cdot 2}$	$n_{\cdot j}$	$n_{\cdot k}$	N

М.Ф. Черныш исследует связь различных типов перемещений человека по социальной лестнице с изменением его общих мировоззренческих установок [106, с. 137]. В потоках социальной мобильности в 1985–1993 гг. он выделяет две явно мобильные группы – нисходящую и восходящую и анализирует мировоззренческие изменения в этих группах.

Шкалирование в исследованиях процесса социальной мобильности.

До сих пор не разработана такая шкала, которая сочетала бы основные показатели социального статуса (доход, профессия, образование и т.д.) и позволяла бы распределить людей в пространстве социальных позиций. В целом при формировании шкалы мобильности необходимо решить две задачи:

- свести к единой шкале различные показатели социального статуса;
- обеспечить возможность количественного измерения мобильности.

В исследованиях социальной мобильности применяются два вида шкалирования. Первый вариант – использование качественных переменных (принадлежность человека к профессиональной или статусной группе, границы которых определяются довольно приблизительно).

Типичный пример такой шкалы:

1. Профессионалы.
2. Менеджеры.
3. Клерки.
4. Квалифицированные рабочие.
5. Среднеквалифицированные рабочие.
6. Обслуживающий персонал и неквалифицированные рабочие.
7. Животноводы и фермеры.
8. Работники ферм [128].

Во втором подходе в качестве делений шкалы используются классовые группы, которые конструируются не только на основе характеристик трудовой деятельности, но и с учетом положения групп в системе социальных отношений. Пример исследования мобильности с применением подобной шкалы – исследование социальной мобильности в Великобритании, проведенное Дж. Голдторпом и его коллегами [130].

Измерение социальной мобильности. Интенсивность социальных перемещений определяется с помощью системы индексов, которые могут рассчитываться двумя способами:

- соотношением коэффициентов по отдельным группам и общим коэффициентов перемещений;

– соотношением соответствующей доли каждой группы в общей численности лиц, осуществляющих перемещения, и соответствующей доли данной группы в населении.

В свою очередь групповые коэффициенты интенсивности перемещений рассчитываются по формуле (1):

$$Km_i = \frac{C_i}{\sum N_i}, \quad (1)$$

где N_i – общая численность людей в i -той группе;

C_i – сальдо социальных перемещений (2).

$$C_i = P_i - U_i, \quad (2)$$

где P_i – прибытие в i -тую группу;

U_i – выбытие из i -той группы.

1. Среднее число случаев изменения социальной принадлежности на одного человека (3):

$$K_o = \frac{M}{S_o}, \quad (3)$$

где M – общее число случаев изменения социальной принадлежности в изучаемой совокупности лиц;

S_o – общая численность лиц в изучаемой совокупности.

2. Коэффициент интенсивности социальных перемещений по совокупности лиц, менявших социальную принадлежность (4):

$$K_m = \frac{M}{S_m}, \quad (4)$$

где S_m – число лиц, менявших (хотя бы раз) в течение рассматриваемого периода социальную принадлежность.

3. Коэффициент устойчивости социальной принадлежности, то есть доля лиц, не менявших социальную принадлежность (5):

$$K_y = \frac{S_o - S_m}{S_o}. \quad (5)$$

Рассмотренные показатели связаны между собой следующим образом [155] (6):

$$K_o = K_m(1 - K_y). \quad (6)$$

Расчет общего коэффициента мобильности и вытекающих из него показателей можно произвести на основе ответов на вопрос: «Отметьте изменения, произошедшие с Вашим социальным положением в обществе» (социальный статус стал выше, стал ниже, остался прежним за период 5 и 10 лет).

Для измерения социальной мобильности на базе ответов на данный вопрос возможно применение системы следующих показателей [10, с. 205-212]:

1. Общий коэффициент мобильности равен отношению числа лиц, совершивших переходы к общей численности совокупности (7):

$$Q_o = \frac{n_o}{N_o} \times 100\%. \quad (7)$$

2. Показатель восходящей мобильности равен доле лиц, совершающих переходы с повышением социального статуса (8):

$$V_p = \sum \frac{\sum N_{ij}; (i < j)}{N_o}. \quad (8)$$

3. Показатель нисходящей мобильности равен доле лиц, совершивших переходы с понижением социального статуса (9):

$$V_n = \sum \frac{\sum N_{ij}; (i > j)}{N_o}. \quad (9)$$

Показатель структурной (вертикальной) мобильности равен разности между показателями восходящей и нисходящей мобильности (10):

$$C_v = V_p - V_n. \quad (10)$$

Коэффициент обменной мобильности равен разности между общим коэффициентом мобильности и коэффициентом структурной (вертикальной) мобильности (11):

$$P_o = Q_o - C_v . \quad (11)$$

Коэффициент соотношения между восходящей и нисходящей мобильностью (12):

$$Q_s = \frac{V_p}{V_n} . \quad (12)$$

Данные показатели образуют систему показателей социальной мобильности и позволяют составлять развернутую характеристику этого социального процесса.

Согласно методике Л.А. Беляевой, для изучения структуры российского общества нужно учитывать, кроме уровня дохода, такие критерии, как управление людьми и образование. Каждый из этих критериев обладает сильными социально-дифференцирующими свойствами, а при их сочетании достигается эффект разделения населения на социальные слои, различающиеся местом в общественной иерархии [4, с. 38]. Применение кластерного анализа методом К-средних, исключая итерации, на основе вышеперечисленных критериев ведет к выделению пяти кластеров – социальных слоев: «высокостатусные» (имеют высшее образование, 5–10 подчиненных, являются «зажиточными»); «эксперты» (имеют высшее образование, являются «обеспеченными», подчиненных не имеют); «реалисты» (имеют среднее специальное образование, подчиненных не имеют, являются «обеспеченными»); «бедные руководители» (имеют среднее специальное образование, подчиненных в количестве 10–50 человек, являются «необеспеченными»); «низкостатусные» (имеют незаконченное среднее образование, подчиненных не имеют, являются «бедными» [5]).

В группах, выделенных на основании анализа социального положения респондентов и их родителей, путем расчета вышеприведенных коэффициентов мобильности, возможно измерение межпоколенной социальной мобильности. Межпоколенная мобильность является самой важной формой социальной мобильности, так как ее масштаб свидетельствует о том, в какой степени (в том или другом обществе) неравенство переходит от одного поколения к другому.

Внутрипоколенная мобильность (социальная карьера) представляет собой изменение социальных позиций индивида на протяжении жизни вне сравнения с родителями, то есть в пределах одного поколения. Наиболее типичными видами внутрипоколенной социальной мобильности являются образовательная, профессиональная, карьерная [36; 110; 119; 152]. Для измерения их интенсивности и направленности можно использовать представленную выше систему показателей.

Таким образом, не существует единого подхода к изучению и измерению социальной стратификации и социальной мобильности. Каждый из представленных методов имеет свои достоинства и во многом схожие недостатки. В выполненном нами исследовании были использованы: системы стратификации ЕРР и Л.А. Беляевой; основные характеристики мобильности по П. Сорокину; данные государственной статистики, позволившие охарактеризовать отдельные стороны социальной стратификации и мобильности; а также результаты социологического опроса, проведенного ИСЭРТ РАН во II квартале 2013 г. среди населения субъектов РФ, находящихся в пределах Северо-Западного федерального округа¹.

---

¹ Выборочная совокупность – 5000 человек в десяти регионах Северо-Западного федерального округа (Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, республики Карелия и Коми, г. Санкт-Петербург). Объем выборки по каждому региону составляет не менее 400 респондентов, что позволяет с высокой степенью достоверности (ошибка выборки не более 5% при вероятности 95%) судить о ситуации в отдельно взятом регионе и осуществлять межрегиональные сопоставления. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения региона.

2. МОДЕРНИЗИРОВАННОСТЬ РЕГИОНОВ СЗФО

2.1. Теория и методология исследования модернизированности территорий

Модернизация России с точки зрения перспектив долгосрочного развития экономики и общества – это прежде всего процесс преобразования страны в инновационную державу, продукция которой конкурентоспособна на международных рынках. При этом каждый новый этап модернизации основан на технологических, организационных и социальных инновациях, на сменах технологических укладов (ТУ). Как считает С.Ю. Глазьев, шестой уклад, приходящий на смену пятому, открывает для России возможности технологического рывка и опережающего развития на гребне новой длинной волны экономического роста². При этом основополагающими факторами служит своевременное создание заделов для формирования ядра шестого ТУ и опережающая модернизация его стержневых отраслей: электронной промышленности, программного обеспечения, информационных технологий, нанотехнологий, геномной инженерии.

Исследования в различных областях науки показывают, что будущее России зависит от модернизации ее экономики, институциональной структуры, социума. А при разработке планов по осуществлению модернизации вполне естественно проводить сопоставление ключевых пара-

---

² Глазьев С.Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/glaziev.htm>

метров модернизации России и развитых стран, стран-лидеров инновационного развития. Представляется полезным сравнение и рейтингование стран по уровню их модернизированности.

Подобную работу провели ученые Центра исследования модернизации Китайской академии наук (ЦИМ КАН), которые проанализировали индексы и фазы модернизированности 131 страны мира и на основании этого разделили их на группы с низким, предварительным, средним и высоким уровнем. Согласно этой методике, развивающей положения классической теории модернизации, постмодерна и исторических эпох человеческой цивилизации, выделены первичная (переход от традиционного общества к индустриальному) и вторичная (переход к информационному обществу, основанному на знаниях) модернизация, а также интегрированная, измеряющая совокупный уровень обеих стадий. Разработанная система индексов и фаз дает возможность анализировать процесс модернизации конкретной страны, определив признаки каждой стадии модернизации и факторы, сдерживающие и стимулирующие эти процессы.

Судя по данным исследований китайских ученых, в 2006 г. еще не начали модернизацию 12 стран, находящихся на уровне традиционного аграрного общества; в 90 странах осуществлялась первичная модернизация, а 29 – вступили в стадию вторичной модернизации. Россия занимала 41-е место (97%) в рейтинге первичной модернизации (ПМ), 31-е место (66%) – вторичной (ВМ) и 37-е место (59%) – интегрированной (ИМ). За следующие четыре года положение страны в мировом рейтинге незначительно изменилось: ПМ – 43 место, ВМ – 29 место, ИМ – 36 место (табл. 2.1.1).

Таблица 2.1.1. **Национальная модернизация: уровни России**

Показатель	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Индекс первичной модернизации (Ранг индекса ПМ среди 131 страны)	92 (52)	96 (45)	99,7 (40)	99,9 (41)	99,9 (43)	100	100
Индекс вторичной модернизации (Ранг индекса ВМ среди 131 страны)	62 (29)	66 (29)	70 (30)	70 (30)	72 (29)	74 (30)	76 (28)
Интегрированный индекс модернизации (Ранг индекса ИМ среди 131 страны)	54 (37)	58 (39)	63 (36)	65 (38)	66 (36)	67 (37)	67 (35)
Источники: Research Group for China Modernization Strategies, et al. 2008; China Modernization Report 2008: International Modernization. – Beijing: Peking University Press; World Bank. 2008; World development Indicators 2008. – Washington DC: World Bank.							

Таким образом, на протяжении, по крайней мере, следующих 10 лет она будет находиться в первой части списка среднеразвитых стран, где расположены также Испания, Италия, Греция, Португалия.

Однако такое достаточно благополучное положение РФ не совсем согласуется с рейтингом ее инвестиционной привлекательности, с состоянием индустриальной и социальной среды и тем более с экономическим положением отдельных субъектов Федерации³. Трудность решения проблем модернизации в нашей стране заключается в многочисленности ее регионов, различиях в уровне их социально-экономического развития, человеческого потенциала и социокультурных составляющих. Бесспорно, модернизация страны складывается из модернизации ее регионов, представляя собой некую «усредненную» характеристику по совокупности территорий, скрывающую контрастные (как негативные, так и позитивные) параметры регионального развития. В этой связи определение уровней региональной модернизированности является чрезвычайно важной задачей для состоятельного анализа управления модернизацией России.

Согласно Программе фундаментальных исследований Президиума РАН № 31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» определен проект 4.9, основной задачей которого является автоматизация расчета индексов, фаз и уровней модернизации регионов и федеральных округов РФ. Для определения набора индикаторов модернизации и методики расчета индексов использован инструментарий ЦИМ КАН (Хэ Чуаньци)⁴. ЦИМ КАН ежегодно рассчитывает индексы и фазы модернизации для 131 страны мира, ранжирует их и на основании этого устанавливает основные ориентиры модернизационного развития Китая. Данная методика имеет все основания быть применимой к анализу процессов модернизации в российских регионах.

Значительный вклад в изучение процессов модернизации в регионах России внес Центр исследования социокультурных изменений Института философии РАН (руководитель ЦИСИ – чл.-корр. РАН Н.И. Лапин)⁵.

---

³ Гулин К.А. Социально-экономическая модернизация России: региональный аспект. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 330 с.; Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / под ред. Н.Я. Петракова; РГНФ; РАН. – М.; СПб.: Нестор-История, 2011. – 448 с.

⁴ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / гл. ред. Хэ Чуаньци; пер с англ. под ред. Н.И. Лапина. – М.: Весь мир, 2011. – Гл. III.

⁵ Лапин Н.И. Об опыте стадийного анализа модернизации // Опыт зарубежной модернизации. Общественные науки и современность. – 2012. – № 2. – С. 53-57.

ЦИСИ не только применил китайскую методику, но и адаптировал ее к российским условиям (дополнил значимыми для России параметрами⁶), а также апробировал в 2012 г. в 26 регионах России⁷. Для оценки модернизационных процессов были собраны статистические данные по всем 83 субъектам РФ, 8 федеральным округам и стране в целом. Индексы, фазы и уровни модернизации определялись с помощью 25 статистических показателей за 2000, 2005, 2008–2010 годы. Это позволило выявить и проанализировать среднесрочные и краткосрочные тренды параметров модернизации, в том числе их изменения в условиях кризиса⁸.

В соответствии с меморандумом, подписанным директорами двух институтов (ИФ РАН и ИСЭРТ РАН), и в рамках программы № 31 Президиума РАН «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» под руководством ЦИСИ ИФ РАН создана информационно-аналитическая система «Модернизация» (патент № 2012661285, ИСЭРТ РАН). Согласно методологическим разработкам и предоставленной ЦИСИ ИФ РАН информацией, эта информационно-аналитическая система содержит данные об основных параметрах модернизации по всем изучаемым территориям России (92) за 5 выделенных лет. Это позволяет определять конкретные факторы, тормозящие или стимулирующие процессы модернизации в каждом регионе, ранжировать регионы, визуализировать полученные результаты в виде цветных картосхем (50). Научной новизной в российской методике оценки процессов модернизации является определение 6 уровней модернизации регионов, базирующихся на индексах вторичной модернизации, фазах первичной и вторичной модернизации (разработано

---

⁶ Произведенные изменения вызваны особенностями региональной статистики: в индексе ВМ «Число телевизоров на 1000 человек» заменено на «Число телевизоров на 100 домохозяйств», в индексах ВМ и ИМ «Число пользователей сети Интернет на 100 человек» заменено на «Число персональных компьютеров на 100 домохозяйств». Кроме того, в фазу вторичной модернизации добавлены 2 индикатора: «Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженной продукции, в %» и «Доля затрат на НИОКР в ВРП, в %», которые позволяют лучше дифференцировать регионы по фазам ВМ. Хэ Чуаньци согласился с полезностью включения этих индикаторов, объяснив, что они отсутствуют в методике ЦИМ КАН, т.к. их нет в статистике ряда стран, соответственно, и в международной статистике, которую использует ЦИМ КАН.

⁷ Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России: сб. матер. VIII Всерос. научно-практ. конф. по прогр. «Социокультурная эволюция России и ее регионов» / г. Уфа, 22–25 окт. 2012 г. – Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. – 472 с.

⁸ Отчет за 2013 г. по теме «Расширение экспериментальной ИС «Модернизация» для мониторингового вычисления параметров вовлеченности России и ее регионов в процессы модернизации: 2000–2010 годы (проект 4.9 совместно с проектом 4.1 Программы Президиума РАН № 31).

чл.-корр. РАН Н.И. Лапиным)⁹. Кроме того, в рамках ИС «Модернизация» предполагается осуществление ежегодного мониторинга параметров модернизации, применение математических методов прогнозирования процессов модернизации (ЦИСИ ИФ РАН, ЦЭМИ РАН, ИСЭРТ РАН), а также расширение возможностей дистанционного использования ИС «Модернизация» заинтересованными пользователями, в том числе участниками Программы Президиума РАН № 31.

Методика исследования модернизации не претендует на фундаментальность, однако вполне оправданно может быть использована как один из возможных способов рейтингования территорий России, сопоставления с мировыми стандартами и выявления тенденций развития. В качестве стандарта применены усредненные новейшие значения индикаторов 20 развитых стран, рассчитанные ЦИМ КАН на основе международной статистики и принятые за стандартные (международно-критериальные) при определении индексов модернизации 131 страны мира (табл. 2.1.2).

Таблица 2.1.2. **Набор индикаторов, используемых при расчете индексов и фаз ПМ, ВМ и ИМ**

Индикатор	Стандарты 2010 г. индексов и субиндексов, принадлежность к фазам									
	ПМ	ВМ (SMI)				ИМ (IMI)			ПМ-фаза	ВМ-фаза
	FMI	KII	KTI	LQI	EQI	EI	SI	KI	PFM	PSM
x1 (ВРП на душу населения, долл.)	8000				38811	38811				
x2 (доля лиц, занятых в сельском хозяйстве (с/х), в общем числе занятых, %*)	30								+	
x3 (доля добавленной стоимости в с/х по отношению к ВРП, %*)	15								+	
x4 (доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВРП, %)	45					74,5				
x5 (доля городского населения во всем населении, %)	50			80,0			80,2			
x6 (число врачей на 1000 человек, чел.)	1			2,8			2,8			
x7 (младенческая смертность (в возрасте до 1 года) на 1000 родившихся, %о*)	30			5,1						

⁹ Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социологические исследования. – 2012. – №9. – С. 4–24.

Окончание таблицы 2.1.2

х8 (ожидаемая продолжительность жизни, лет)	70			79,8			79,8			
х9 (уровень грамотности среди взрослых, %)	80									
х10 (доля студентов, обучающихся в вузах, среди населения от 18–22 лет, %)	15		72,1					72,1		
х11 (доля затрат на НИОКР в ВРП, %)		2,4						2,4		+
х12 (число ученых и инженеров на 10 тыс. чел.)		39,8								
х13 (число жителей, подавших патентные заявки, на 1 млн. человек)		745						745		
х14 (доля обучающихся в средних учебных заведениях среди населения 12–17 лет, %)			100							
х15 (число телевизоров на 100 домохозяйств, ед.)			160							
х16 (число персональных компьютеров на 100 домохозяйств, ед.)			117					117		
х17 (энергетическая эффективность: ВРП на душу / стоимость потребления энергии на душу, раз)				4999,2						
х18 (ВРП на душу населения по ППС, долл.)					37322	37322				
х19 (доля добавленной стоимости материальной сферы (с/х и промышленность) в ВРП, %*)					25,5					+
х20 (доля занятых в материальной сфере в общей занятости, %*)					25,9					+
х21 (доля занятых в сфере услуг в общей занятости, %)						74,1				
х22 (экологическая эффективность: ВРП на душу / расходы энергии на душу (цена в долл.), %)							7,7			
х23 (отношение добавленной стоимости в с/х к добавленной стоимости в промышленности, раз)									+	
х24 (отношение занятости в с/х к занятости в промышленности, раз)									+	
х25 (доля инновационных товаров, работ, услуг от общего объема отгруженной продукции, %)										+

* Обратный индикатор, + означает, что переменная участвует в расчете показателя (значения сопоставляются с соответствующим диапазоном, см. табл. 2.1.3 и 2.1.4).

Расчеты по территориям РФ производились с помощью информационно-аналитической системы «Модернизация». Проведены вычисления параметров модернизации: индексы первичной модернизации (ПМ), индекс вторичной модернизации (ВМ), интегрированный индекс модернизации (ИМ); фазы ПМ, ВМ; сбалансированные индексы ВМ, ИМ; уровни и типы модернизированности, а также построены картосхемы. Обеспечен дистанционный доступ к ИС «Модернизация» (электронный адрес: <http://mod.vssc.ac.ru/>).

Методика расчета

FMI – индекс первичной модернизации (степень реализации первичной модернизации), он рассчитывается по формуле:

$$\left\{ \begin{array}{l} FMI = \sum_{i=1}^{10} \frac{S_i}{10}, \\ S_i = 100 \frac{iav}{isv}, (S_i = 100 \frac{isv}{iav^*} \text{ обратный индикатор}), \\ S_i \leq 100, \end{array} \right.$$

где S_i – степень приближения к стандартному значению i индикатора,

iav – реальное значение i индикатора,

isv – стандартное значение i индикатора.

SMI – индекс вторичной модернизации (степень реализации вторичной модернизации), который рассчитывается по формуле:

$$\left\{ \begin{array}{l} SMI = (KII + KTI + LQI + EQI) / 4, \\ KII = \sum_{i=1}^3 \frac{D_i}{3}, \\ KTI = \sum_{i=4}^7 \frac{D_i}{4}, \\ LQI = \sum_{i=8}^{12} \frac{D_i}{5}, \\ EQI = \sum_{i=13}^{16} \frac{D_i}{4}, \\ D_i = 100 \frac{iav}{isv}, (D_i = 100 \frac{isv}{iav^*} \text{ обратный индикатор}), \end{array} \right.$$

где KI – индекс инноваций в знаниях,

KTI – индекс передачи знаний,

LQI – индекс качества жизни,

EQI – индекс качества экономики,

D_i – индекс развития оценочного индикатора ($D_i \leq 120$, чтобы избежать чрезмерного влияния на результат со стороны одного индикатора),

iav – реальное значение i индикатора,

а isv – стандартное значение оценочного i индикатора.

IMI – интегрированный индекс модернизации, который рассчитывается по формуле:

$$\left\{ \begin{array}{l} IMI = (EI + SI + KI) / 3, \\ EI = \sum_{i=1}^4 \frac{D_i}{4}, \\ SI = \sum_{i=5}^8 \frac{D_i}{4}, \\ KI = \sum_{i=9}^{12} \frac{D_i}{4}, \\ D_i = 100 \frac{iav}{isv}, (D_i = 100 \frac{isv}{iav^*} \text{ обратный индикатор}), \\ D_i \leq 100, \end{array} \right.$$

где EI – экономический индекс интегрированной модернизации,

SI – социальный индекс интегрированной модернизации,

KI – знаниевый индекс интегрированной модернизации,

D_i – относительный уровень развития оценочного i индикатора,

iav – реальное значение i индикатора,

а isv – справочное значение оценочного i индикатора.

Фаза первичной модернизации рассчитывается по формуле:
 $PFM = (Px_2 + Px_3 + Px_{23} + Px_{24}) / 4$, где Px_i – значения фаз i индикатора (табл. 2.1.3).

Таблица 2.1.3. Стандарты и заданные значения индикаторов первичной модернизации

Индикатор	Стандарт	Значения фаз (Px_i)	Название фаз ПМ
x2 (доля лиц, занятых в с/х, в общем числе занятых, %)	< 10%	4	Переход к ВМ
	≥ 10%, < 30%	3	Зрелость
	≥ 30%, < 50	2	Рост
	≥ 50%, < 80%	1	Начало
	≥ 80%	0	Традиционное общество
x3 (доля добавленной стоимости в с/х по отношению к ВРП)	< 5%	4	Переход к ВМ
	≥ 5%, < 15%	3	Зрелость
	≥ 15%, < 30	2	Рост
	≥ 30%, < 50%	1	Начало
	≥ 50%	0	Традиционное общество
x23 (отношение добавленной стоимости в с/х к добавленной стоимости в промышленности, раз)	< 0,2%	4	Переход к ВМ
	≥ 0,2; < 0,8	3	Зрелость
	≥ 0,8, < 2,0	2	Рост
	≥ 2,0, < 5,0	1	Начало
	≥ 5,0	0	Традиционное общество
x24 (отношение занятости в с/х к занятости в промышленности, раз)	< 0,2%	4	Переход к ВМ
	≥ 0,2; < 0,8	3	Зрелость
	≥ 0,8, < 2,0	2	Рост
	≥ 2,0, < 5,0	1	Начало
	≥ 5,0	0	Традиционное общество

Таблица 2.1.4. Стандарты и заданные значения индикаторов вторичной модернизации

Индикатор	Стандарт	Значения фаз (Px_i)	Название фаз ВМ
x11 (доля затрат на НИОКР в ВРП, %)	> 3%	3	Зрелость
	≤ 3%, > 2%	2	Рост
	≤ 2%, > 1%	1	Начало
	≤ 1 %	0	Подготовка
x19 (доля добавленной стоимости материальной сферы в ВРП, %)	< 20%	3	Зрелость
	≥ 20%, < 30%	2	Рост
	≥ 30%, < 40%	1	Начало
	≥ 40%	0	Подготовка
x20 (доля занятых в материальной сфере в общей занятости, %)	< 20%	3	Зрелость
	≥ 20%, < 30%	2	Рост
	≥ 30%, < 40%	1	Начало
	≥ 40%	0	Подготовка
x25 (доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженной продукции, %)	> 9,0	3	Зрелость
	≤ 9,0, > 6,0;	2	Рост
	≤ 6,0, > 3,0	1	Начало
	≤ 3,0	0	Подготовка

Фаза вторичной модернизации рассчитывается по формуле: $PFM = (Px_{11} + Px_{19} + Px_{20} + Px_{25}) / 4$, где P_{xi} – значения фаз i индикатора (табл. 2.1.4).

2.2. Устойчивая разновекторность процессов модернизации в регионах Северо-Западного федерального округа

Северо-Западный федеральный округ занимает 9,9% территории Российской Федерации. В его состав входят одиннадцать регионов, крупные города (с численностью населения 100 тысяч человек и более) – Калининград, Архангельск, Череповец, Мурманск, Вологда, Петрозаводск, Сыктывкар, Великий Новгород, Псков, Северодвинск. Административный центр округа – г. Санкт-Петербург.

В СЗФО проживает 13,7 млн. человек (9,6% населения страны), преимущественно городские жители – 83,8% (в 2013 г.). С начала 2000-х годов в результате возросшей рождаемости, снижающейся смертности общая демографическая ситуация стабилизировалась. Судя по данным Всероссийских переписей¹⁰ населения 2002 и 2010 годов, доля русских в этнонациональном составе округа за 8 лет не изменилась – 90,4% в общей численности указавших свою национальность.

Доля экономически активного населения в округе (71,1%) за межпереписной период была выше, чем в целом по России (68,3%) и в других федеральных округах, причем наблюдался рост этого показателя. Однако доля населения в трудоспособном возрасте в регионах округа, относящихся к Европейскому Северу (Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская и Мурманская области), снизилась, что во многом обусловлено миграционным оттоком из этих территорий. Несмотря на достаточно высокий уровень урбанизации северных регионов СЗФО, следует отметить, что они характеризуются малолюдностью и очаговостью расселения.

Северо-Западный федеральный округ имеет целый ряд потенциальных преимуществ, которые могут способствовать повышению его конкурентоспособности. Во-первых, это выгодное географическое положение, определяемое соседством территорий округа со странами СНГ и Европейского союза и выходом к морским торговым путям. Во-вторых, в пределах округа располагается Санкт-Петербург – второй по величине

---

¹⁰ Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

город и самостоятельный субъект РФ, обладающий большим финансово-экономическим, научно-техническим и культурным потенциалом. В-третьих, округ богат природными ресурсами – это прежде всего лес (Вологодская, Псковская, Архангельская области и Республика Карелия), цветные металлы и апатиты (Мурманская область), железо (Карелия), нефть и газ (Мурманская, Архангельская области и Республика Коми). Природно-ресурсная база способствует развитию топливной, металлургической, химической, лесной и рыбохозяйственной отраслей. Кроме того, показатели уровня оснащенности территории СЗФО объектами промышленной инфраструктуры превосходят среднероссийские¹¹. Вместе с тем во многих муниципальных образованиях округа ситуация недостаточно благоприятная.

Для регионов СЗФО, как и страны в целом, характерна крайняя неравномерность социально-экономического развития¹². Так, ВРП на душу населения в Псковской области в 3 раза меньше, чем в Республике Коми, а в половине регионов округа (Республика Карелия, Вологодская, Калининградская, Новгородская и Псковская области) данный показатель меньше, чем в среднем по России. Сильно опережает в развитии другие регионы город Санкт-Петербург (обеспечивает более 40% ВРП округа), который является важным центром научно-технического и инновационного развития экономики всей страны, производства высокотехнологичной продукции, средств современного транспорта.

Геополитические изменения привели к трансформации роли Северо-Западного федерального округа в экономике страны. Главная функция округа – обеспечение внешнеэкономических связей России с Европейским союзом и другими странами. Это определило развитие транспортной инфраструктуры и трансграничного сотрудничества, ориентацию значительной части бизнеса на обслуживание внешнеэкономических связей.

Как отмечено в «Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года», за 2005–2010 годы возросла роль округа как крупной перспективной природно-ресурсной базы развития страны. Увеличилось его значение в

---

¹¹ Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2011 г. № 2074-р.

¹² Il'in V.A. The problems of development of a region under the conditions of the global crisis (Using the Vologda Region as an example) // Studies on Russian Economic Development. – 2010. – Vol. 21. – No. 1, – P. 56-63.

освоении арктических территорий, улучшился имидж и привлекательность для населения и бизнеса из других субъектов РФ, ближнего и дальнего зарубежья.

Важным преимуществом округа является высокий культурно-исторический потенциал, который способствует повышению привлекательности территории для населения, туристов и инвесторов. Поэтому особую важность имеет задача сохранения памятников архитектуры, исторических центров и природных рекреаций от нерегулируемого строительства, а также развития имеющегося культурного и туристического потенциала.

Практически для всех субъектов СЗФО характерны проблемы социально-экономического развития муниципальных образований, в частности, сельской местности. Наиболее серьезные из них заключаются в миграционном оттоке населения из периферии в крупные города, сокращении количества предприятий лесного комплекса и сельского хозяйства, объектов социальной инфраструктуры. Так, за 15 лет (с 1998 года) почти в двух тысячах населенных пунктов закрылись образовательные учреждения, более чем в 500-х были упразднены учреждения медицинского обслуживания.

Современные геополитические и социально-экономические тенденции актуализируют важность и неотложность осуществления в регионах России модернизации, которую можно рассматривать как постоянный процесс, где за стихийными волнами идут другие: расширяющие, сужающие и преобразующие и тем самым сближающие освоение и развитие территорий. По мнению Н.И. Лапина, модернизация как комплексное явление содержит в себе четыре компонента: технико-технологическую, социоэкономическую, социокультурную и институционно-регулятивную¹³. Обратимся к исследованию состояний и особенностей процессов модернизации территорий Северо-Западного федерального округа, протекавших в период 2000–2010 гг. Изучая темпы и характер модернизации, мы базировались на методике Центра исследований модернизации АН Китая¹⁴, адаптированной ЦИСИ Института философии РАН к особенностям российской статистики.

---

¹³ Лапин Н.И. О стратегии интегрированной модернизации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 1 (31). – С. 26-35.

¹⁴ Хэ Чуаньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Весь Мир, 2011. – 256 с.

Как было выявлено, в целом состояние модернизированности Северо-Западного федерального округа еще в 2000 г. достигло пятого типа модернизации (в первом из восьми округов РФ) – регионы, продолжающие информационную (вторичную) модернизацию и подготавливающие ее развитие (табл. 2.2.1). Дальнейшие векторы повышающего развития должны быть направлены в сторону улучшения экономической и когнитивной составляющих. Движение регионов СЗФО по модернизационному пути в целом согласовывалось с региональными тенденциями инерционности перехода из первого (1 и 2 типы) во второй (3 и 4 типы) этап реализации стратегии модернизации в 2000–2008 гг., а также торможением этого перехода с 2008 г. под воздействием кризиса.

Таблица 2.2.1. **Распределение регионов СЗФО по типам модернизации***

Тип модернизации	Число регионов РФ (регионов СЗФО)				
	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Тип 6 – развитые регионы, продолжающие развивать информационную (вторичную) модернизацию	1	2	1	2(1)	3(1)
Тип 5 – регионы, продолжающие информационную (вторичную) модернизацию	3(3)	3(1)	8(2)	6	4
Тип 4 – регионы, начинающие информационную (вторичную) модернизацию	9(2)	9(3)	12(3)	9(3)	11(3)
Тип 3 – регионы зрелой индустриальной (первичной) модернизации	7	12	20 (3)	25 (4)	23 (4)
Тип 2 – регионы, продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию	45 (5)	40 (7)	29 (3)	32(3)	33 (3)
Тип 1 – регионы, начинающие, начавшие, возобновившие индустриальную (первичную) модернизацию	18(1)	17	13	9	9

* Типы модернизации см. подробнее: Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социс. – 2015. – № 1. – С. 5-10.
Источники: ИС «Модернизация». – <http://mod.vscs.ac.ru/>

В анализируемый временной интервал выделяются два субпериода, разделенных мировым финансовым кризисом. В первом из них (2000–2008 гг.) в регионах СЗФО отмечалась активизация модернизационных процессов, которая была остановлена в конце 2008 г. в связи с последствиями кризиса. Индекс первичной модернизации округа за этот период увеличился на 8 п.п. (с 91,5 до 99,6%), что позволило ему переместиться с 3 на 2 место в рейтинге макрорегионов РФ (с незначительным отставанием от Центрального ФО). Во второй субпериод (2009–2010 гг.) наблюдалось существенное замедление модернизационных процессов

в отдельных субъектах федерального округа, что не позволило достигнуть полной (100%) реализации первичной модернизации. Напротив, обозначился некоторый спад показателей относительно достигнутых ранее позиций. Так индексы первичной модернизации уменьшились в 6 из 11 регионов округа. Наиболее заметное падение (более 2 п.п.) произошло в Республике Коми и Калининградской области, несущественное (от 1 до 2 п.п.) – в Новгородской и Псковской областях, незначимое снижение (менее 1 п.п.) – в Ленинградской и Вологодской областях.

Вместе с первичной модернизацией осуществлялось движение регионов по пути вторичной модернизации. В докризисный субпериод в СЗФО уровень ВМ увеличился более чем на 10 п.п. (с 66,7% в 2000 г. до 77,4% в 2008 г.), отрыв данного показателя от общероссийского возрос с 5,1 до 7,6 п.п. соответственно. Однако под влиянием кризисных явлений 2009–2010 гг. разница между этими величинами уменьшилась вновь до 5 п.п. на фоне незначительного роста индекса вторичной модернизации округа (до 79%). Тем не менее по уровню вторичной модернизации округ за весь анализируемый период устойчиво занимал второе место среди макрорегионов РФ после Центрального федерального округа¹⁵.

Анализ тенденций вторичной модернизации в СЗФО позволяет говорить о сложившейся в нем устойчивой разновекторности протекающих процессов. Выделяется группа территорий с нисходящими трендами модернизации (Мурманская область и Республика Карелия). Вследствие кризисных процессов развитие модернизации в этих территориях имело возвратный ход, и если в 2000 г. они относились к 5 типу – информационной модернизации, то в 2008–2010 гг. стали соответствовать только 3 типу – зрелой индустриализации (табл. 2.2.2).

Большинство регионов СЗФО имеют восходящие тренды развития, однако и среди них выделяются два кластера. Значительная группа территорий (Ленинградская, Калининградская, Мурманская области и Республика Карелия) образуют условно депрессивную группу. К 2010 г. они относились к 3-му типу, при этом если в первых двух областях в докризисный период был отмечен незначительный рост индексов модернизации, а далее (в 2009–2010 гг.) – застой, то в двух других территориях – резкий спад. В частности, параметры модернизации Псковской области увеличились до уровня характеристик регионов 2-го типа,

---

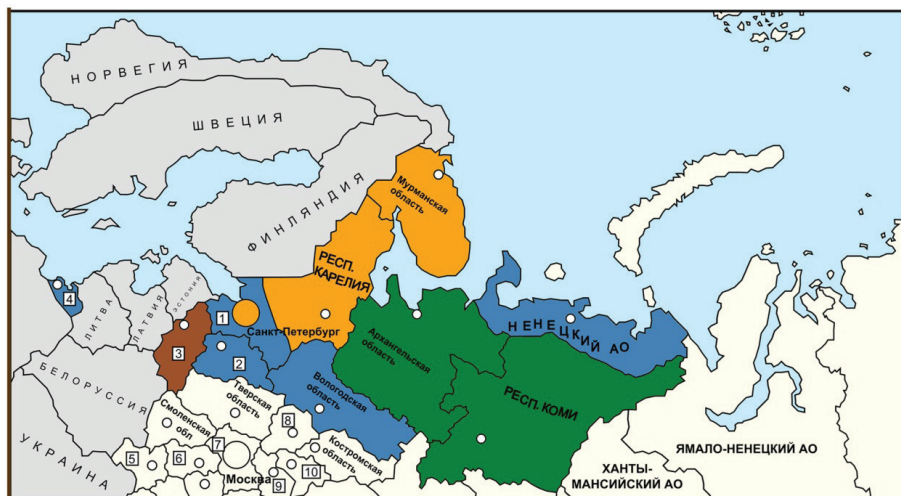
¹⁵ Ласточкина М.А. Территориальные особенности модернизации России [Электронный ресурс] // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2013. – № 2 (34). – С. 29-41. – Режим доступа. – <http://region.mcnip.ru>

в Вологодской и Новгородской областях на протяжении всего рассматриваемого периода отмечена стагнация в рамках 2-го типа продолжающейся индустриальной модернизации.

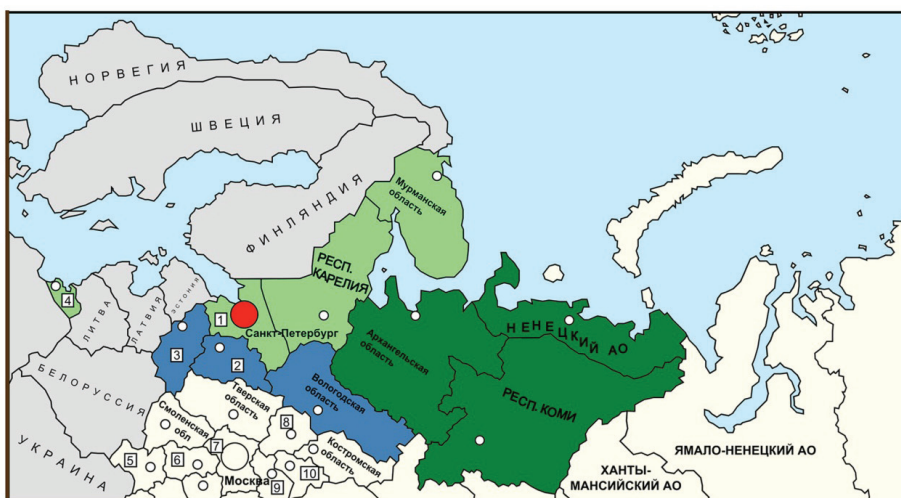
Таблица 2.2.2. **Разновекторность процессов модернизации регионов СЗФО**

Регион	Тип модернизации		
	2000 г.	2008 г.	2010 г.
<i>Развивающиеся</i>			
г. Санкт-Петербург	5	5 	6
СЗФО	5	5	5
Архангельская область	4	4	4
Республика Коми	4	4	4
<i>Ускоренно развивающиеся</i>			
Ненецкий автономный округ	2	 4	4
<i>Регрессивные</i>			
Мурманская область	5	5 	3
Республика Карелия	5	 3	3
<i>Условно депрессивные</i>			
Калининградская область	2	 3	3
Ленинградская область	2	 3	3
Новгородская область	2	2	2
Вологодская область	2	2	2
Псковская область	1	 2	2

В округе сформировалась также группа территорий с высоким уровнем модернизации, имеющих восходящие тренды развития (Архангельская область и входящий в нее Ненецкий автономный округ, Республика Коми и г. Санкт-Петербург). Обращает на себя внимание, что в посткризисные годы регионы замедлили развитие, лишь Санкт-Петербургу удалось продвинуться на пути модернизации и достигнуть высокого 6 типа. Стоит также отметить, что северная столица вносит существенный вклад в формирование высокого уровня модернизации всего федерального округа, обеспечивая дополнительные 30 п.п. в индексе вторичной модернизации (индекс ВМ СЗФО без г. Санкт-Петербурга в 2010 г. составил бы 63,6%). Следовательно, в Северо-Западном федеральном округе мы тоже видим столичную асимметрию (аналогично Московской агломерации). Радикальное отличие в том, что Москва подтянула к себе область, которая даже опередила

2000 г.

2010 г.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФО: ДИНАМИКА МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ (2000–2010)

ПМ : начало, рост, традиционный; ниже среднего, предварительный Тип 1 (1; 0)	ПМ : зрелость; ниже среднего Тип 2 (5; 3)	ПМ : зрелость; средний, выше среднего Тип 3 (0; 4)	ВМ : подготовка; все средние Тип 4 (2; 3)	ВМ : начало; высокий, выше среднего, средний Тип 5 (3; 0)	ВМ : рост; высокий, выше среднего Тип 6 (0; 1)

Примечание. В скобках указана численность регионов федерального округа, относившихся к данному типу модернизации, в 2000 и 2010 гг. соответственно.

Обозначения: ПМ – стадия первичной модернизации, ВМ – стадия вторичной модернизации. После (:) – фазы стадий модернизации, после (;) – уровни ВМ.

Цифрами на карте обозначены области: 1 – Ленинградская; 2 – Новгородская; 3 – Псковская; 4 – Калининградская; 5 – Брянская; 6 – Калужская; 7 – Московская; 8 – Ярославская; 9 – Владимирская; 10 – Ивановская.

Рис. 2.2.1. Динамика состояний (типов) модернизации регионов СЗФО

Источник: ИС «Модернизация» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mod.vscs.ac.ru/>

областной центр по типу модернизации, а Ленинградская область застряла на стадии ПМ из-за низких доходов на душу населения при заметном экономическом росте.

Обобщая оценку уровней модернизации регионов Северо-Западного федерального округа, подчеркнём, что в 2000 г. преобладала группа территорий (55%) с низким уровнем модернизации (1 и 2 типы, рис. 2.2.1), а к 2010 г. основную массу (64%) составляли регионы среднего уровня модернизации (в 2000 г. таких было 18%). В то же время за эти годы значительно уменьшилась (с 27 до 9%) доля территорий с высоким уровнем модернизации (5 и 6 типы).

Таким образом, основной характеристикой модернизационных процессов в СЗФО является разновекторное, асимметричное и несинхронизированное развитие территорий, которое стало следствием монопрофильности структуры (топливно-сырьевая, металлургическая) экономики ряда регионов, сложившихся ранее диспропорций в экономическом и социальном плане и неэффективности государственного и муниципального управления. Немаловажное влияние при этом оказал и финансово-экономический кризис, в результате которого сменились тенденции развития, произошло снижение основных экономических показателей, а также то, что не все регионы смогли полностью восстановиться после кризисных потрясений.

Основные компоненты процессов модернизации

Развитие технико-технологического компонента в России в данный эволюционный период характеризуется многоукладностью экономики. Для опережающего технологического развития необходимы неоиндустриализация, формирование экономики, основанной на знаниях. Детальный региональный анализ изменений элементов обсуждаемого компонента весьма затруднителен как в силу разнородности и разноукладности экономики, так и по причине особенностей статистической отчетности, не включающей учета элементов технологических укладов. Производства пятого технологического уклада сконцентрированы в России в ядерной и авиакосмической промышленности. Подавляющее большинство отраслей экономики базируются на более низких технологических платформах [Глазьев, 2010].

Для промышленного развития СЗФО характерна разновекторность: с одной стороны, регионы «новой индустриализации» с крупными инвестиционными проектами в обрабатывающей промышленности (Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская области), с другой –

добывающие регионы (Мурманская, Архангельская области, Республика Коми)¹⁶. В целом в промышленности округа преобладают обрабатывающие производства, их доля в структуре ВРП, самая высокая в макрорегионе, составляет 21,5%. Наиболее технически развиты машиностроение, металлургия, химия и деревообработка.

Металлургия представлена одним из крупнейших российских металлургических комбинатов – ПАО «Северсталь». В машиностроительную отрасль входят такие судостроительные предприятия, как ПО «Севмаш», Балтийский завод, Адмиралтейские верфи и т.д. В Санкт-Петербурге и Ленинградской области сформирован мощный автомобилестроительный кластер. Среди предприятий химической промышленности можно отметить «ФОСАГРО», «Акрон» и «Апатит». В лесопереработке лидируют Архангельский ЦБК, Монди Сыктывкарский ЛПК, Группа «Илим».

Второе место среди отраслей промышленности СЗФО занимает добыча полезных ископаемых. Добываются практически все виды топливно-энергетических ископаемых: уголь, нефть, газ и горючие сланцы.

Относительную оценку уровня технико-технологического развития региона позволяет дать анализ его инновационного развития. После упадка в 2005 г. инновационная составляющая в последние анализируемые годы (2008–2010 гг.) вновь стала расти, прежде всего в Республике Карелия, Ненецком АО, Ленинградской, Мурманской, Новгородской областях (доля затрат на НИОКР в ВРП), в г. Санкт-Петербурге и Псковской области (число жителей, подавших патентные заявки). Основные проблемы перехода экономики округа на инновационный путь развития содержатся в следующих моментах:

- низкий уровень инновационной активности предприятий;
- низкая производительность труда при общем сокращении численности трудоспособного населения;
- моральный и физический износ основных фондов в агропромышленном комплексе, промышленности, электроэнергетике;
- недостаток мощностей по глубокой переработке сырья.

Социоэкономический компонент характеризуется существенным повышением доли сферы услуг, однако темпы происходящих изменений невысоки. Для активного развития сервисной экономики нужен высокий спрос на товары и услуги (население с высокими доходами или

---

¹⁶ Социальный атлас российских регионов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris_archive.shtml/#no20

большой туристический поток), отсутствующий в большинстве территорий Северо-Запада. Переток работников в мелкую торговлю и сферу услуг происходит как вынужденное действие, т.к. нет других рабочих мест. Анализ показывает, что трудовой потенциал высокого качества в экономике регионов (и страны в целом) в настоящее время в должной мере не востребован и условия для его развития пока не благоприятны. Только в Вологодской области за время экономических преобразований количество высокооплачиваемых рабочих мест (в промышленности, в основном в машиностроении) снизилось на 120 тысяч¹⁷. Произошло их замещение низкоквалифицированными (а следовательно, и низкооплачиваемыми) местами в сфере услуг, обслуживания и т.п.

Оценка субиндекса трансляции знаний показала стагнацию всех входящих в него переменных – это ВРП на душу населения, доля добавленной стоимости материальной сферы в ВРП и доля занятых в материальной сфере в общей занятости.

Развитие информационных технологий (ИТ) сектора сдерживается недостаточной распространенностью персональных компьютеров в домохозяйствах (индекс = 65%). Однако за анализируемый период данный показатель возрос в 11 раз, таким образом, в ближайшие 5–7 лет можно ожидать его увеличения до 100% уровня.

Следует отметить неоднородность развития сервисной экономики в пределах макрорегиона. Так, в Санкт-Петербурге интенсивно развивается сфера услуг, с выделением третичного сектора (финансы, информатика, масс-медиа и т.д.) Доля населения, занятого в сфере услуг, превысила 70% занятого населения, и ее рост продолжается.

В северных городах СЗФО развита ресурсодобывающая промышленность. Их особенность также состоит в более высоком по сравнению со средними российскими показателями уровне развития сферы обслуживания, транспорта, вспомогательных отраслей.

Невысокий уровень жизни населения в большинстве территорий Северо-Запада, сложные природно-климатические условия (особенно в северных регионах), неразвитость самосохранительных и здоровьесформирующих практик у населения приводят к низкой ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), которая по стандартам развитых стран должна быть не менее 80 лет, а в округе составляет 70,6 года (по России – 70,2 года в 2012 г.)

---

¹⁷ Ильин В.А. Проблемы развития региона в условиях глобального кризиса (на примере Вологодской области) // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 1. – С. 78-87.

Экономические проблемы обуславливают социальные проблемы, к наиболее острым из них в СЗФО относятся:

- низкие показатели здоровья населения, в том числе по социально значимым заболеваниям: например, заболеваемость туберкулезом в России (91 случай на 100 тыс. населения) в 6–20 раз выше, чем показатели в развитых странах (Канада – 4,6 случая на 100 тыс. населения, Франция – 8,2, Англия – 15 случаев)¹⁸; низкая ожидаемая продолжительность жизни;

- низкое качество жизни вследствие высокой степени социального и доходного неравенства населения (коэффициент Джини, например, в Вологодской области возрос с 0,318 в 2000 г. до 0,376 в 2013 г.; в Санкт-Петербурге – с 0,341 до 0,447 соответственно);

- неравномерная доступность квалифицированной медицинской помощи (по данным социологического опроса 44% населения Вологодской области приходится добираться до ближайшего врача, фельдшера поликлиники более 35 минут¹⁹);

- недостаточная развитость социальной инфраструктуры;
- устаревшая материальная база образовательных учреждений и несоответствующее требованиям инновационной экономики качество образования.

Социокультурный компонент. Социокультурное пространство России подразделяется на множество региональных сообществ, характеризующихся социальными и культурными изменениями. По уровню социокультурной обустроенности городов и муниципальных образований СЗФО в целом является привлекательным для населения, в том числе для мигрантов. Значительный минус – суровые природно-климатические условия в северной части округа. Насущную проблему для периферийных районов представляет недостаточная степень доступности социальных объектов (образования, медицины) в связи с их концентрацией в крупных населенных пунктах (по данным социологического опроса, только 18% респондентов считают жизнь в своем регионе лучшей, чем в соседних). Практика показывает, что лидерами в социально-экономическом развитии становятся территории, где высоко развиты образование, наука, здравоохранение и культура. Поддержание и умножение этого потенциала является приоритетной задачей

---

¹⁸ World health statistics 2014.

¹⁹ Опрос общественного мнения населения Вологодской области проведен ИСЭРТ РАН в 2008 г. Объем выборки – 1500 респондентов.

модернизационной политики, т.к. без него не может быть инновационной экономики и быстрого саморазвития. То есть для ускорения модернизационного развития необходимо достижение высокого качества жизни населения. Требуется наличие благоприятных условий, мобилизующих социум для модернизации, а также определенного (современного) уровня инновационного, технического и социокультурного развития. Так, известный социолог профессор Ягеллонского университета П. Штомпка совершенно справедливо говорит, что «модернизация – это способ осуществления социального становления, обеспечивающий широкий доступ для населения к расширяющимся возможностям реализации человеческого потенциала»²⁰. Для этого важно:

- общедоступное образование, обеспечивающее людей навыками, необходимыми для эффективного использования возможностей, предоставляемых модернизацией;
- доступ к высшим формам культуры и искусства для повышения восприимчивости и обогащения опыта.

Несмотря на увеличение в СЗФО доли населения с высшим образованием (с 377 на 10 тыс. человек населения в 2000 г. до 451 – в 2012 г.), важной проблемой продолжает оставаться качество образовательного процесса, его адекватность требованиям экономического и производственного развития. Повышение качества образования, а также вовлеченность населения в непрерывное образование позволит современному российскому обществу перейти на более высокую ступень развития и включенности в процессы модернизации.

Повсеместная информатизация и компьютеризация расширяет возможности и пути достижения повседневных целей населения. Вместе с тем эти процессы несут в себе немало отрицательных эффектов, в частности популяризация виртуального общения приводит к снижению ценности реального общения.

По оценкам экспертов более всего претерпевает изменение перцептивная сторона (процесс восприятия друг друга партнерами и установления взаимопонимания) и встает вопрос о доверии друг к другу, порядочности и честности. Все это вызывает социальную разобщенность и пассивность, неготовность предпринимать коллективные действия и, как результат, атомизацию общества.

---

²⁰ Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6 (30).

Как отмечают многие отечественные исследователи, в обществе наблюдается все большая степень разобщенности, настроения россиян все больше связываются с собственными интересами, в первую очередь с удовлетворением материальных потребностей. Так, М.К. Горшков подчеркивает: «...Россияне концентрируют свои усилия на создании комфортной микросреды обитания... Ядром микромира россиян является семья, которая сохраняет традиционную форму: мужчина-добытчик и любящая женщина-хозяйка создают семью для рождения и воспитания детей»²¹. В.И. Жуков обращает внимание на то, что «...в современном российском обществе приоритетность дела на благо общества, других людей трансформируется в приоритетность дела ради личных интересов. В современной России в условиях кризиса и нестабильности культуры формируется тип личности с преобладанием ориентации на индивидуально-личностные нормы поведения и деятельности»²².

Социологические опросы Института социально-экономического развития территорий РАН фиксируют аналогичные тенденции на региональном уровне. Более половины жителей Вологодской области в 2010–2013 гг. отмечали, что доверять могут «только самым близким друзьям и родственникам» (57–58%); по мнению каждого четвертого, доверять в наше время «нельзя никому» (27%); доверяют «большинству знакомых и всем людям без исключения» только 16% населения региона.

Судя по данным социологических опросов, проведенных по программе «Социокультурные портреты регионов России» в различных территориях РФ, значительная часть их жителей (33%) чувствуют близость с жителями поселения, в котором они живут (варианты «далекое» и «чужое» выбирают 6% опрошенных). Причем в масштабе «поселение – область – Россия» происходит снижение данного показателя и увеличение доли оценок, отражающих безразличное и отчужденное отношение к людям (36,7%)²³. Это иллюстрирует концентрацию интересов населения только на своей личной жизни, что усиливает разобщенность в обществе.

---

²¹ Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 3.

²² Жуков В.И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз: доклад на II съезде Союза социологов России. – М.: РГСУ, 2008.

²³ Shabunova A.A., Okulova N.A. Russians assess social and cultural regional milieu // Sotsiologicheskie Issledovaniya. – 2011. – № 6. – P. 36-43.

Институционно-регулятивный компонент является частью социокультурной модернизации и нацелен на демократизацию государственной жизни общества, обеспечение активности гражданского общества и т.д.

Данные опросов ИСЭРТ РАН²⁴, проведенных в Вологодской области, свидетельствуют об устойчивом росте показателей социального настроения и запаса терпения, снижении уровня протестного потенциала (с 21% в 2007 г. до 16% в 2013 г.). Вместе с тем наблюдается рост доли жителей региона, считающих, что они не могут повлиять на состояние дел в городе (с 62% в 2011 г. до 69% в 2014 г.), области (с 67 до 73% соответственно), в стране (с 67 до 74%). Сохраняются также негативные тенденции общественного мнения в отношении деятельности Правительства РФ, отсутствуют позитивные изменения в оценке работы других властных структур; население все меньше связывает свои ожидания с деятельностью органов власти.

Полученные данные говорят о существовании обособленности человека, об «уходе в себя», спаде ожидания помощи со стороны государства. Вполне обоснованно можно утверждать, что социально-экономический атомизм и снижение пассионарности характерны не только для Вологодской области, но и для Российской Федерации в целом²⁵. Возникающее при этом нарушение равновесия в обществе может привести к нестабильным ситуациям, влекущим за собой максимизацию рисков и ущербов для социокультурной системы. Поэтому необходима корректировка социоэкономической модернизации в сторону улучшения человеческого потенциала и повышения социокультурного компонента развития общества.

Об этапах стратегии интегрированной модернизации регионов

В период с 2000 по 2010 г. в СЗФО наблюдалась незначительная позитивная динамика индекса интегрированной модернизации (ИИМ): его значения выросли с 59 до 71%, что соотносится с уровнем среднеразвитых стран (интервал от 53 до 83%). Из трех групп параметров ИИМ менее благоприятна ситуация в экономической сфере (индекс равен 56%). Однако при детальном рассмотрении региональной модерниза-

---

²⁴ Lastochkina M.A. Factors of Satisfaction with Life: Assessment and Empirical Analysis // Studies on Russian Economic Development. – 2012. – Vol. 23. – № 5. – P. 520-526.

²⁵ Морев М.В., Каминский В.С. Проблемы взаимодействия государства и общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6 (30). – С. 207-224.

ции можно увидеть наименьшие величины индекса трансляции знаний (от 41 до 59%) у всех территорий, за исключением г. Санкт-Петербурга (93%). Подобный диссонанс объясняется тем, что северная столица отличается достаточно большой долей затрат на исследования и разработки в ВРП и значительным числом жителей, подающих заявки на патенты (на 1 млн. человек), и это в 6–13 раз превышает показатели соседних субъектов РФ.

Стоит отметить сходство ситуации интегрированной модернизации в большинстве регионов России и СЗФО: ИИМ очень мал – в пределах от 42 до 70%. Более высокий его уровень имеют лишь г. Москва – 89%, г. Санкт-Петербург – 78% и Томская область – 72%. Для большинства регионов основными причинами, сдерживающими процессы модернизации, являются недостаток ресурсных возможностей, низкая доля производств с высокой добавленной стоимостью, слабый уровень развития сектора научных исследований и опытно-конструкторских разработок.

Торможение процессов модернизации содержит два аспекта: экономический и когнитивный. Во всех регионах, за исключением г. Санкт-Петербурга, они находятся на низком уровне. Высокий индекс знаний, присущий Санкт-Петербургу, восполняет когнитивную составляющую в округе (табл. 2.2.3). Вместе с тем нет прямого «взаимодействия» между городом федерального значения и Ленинградской областью, которая все еще пребывает в первичной (индустриальной) стадии модернизации. Необходимо отметить наименьший уровень сбалансированности ИИМ в Вологодской и Псковской областях.

Таблица 2.2.3. **Динамика состояний (типов) модернизации регионов СЗФО (2000–2010 гг.) и несбалансированность основных ее составляющих (на основе интегрированных индексов и их субиндексов)**

Регионы	Динамика состояний типов			Интегрированные индексы, ИИСБ			
				Значение ИИСБ	Уровень ИИСБ	Субиндексы ниже ИИМ	Субиндексы выше ИИМ
	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2010 г.			
2. Вторичная (информационная) стадия модернизации							
Повышение состояний ВМ. Опережают социальная и когнитивная составляющие.							
г. Санкт-Петербург	5	5	6	0,376	С	эк.	соц., зн.
Неустойчивость состояний ВМ (типы 4, 5, фазы начала, роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие.							
Мурманская обл.	5	4	3	0,358	С	эк., зн.	соц.

Респ. Карелия	5	2	3	0,217	НС	эк., зн.	соц.
Архангельская обл.	4	2	4	0,182	НС	эк., зн.	соц.
Застой ВМ (типы 4, 5, фазы начала, роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие.							
Северо-Западный ФО	5	5	5	0,355	С	эк.	соц., зн.
Респ. Коми	4	4	4	0,233	НС	эк., зн.	соц.
Переход к ВМ (к типу 4, фаза начала). Опережает социальная составляющая.							
РОССИЯ	3	3	5	0,540	ВС	эк., зн.	соц.
Ненецкий АО	2	4	4	0,331	С	эк., зн.	соц.
1. Первичная (индустриальная) стадия модернизации							
Повышение ПМ (к типам 2, 3). Опережает социальная составляющая.							
Ленинградская обл.	2	2	3	0,244	НС	эк., зн.	соц.
Калининградская обл.	2	2	3	0,183	НС	эк., зн.	соц.
Псковская обл.	1	2	2	0,177	Н	эк., зн.	соц.
Застой динамики ПМ (тип 2, фаза роста). Отстают экономическая и когнитивная составляющие.							
Новгородская обл.	2	2	2	0,211	НС	эк., зн.	соц.
Вологодская обл.	2	2	2	0,147	Н	эк., зн.	соц.
Обозначения: ИИСБ – интегрированный индекс сбалансированности модернизации, формула получения ИИСБ включает квадраты отклонений субиндексов от ИИМ; ИИМ – индекс интегрированный модернизации; он включает три субиндекса: экономический (эк.), когнитивный или знаниевый (зн.), социальный (соц.); относительно значений ИИМ фиксировано положение субиндексов – «выше» или «ниже». Уровни ИИСБ: В – высокий, ВС – выше среднего, С – средний, НС – ниже среднего, Н – низкий. При повышающей динамике отмечены составляющие выше ИИМ, а при застойно-понижающей – ниже ИИМ. Источник: таблица построена с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда).							

Анализ распределения стадийных индексов модернизации и ее интегрированного компонента позволяет сконструировать коридоры возможностей модернизации на ближайшие 5–10 лет. На наш взгляд, наиболее продуктивной будет стратегия поэтапной модернизации.

Этап 1. Целесообразно сосредоточить финансовые ресурсы и организационные усилия на максимальном использовании потенциала г. Санкт-Петербурга для развития сильно отстающей от него Ленинградской области. Необходимо развивать лесопромышленный кластер макрорегиона Северо-Запад, и прежде всего в Республике Коми, Архангельской и Вологодской областях, Республике Карелия. Необходимо заменить сырьевой экспорт на экспорт преимущественно готовой продукции (деревянное домостроение, мебель, бумага и т.д.).

Этап 2. Следует использовать потенциал кластерных производств; поддерживать и развивать промышленные кластеры в Калининградской, Вологодской и Новгородской областях. Активное развитие может также получить туристический кластер в Вологодской и Псковской областях. Приоритетами этого этапа должны стать реиндустриализация и формирование экономической среды, создающей возможности для дальнейшего развития. Прделанные шаги будут способствовать вхождению регионов в третью фазу модернизации (зрелости ПМ) и созданию базы перехода к ВМ.

Этап 3. Необходимо развивать потенциал нефтегазового кластера (Мурманская область, Республика Коми) и вместе с тем формировать берегающие технологии природо- и лесопользования. Цель создания кластеров и продвижения межрегиональной кластерной политики должна заключаться в повышении производительности, инновационности, конкурентоспособности и прибыльности предприятий. Значимым фактором регионального развития является использование потенциала приграничного сотрудничества (Республика Карелия, Мурманская и Ленинградская, Калининградская области), которое должно стать объектом пристального внимания и формирования делового и инновационного сотрудничества.

В качестве обобщения отметим, что Северо-Западный федеральный округ имеет ряд преимуществ. Основные из них – это географическое положение, природно-ресурсная база. Огромное значение имеет город федерального значения Санкт-Петербург. Показатели уровня оснащенности территории округа объектами промышленной инфраструктуры превосходят среднероссийские. Однако состояние инфраструктуры и магистральных коммуникаций во многих муниципальных образованиях недостаточно благоприятное. Из-за отсутствия необходимой транспортной составляющей и из-за редкой сети городов в северной части СЗФО существует низкая сплоченность, которая сдерживает эффективность реализации его экономического потенциала. Это один из основных факторов, тормозящих развитие, поэтому в перспективе следует уделять повышенное внимание улучшению качества автомобильных дорог, систем теплоснабжения, энергосетей. По мнению экспертов²⁶, производственный потенциал регионов округа ограничен условиями экономики и инновационной перестройки.

---

²⁶ Проблемы экономического роста территории / Т.В. Ускова, Е.В. Лукин, Т.В. Воронцова, Т.Г. Смирнова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013.

Зачастую объем и структура инвестиционных предложений не соответствуют степени развития территориальной инфраструктуры, большая часть фондов сильно изношена и морально устарела. Требования модернизации и перехода к новому этапу технологического уклада обуславливают необходимость развития и обновления производственного потенциала на новой научно-технической и инновационной основе.

Следует иметь в виду, что при выборе инерционных сценариев развития макрорегиона (при сохранении существующих тенденций) достичь поставленных стратегических целей не представится возможным. Недостаточным будет рост высокотехнологичных отраслей экономики, произойдет ухудшение экологической обстановки, некоторые области утратят конкурентоспособность и будут испытывать серьезные экономические и социальные последствия. Проблематичным станет развитие энергетической и транспортной инфраструктуры. Ухудшится демографическая ситуация, сдерживание инновационного развития приведет к снижению качества трудового потенциала.

В случае же выбора инновационного сценария развития у СЗФО появится возможность превратить территории в зону технологического и социокультурного прорыва. Высокотехнологичные и наукоемкие отрасли будут иметь достаточно стимулов для ускоренного роста. С учетом повышения эффективности здравоохранения, внедрения новых технологий можно прогнозировать возможное снижение заболеваемости и смертности населения. Формирование эффективного комплекса «наука – образование – инновации» (НОИ)²⁷ обеспечит опережающий характер развития образовательной сферы и в итоге – рост качества образования, изменение профессионально-квалификационной подготовки кадров в целях удовлетворения потребностей инновационной экономики. Развитие добывающих и перерабатывающих отраслей на базе инновационных технологий позволит продуктивно развиваться топливно-энергетическому комплексу и выходить на новые рынки сбыта. То есть обеспечение конкурентоспособности регионов СЗФО будет основываться на сбалансированности направлений инновационной активности во всех сферах социально-экономической жизни.

---

²⁷ Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. – М.: Медиа-Пресс, 2013. – С. 395-414.

3. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ЕЕ ИЗМЕНЕНИЕ

3.1. Социальная стратификация в регионах СЗФО

Основной целью социально-экономической политики государства в настоящее время является устойчивое человеческое развитие в результате накопления человеческого капитала, качество которого способствует повышению темпов экономического роста в стране²⁸.

Формирование качественного человеческого капитала составляет основу совершенствования социальной структуры общества, перехода одного социального слоя в другой (социальная мобильность). Процессы воспроизводства социального неравенства и человеческого капитала взаимосвязаны, так как инвестиции в различные составляющие человеческого капитала влияют на характер социальной стратификации. В итоге происходит перестройка социальной структуры общества, закрепление новых характеристик, способностей и видов деятельности. Таким образом, формирование качественного человеческого капитала и соответственно качественной социальной структуры общества является основой устойчивого экономического роста и, следовательно, повышения конкурентоспособности территории.

Рассмотрим социальную стратификацию в Северо-Западном федеральном округе. Как было обозначено выше, существуют различные подходы к установлению её критериев. Поскольку определяющим фактором благосостояния населения является доход, обуславливающий

---

²⁸ Выступление В.В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>

возможности удовлетворения материальных и духовных потребностей, основным статистическим индикатором материальной стратификации выступает децильный коэффициент, показывающий разрыв в уровне дохода 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения. Данный показатель включен в число характеристик состояния национальной безопасности, представленных в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»²⁹. В развитых европейских странах децильный коэффициент [124] равен 6–9, в США – 15. В СССР его значение варьировалось³⁰ от 3,5 до 4,5, в Российской Федерации с 1991 г. он постоянно возрастал (табл. 3.1.1). Наиболее существенный разрыв в уровне доходов наблюдается в Санкт-Петербурге, что закономерно для города федерального значения, и Республике Коми, что характерно для добывающих регионов.

Некоторая стабилизация данного показателя в последние годы, по мнению экспертов, объясняется действиями властей по увеличению расходов на социальные выплаты. Рост пенсий и социальных пособий способствовал уменьшению группы низкообеспеченных граждан³¹.

Таблица 3.1.1. Децильный коэффициент неравенства доходов в РФ за 2002–2012 гг.

Территория	2000	2005	2008	2010	2011	2012
Республика Карелия	7,9	9,2	10,4	10,7	10,6	11,5
Республика Коми	14,5	17,3	17,5	17,3	16,5	16,7
Архангельская область	8,5	11,0	12,3	12,6	12,5	13,1
Вологодская область	8,0	11,2	12,4	11,7	11,4	11,9
Калининградская область	8,1	9,1	11,7	12,1	12,1	13,1
Ленинградская область	6,1	10,0	12,0	12,3	12,4	12,6
Мурманская область	11,6	11,6	13,6	13,7	13,2	13,6
Новгородская область	9,8	10,5	13,8	14,5	14,5	14,8
Псковская область	7,5	9,6	12,0	11,9	11,5	12,1
г. Санкт-Петербург	9,4	17,5	18,3	19,8	19,4	19,4
СЗФО	9,1	12,1	14,3	14,2	13,9	13,9
РФ*	13,9	15,2	16,9	16,5	16,2	16,4

* В РФ в 1991 г. – 4,5.
 Источник: Регионы России. 2001–2012: стат. сб. / Росстат. – С. 182.

²⁹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» от 12 мая 2009 г. № 537. – С. 27.

³⁰ Основные показатели социально-экономического развития СССР. – М., 1989. – С. 34.

³¹ Бедные сокращают разрыв с богатыми [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.spb.ru/657073-0/>

Связь между коэффициентом Джини и коэффициентом фондов, отражающими степень неравенства доходов, близка к функциональной. С 2000 по 2012 г. дифференциация доходов населения СЗФО, выражаемая коэффициентом Джини, усиливалась (табл. 3.1.2). Прирост данного показателя варьируется в пределах от 5 до 39% (в целом по СЗФО – 19%). Особенно высокие темпы углубления неравенства по доходам отмечались в Ленинградской области, г. Санкт-Петербурге и Псковской области (39, 30 и 22% соответственно). Однако значения индекса Джини выше среднероссийского наблюдаются в г. Санкт-Петербурге и Республике Коми (как и по коэффициенту фондов).

Таблица 3.1.2. Коэффициент Джини в регионах СЗФО в 2000–2012 гг.*

Регион	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2012, % к 2000
г. Санкт-Петербург	0,341	0,432	0,442	0,432	0,441	0,446	0,442	0,442	129,6
Республика Коми	0,402	0,429	0,435	0,431	0,424	0,423	0,42	0,421	104,7
Новгородская область	0,347	0,363	0,377	0,396	0,402	0,403	0,402	0,406	117,0
Мурманская область	0,371	0,377	0,394	0,397	0,398	0,394	0,39	0,393	105,9
Архангельская область	0,326	0,369	0,375	0,383	0,387	0,384	0,381	0,388	119,0
Калининградская область	0,319	0,343	0,383	0,375	0,378	0,379	0,377	0,388	121,6
Ленинградская область	0,276	0,352	0,379	0,379	0,373	0,38	0,38	0,383	138,8
Псковская область	0,308	0,345	0,366	0,377	0,374	0,375	0,37	0,377	122,4
Вологодская область	0,318	0,364	0,386	0,382	0,37	0,373	0,369	0,375	117,9
Республика Карелия	0,316	0,349	0,361	0,363	0,363	0,361	0,358	0,37	117,0
СЗФО	0,332	0,372	0,39	0,392	0,391	0,392	0,389	0,394	118,7
РФ	0,395	0,409	0,422	0,421	0,421	0,421	0,417	0,42	106,3

* Ранжировано по коэффициенту Джини 2012 г.

Источник: Регионы России. 2001–2012: стат. сб. / Росстат. – С. 182.

Еще одним критерием материальной дифференциации является субъективная самооценка. Большинству населения СЗФО «денег достаточно для покупки большинства товаров» (50–60%; табл. 3.1.3). За период 2005–2013 гг. удельный вес «обеспеченного» населения снизился практически повсеместно, за исключением Республики Коми и Архангельской области, где сохраняется один из самых высоких в округе уровней среднедушевых доходов.

Серьезно повлиял на социальную структуру населения округа финансово-экономический кризис, который нивелировал благоприятные изменения в субъективной самооценке материального положения,

отмечавшиеся до 2008 г. В итоге социальная структура в 2009 г. приблизилась к таковой вида 2005 г., однако уже в 2010 г. произошел возврат к её докризисному варианту 2008 г.

В настоящее время отмечается сдвиг в сторону увеличения удельного веса категории необеспеченных (2010 г. – 29%, 2013 г. – 40%). Представительство данной группы населения увеличилось на 16–20% в Новгородской, Архангельской, Калининградской областях; на 10–12% – в Псковской области, Республике Карелия и г. Санкт-Петербурге, что, возможно, связано с увеличением просроченной суммарной задолженности по заработной плате в данных регионах³² и более высокими темпами роста неравенства по доходам.

Таблица 3.1.3. **Распределение ответов жителей регионов СЗФО на вопрос: «Какая из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?», в % от числа опрошенных**

Регион	«Денег достаточно для покупки большинства товаров»					«Денег хватает в лучшем случае на еду»				
	2005	2008	2009	2010	2013	2005	2008	2009	2010	2013
Республика Коми	55,7	70,2	53,1	63,6	63,2	44,3	29,8	47,0	36,5	36,7
Вологодская область	58,5	65,5	59,2	64,2	53,5	41,5	34,5	40,8	35,9	40,3
Мурманская область	60,8	72,0	64,5	64,8	55,9	39,3	28,0	35,6	35,3	42,4
Калининградская область	50,1	72,1	40,3	66,4	49,7	50,0	27,9	59,8	33,6	50,3
Псковская область	–	64,4	48,3	69,1	47,1	–	35,6	51,6	30,9	43,1
Республика Карелия	64,8	73,1	64,0	71,8	60,8	35,2	26,9	36,0	28,2	38,4
Ленинградская область	61,6	70,1	72,0	73,5	63,8	38,3	29,9	28,0	26,4	30,9
Новгородская область	–	61,0	50,7	73,8	53,6	–	39,0	49,3	26,3	46,3
г. Санкт-Петербург	69,5	79,0	59,4	79,9	64,6	30,4	21,0	40,5	20,1	31,7
Архангельская область	58,2	66,4	71,7	63,5	61,3	41,8	33,6	28,2	18,3	35,8
Среднее по СЗФО	60,2	69,4	58,3	70,9	57,4	40,1	30,6	41,7	29,2	39,6

Источник: Мониторинг общественного мнения о политической и экономической ситуации в регионах Северо-Западного федерального округа, 2005–2013 гг. Выборочная совокупность – 5000 человек в десяти регионах СЗФО (Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, республики Карелия и Коми, г. Санкт-Петербург). Объем выборки по каждому региону составляет не менее 400 респондентов, что позволяет с высокой степенью достоверности (ошибка выборки не более 5% при вероятности 95%) судить о ситуации в отдельно взятом регионе и осуществлять межрегиональные сопоставления.

³² Данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Рассмотрим социальный портрет различных групп населения СЗФО в зависимости от самооценки материального положения за 2013 г. Среди категории «бедных и нищих» (тех, «кому денег не хватает» или у кого «на повседневные затраты уходит вся зарплата»), а также «необеспеченных» (кому «на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна») преобладают женщины среднего и пенсионного возраста, проживающие в городе, имеющие средний доход около 10–12 тысяч рублей.

Группа «обеспеченных» («средств в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг») представлена жителями СЗФО в возрасте 30–60 лет, работающими в промышленности, связи, торговле, имеющими высшее образование и доход в пределах 16 тысяч рублей.

Слой «зажиточных и богатых» (которые «практически ни в чем себе не отказывают» или которым «на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи») преимущественно состоит из мужчин среднего возраста (30–60 лет), работающих в промышленности или являющихся госслужащими, имеющих высшее образование и доход порядка 25 тысяч рублей.

Таблица 3.1.4. **Уровень среднемесячного фактического дохода в группах населения с различным материальным положением, рублей**

Регион	Бедные, нищие*	Необеспеченные**	Обеспеченные***	Зажиточные, богатые****
Республика Коми	10224	11617	14442	19322
Вологодская область	9596	10656	13560	22842
Мурманская область	13731	18707	25573	33811
Калининградская область	8004	10586	14099	17894
Псковская область	8173	9098	11919	15004
Республика Карелия	11613	14038	18009	26022
Ленинградская область	11445	15064	19110	31084
Новгородская область	8918	10519	13937	17539
г. Санкт-Петербург	21262	16848	23946	35743
Архангельская область	11334	15627	17191	24481
Среднее по СЗФО	10779	12301	16299	24577

* Варианты ответа «Денег не хватает на повседневные затраты» и «На повседневные затраты уходит вся зарплата».

** Вариант ответа «На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна».

*** Вариант ответа «В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг».

**** Варианты ответа «Почти на всё хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи» и «Практически ни в чём себе не отказываем».

Если основные социальные характеристики в разрезе территорий СЗФО в отношении материальной самоидентификации слабо дифференцированы, то уровень фактического среднемесячного дохода в одной и той же группе в различных субъектах существенно отличается (табл. 3.1.4).

Так, размер среднемесячного фактического дохода в категории «бедных и нищих» г. Санкт-Петербурга в среднем равен 21 тыс. руб., что практически соответствует доходу «зажиточных и богатых» в Вологодской области и выше, чем доход «зажиточных и богатых» в Калининградской, Новгородской, Псковской областях – 15–17 тыс. руб. Таким образом, разброс по данному показателю в группе «бедных и нищих» составляет 2,7 раза, «необеспеченных» – 2,1 раза, «обеспеченных» – 2,2 раза, «зажиточных и богатых» – 2,4 раза.

Социальное неравенство отражает социальная стратификация, учитывающая кроме материального благополучия ряд других факторов. Она показывает расслоение общества «сверху вниз» по горизонтальным слоям (стратам) вследствие неравного доступа к таким социальным благам, как деньги, власть, престиж, образование, информация, карьера, самореализация и т.п. Для выявления социальной стратификации применен кластерный анализ методом К-средних, исключая итерации, учитывая три критерия – материальный уровень жизни, власть³³ и образование [4]. В ходе анализа были выделены пять кластеров – социальных слоев. Приведем характеристику социальных страт (табл. 3.1.5).

Таблица 3.1.5. **Кластеры – социальные слои населения СЗФО, 2013 г.**

Критерии	Высокостатусные	Эксперты	Реалисты	Бедные руководители	Низкостатусные
Центры	3	1	1	4	1
Власть	5–10 подчиненных	Нет подчиненных	Нет подчиненных	10–50 подчиненных	Нет подчиненных
Центры	5	4	4	3	2
Доход	Зажиточные	Обеспеченные	Обеспеченные	Необеспеченные	Бедные
Центры	5	5	3	3	2
Образование	Высшее	Высшее	Среднее специальное	Среднее специальное	Незаконченное среднее

³³ Под властью в данном случае понимается наличие или отсутствие подчиненных и их количество.

«Высокостатусные» имеют высшее образование, 5–10 подчиненных, являются «зажиточными». «Эксперты» имеют высшее образование, являются «обеспеченными», подчиненных не имеют. «Реалисты» имеют среднее специальное образование, являются «обеспеченными», подчиненных не имеют. «Бедные руководители» имеют среднее специальное образование, подчиненных в количестве 10–50 человек, относятся к «необеспеченным» (поэтому и «бедные»). «Низкостатусные» имеют незаконченное среднее образование, являются «бедными», подчиненных не имеют [5].

Итак, верхний (пятый) кластер – «высокостатусные» – в среднем по СЗФО имеет достаточно узкий круг представителей (10%; табл. 3.1.6). Наиболее четко выделяется Ленинградская область, где наполняемость данного слоя в два раза превышает среднеокружной показатель, что связано с более активным развитием малого и среднего предпринимательства, чем в других районах. Эти люди относят себя к верхнему слою в пределах своего населенного пункта и к слою выше среднего в масштабах региона и страны. Средний возраст высокостатусных по СЗФО составляет 42 года, средний доход на 1 члена семьи – порядка 29 тыс. руб.; в основном население данной группы проживает в крупных городах.

Таблица 3.1.6. **Социальная стратификация населения СЗФО, 2013 г.**
(по результатам кластерного анализа)

Регион	Высокостатусные	Эксперты	Реалисты	Бедные руководители	Низкостатусные
Республика Карелия	9	41,2	26,4	3,3	20,1
Республика Коми	7,2	24,2	44,7	3,7	20,2
Архангельская область	8,5	32	35	3,5	21
Вологодская область	7,3	30,3	30,7	2,9	28,9
Калининградская область	6	28	36,8	1,8	27,5
Ленинградская область	20,4	38,4	19,2	5,5	16,5
Мурманская область	10,8	32,8	27,9	3,4	25
Новгородская область	8,8	27	34,5	3,3	26,5
Псковская область	9	29,8	23,3	4,8	33,3
г. Санкт-Петербург	10,7	45,6	22,7	4,5	16,5
Среднее по СЗФО	9,8	32,9	30,1	3,7	23,6

Четвертый кластер – «бедные руководители» – еще менее наполнен, чем предыдущий (4%), и особых территориальных различий в его численности не отмечается. В уровне образования они уступают верхнему кластеру, имея среднее специальное образование. Сами себя относят к среднему слою в рамках своего населенного пункта и региона, в масштабах страны – к слою ниже среднего. Как правило, это руководители низшего и среднего звена в сельском хозяйстве, акционерном обществе, на госпредприятии, предприниматели. По характеристикам этот кластер схож с кластером «высокостатусных» (больше мужчин, средний возраст 42 года, состоящие в браке). Примечательно, что население данной категории относит себя к группе «необеспеченных», хотя средний доход на 1 человека в семье составляет порядка 18,5 тыс. рублей, что говорит о более высоком уровне потребительских запросов.

Третий кластер – «эксперты» – объединяет примерно треть населения СЗФО (33%). Наиболее представительна данная группа в Республике Карелия и г. Санкт-Петербурге (41 и 46% соответственно). Как и «руководители», они относят себя к среднему слою в пределах своего населенного пункта и региона, а в масштабах страны – к слою ниже среднего. В основном это врачи, преподаватели, работники культуры, юристы, высококвалифицированные рабочие. Число женщин в этом кластере почти в полтора раза больше, чем мужчин, по большей части это люди, средний возраст которых составляет 41 год, проживающие в городе, имеющие доход на 1 члена семьи в среднем около 17 тыс. рублей.

Второй кластер – «реалисты» – вмещает в себя около трети жителей округа и значительно дифференцирован по регионам: от 45% в Республике Коми до 19% в Ленинградской области. Как и «эксперты», представители этого кластера не имеют подчиненных и уступают им в уровне образования (среднее специальное), хотя их доходы являются достаточными для того, чтобы отнести их к группе «обеспеченных» (в среднем 15 тыс. рублей), средний возраст «реалистов» – 44 года. Как правило, это рабочие промышленности, транспорта и связи, а также работники сферы быта, услуг и торговли. В этом кластере мужчин немного больше, чем женщин. Обычно «реалисты» проживают в деревнях и селах и позиционируют себя как верхний слой. Однако большинству из них сложно соотносить себя с каким-либо из социальных слоев.

Нижний кластер – «низкостатусные», объединяющий 24% жителей СЗФО, наиболее представлен в Псковской области – треть населения, что обусловлено уровнем дохода, одним из наиболее низких в округе.

Близкие к приведенному значения показателя (27–29%) имеют Вологодская, Калининградская и Новгородская области. Группа «низко-статусных» включает людей, получивших среднее общее образование, не имеющих подчиненных, средний возраст – 46 лет. Это рабочие в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, пенсионеры, которые по размеру дохода относятся к страте «бедных» и идентифицируют себя с нижним социальным слоем.

Еще одним способом стратификации населения является самоидентификация (отнесение себя к тому или иному социальному слою). Чтобы выяснить социальную принадлежность жителей региона, в ходе опроса им было предложено определить, к какому слою они отнесли бы себя в своем городе/селе, в регионе; в масштабах страны. По данным опроса, проведенного ИСЭРТ РАН в 2013 году, большинство населения (59%) регионов СЗФО относит себя к среднему слою (табл. 3.1.7).

Причем в масштабе «город/село – регион – страна» происходит снижение данного показателя и увеличение показателей, характеризующих идентификацию населения с низшими слоями общества. Это может говорить о социально-экономических проблемах на уровне региона и муниципалитетов (низкой заработной плате, низком уровне экономической активности и т.д.).

Таблица 3.1.7. **Распределение ответов на вопрос: «К каким социальным слоям Вы относите себя в своем городе (селе)?», 2013 г., в %**

Регион	Верхний слой	Слой выше среднего	Средний слой	Слой ниже среднего	Нижний слой	Затрудняюсь ответить
Республика Карелия	0,8	6,8	66,6	19,1	3,0	3,8
Республика Коми	0,5	5,9	70,1	16,3	3,7	3,5
Архангельская область	0,8	9,5	60,0	13,5	3,0	13,3
Вологодская область	0,7	7,3	55,8	20,1	6,1	10,1
Калининградская область	0,5	8,0	57,3	23,5	6,5	4,3
Ленинградская область	6,0	15,7	55,6	14,5	3,5	4,7
Мурманская область	2,5	10,8	51,2	19,6	6,1	9,8
Новгородская область	1,0	5,8	58,5	22,0	6,0	6,8
Псковская область	2,0	11,0	54,8	16,3	9,8	6,3
г. Санкт-Петербург	2,5	12,7	58,4	14,2	2,7	9,5
Среднее по СЗФО	1,7	9,4	58,8	17,9	5,0	7,2

Наиболее представительный средний слой отмечен в Республике Коми (70%) и Республике Карелия (67%), наименее – в Мурманской области (52%). В Вологодской области размер среднего слоя примерно равен среднеокружному значению – 56–58%. Представительство верхних социальных слоев наиболее широко представлено в Ленинградской области и г. Санкт-Петербурге (15–22%). Следует также отметить, что доля не определившихся с отнесением себя к той или иной категории возрастает пропорционально размеру территории, в рамках которой производится самоидентификация.

При сопоставлении данных, полученных в ходе исследования социальной стратификации населения СЗФО разными способами, очевидно, что наполняемость слоев существенно отличается: ширина нижнего слоя увеличивается от модели 1 к модели 3 и достигает наибольшего значения при учете покупательной способности, образования, власти (24%; табл. 3.1.8). Та же ситуация характерна для слоев, занимающих верхние позиции. Обратная тенденция наблюдается в отношении слоя «ниже среднего», который последовательно сокращается.

Таблица 3.1.8. Три варианта социальной структуры населения СЗФО, 2013 г.

Слои населения	1*	2**	3***
Верхний	1,7	3,6	9,8
Выше среднего	9,4	18,1	32,9
Средний	58,8	35,7	30,1
Ниже среднего	17,9	13,9	3,7
Нижний	5,0	8,1	23,6

* Самоидентификация населения с социальным слоем (см. табл. 3.1.7).
 ** Самооценка материального положения (см. табл. 3.1.3).
 *** Социальные страты по результатам кластеризации (см. табл. 3.1.5).

Наиболее представительный (59%) средний слой, выявляемый на основе самоидентификации, сужается до 36% в результате самооценки материального положения, а при учете трех признаков уменьшается до 30%. Примечательно, что люди с высшим образованием в основном относят себя к среднему слою. Как подтвердило исследование, существует прямая зависимость между слоевой идентификацией и властным ресурсом. Чем больше подчиненных, тем выше слоевая идентификация.

Данные опроса позволяют изучить социально-классовую структуру населения СЗФО на основании EGP-схемы, разработанной Дж. Голдторпом, Р. Эриксоном и Л. Портокареро, т.е. дифференцировать население по

положению на рынке труда. Данная схема была выбрана, потому что является наиболее распространенной и фактически стандартной при проведении исследований социальной стратификации. Кроме того, в типологии Голдторпа учитываются помимо работы сфера занятости, образование, квалификация, уровень заработка, тип контракта и т.д., что делает эту шкалу более социальной, чем профессиональной.

Путем некоторой модификации данной методики все население было объединено в три социальных класса, включающих в себя несколько подклассов.

1. Высший класс: специалисты, администраторы и менеджеры (управленцы), имеющие высшую квалификацию.

2. Промежуточный класс:

а) специалисты, администраторы и менеджеры средней и низшей квалификации; мелкие работодатели; высококвалифицированный технический персонал;

б) работники рутинного нефизического труда;

в) самозанятые (включая сельскохозяйственных работников) с наемными работниками и без.

3. Рабочий класс:

а) квалифицированные рабочие;

б) низкоквалифицированный технический персонал; прорабы;

в) неквалифицированные рабочие, занятые преимущественно не в сельском хозяйстве [122].

Результаты исследования показали, что в Северо-Западном федеральном округе доминирующими прослойками являются промежуточный и рабочий классы (35–36%; табл. 3.1.9).

Высший класс наиболее представлен в г. Санкт-Петербурге, Ленинградской и Мурманской областях (19–20%). Как в центре СЗФО, в г. Санкт-Петербурге сосредоточено большое количество крупнейших предприятий и организаций, для которых, естественно, требуются только высококвалифицированные кадры. В Ленинградской области значительна доля малого предпринимательства, что связано с особенностями статистического учета: к малым предпринимателям отнесена часть сельских самозанятых, численность которых выросла в 1990-е годы³⁴. В Мурманской области большая часть высшего класса представлена работниками органов управления, и это обусловлено сложившимся дробным административным делением этой территории.

³⁴ Социальный атлас российских регионов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://atlas.socpol.ru/portraits/len.shtml>

Таблица 3.1.9. Социальные классы в регионах СЗФО по схеме EGP, 2013 г.

Регион	Высший класс	Промежуточный класс			Рабочий класс		
	1	2а	2б	2в	3а	3б	3в
Республика Карелия	15,3	33,9	10,6	0,8	2,3	19,6	5,5
Республика Коми	11,6	21,7	5,9	1,2	3,5	29,4	7,2
Архангельская область	13,3	17,8	9,8	0,8	3,5	31,5	4,8
Вологодская область	9,5	21,0	8,1	2,8	4,2	33,2	10,9
Калининградская область	8,8	33,5	7,5	1,8	3,0	18,3	3,8
Ленинградская область	19,2	21,4	12,2	5,7	1,2	24,2	7,0
Мурманская область	18,6	25,0	10,0	1,5	3,4	26,5	5,1
Новгородская область	13,5	22,5	8,5	4,8	3,0	29,8	3,8
Псковская область	16,5	16,5	11,3	8,3	2,0	22,3	8,5
г. Санкт-Петербург	19,5	26,9	7,5	1,5	2,0	28,2	6,7
СЗФО	14,6	24,0	9,1	2,9	2,8	26,3	6,3

Рабочий класс преобладает в Вологодской, Архангельской областях и Республике Коми (38–48%). В двух последних регионах это объясняется ресурсодобывающей специализацией, в Вологодской области – значительной занятостью населения в промышленности (более 30%). Стоит отметить высокую наполняемость промежуточного класса в регионах СЗФО, вызванную повышением массовости получения высшего образования и распространением непрерывного образования.

Л.А. Беляева предлагает следующую интерпретацию социальной структуры на основе социальных классов, выделенных в соответствии со схемой EGP:

1. «Белые воротнички»: высший (1а) слой управленцев и экспертов и верхний слой промежуточного класса (2а).
2. «Серые воротнички»: работники нефизического труда в управлении и коммерции (2б).
3. «Мелкая буржуазия», включающая собственников, занятых в сельском хозяйстве (2в).
4. «Синие воротнички», или рабочий класс (3а, 3б, 3в) [5].

Исходя из данной классификации, можно отметить, что в регионе примерно равное соотношение «белых» и «синих воротничков» (38,6 против 35,4% соответственно; рис. 3.1.1). Причем доля первых сопоставима с долей аналогичной группы в развитых странах Запада (30% в Великобритании; 39% в Дании³⁵), однако для развитых стран характерна

³⁵ По данным Европейского социального исследования 2010 г.

более низкая численность рабочего класса (в Великобритании – 32%, в Норвегии и Швеции – 28–29%). Удельный вес населения, относящегося к «мелкой буржуазии», весьма невелик (порядка 2–3%). Наиболее широко данный класс представлен в Псковской и Ленинградской областях (8,3 и 5,7% соответственно), что естественно, так как в этих регионах велика доля населения, занятого в сельском хозяйстве. Относительно небольшая численность «серых воротничков», составляющая около 9%, говорит о недостаточном развитии сектора услуг.

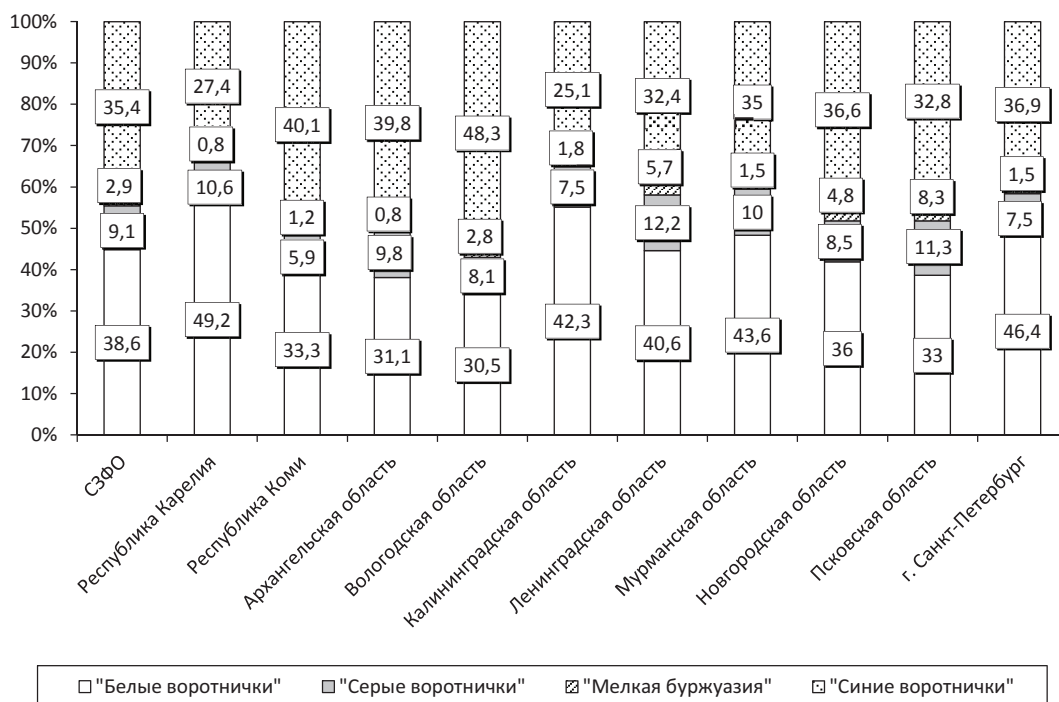

Рис. 3.1.1. Классовые группы СЗФО, 2013 г.

Таким образом, можно констатировать следующее. В структуре населения Республики Карелия и г. Санкт-Петербурга происходит сдвиг в направлении экономики услуг, отмечается высокая доля квалифицированных специалистов и менеджеров. Вологодская и Архангельская области, а также Республика Коми приближены к индустриальному типу социальной структуры (высокая доля рабочего класса, относительно невысокая по сравнению с другими численность квалифицированных специалистов). Стоит отметить, что в СЗФО глубина верхнего слоя по различным версиям стратификации колеблется от 2 до 10% (по общепринятым меркам – 5–7%). Это наиболее образованные люди, имеющие

властные полномочия и высокий уровень дохода. Средний слой населения варьируется от 30 до 59%. Последняя цифра является завышенной, так как была сформирована на основе субъективной самооценки населением своего социального статуса, а представления большинства граждан о среднем классе (слое) достаточно размыты. В России численность данной страты находится в пределах от 3 до 30% («идеальный средний класс») до 60% («перспективный средний класс» [1, с. 28-36]). Низший слой населения СЗФО в зависимости от применяемой методики составляет от 5 до 24% (по мнению Н.Е. Тихоновой, порядка 16% [101]). В целом социальная структура российского общества достаточно неустойчива и находится в постоянном движении в силу изменений, происходящих в экономической, культурной, социальной и других сферах. Огромное влияние на нее оказывает такой фактор, как теневая экономика³⁶, наличие которой создает сложности с реальной оценкой статуса населения по критериям дохода и образования. Поэтому на настоящий момент очень сложно создать объективную реальную модель социальной структуры населения России.

3.2. Специфика социальной структуры в Вологодской области

В Вологодской области исследования в мониторинговом режиме проводятся с 2008 г., поэтому есть возможность остановиться на некоторых вопросах более подробно.

Степень материальной дифференциации жителей Вологодской области в 2000-х гг. растет: благосостояние верхней группы населения увеличивается, в то время как объем доходов остальных групп уменьшается (табл. 3.2.1). Рост коэффициента Джини также говорит об увеличении дифференциации между бедными и богатыми. Самой обеспеченной группе населения (20%) принадлежит 44% общего объема денежных доходов, тогда как оставшиеся 56% распределяются между 80% населения. Однако в стране в целом расслоение по доходу еще более глубокое, чем в регионе (16,4 против 11,9 раза соответственно).

---

³⁶ Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: в 2-х т. / С.С. Сулакшин, С.В. Максимов, И.Р. Ахметзянова и др. – М.: Научный эксперт, 2008. – Т. 1. – 464 с.; Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика: уч. пос. / под ред. В.Я. Кикотя, Г.М. Казиахмедова. – М.: Норма, 2006. – 321 с.; Тадтаев Д.М. Теневая экономика как системная угроза экономической безопасности региона // Российское предпринимательство. – 2013. – № 6 (228). – С. 138-142.

В период с 2000 по 2008 г. произошло снижение удельного веса доходов всех групп, кроме пятой. Доля доходов первой 20% группы (с наименьшими доходами) уменьшилась с 8,3 до 6,2%, второй группы – с 13,1 до 11,1%, третьей – с 17,4 до 15,8%. Менее значительным оказалось снижение доходов четвертой группы (с 23,1 до 22,9%). При этом доходы пятой группы выросли с 38,1 до 44%. Это подтверждает и рост коэффициента Джини с 0,333 в 2000 г. до 0,381 в 2008 г. Тем не менее его значение заметно меньше общероссийского показателя (2008 г. – 0,42).

В дальнейшем наблюдалось постепенное снижение коэффициента Джини (2008 г. – 0,381; 2012 г. – 0,375). В целом в период 2000–2012 гг. сократился удельный вес доходов всех категорий населения в общем объеме доходов. Исключение составляет четвертая группа, где удельный вес денежных доходов не изменился, и пятая группа, в которой произошло его увеличение на 15%.

Таблица 3.2.1. **Распределение общего объема денежных доходов по 20%-ным группам населения Вологодской области**

Год	Удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на соответствующую группу населения, в общем объеме денежных доходов, %					Коэффициент Джини
	Первая (с наименьшими доходами)	Вторая	Третья	Четвертая	Пятая (с наибольшими доходами)	
2000	8,3	13,1	17,4	23,1	38,1	0,333
2005	6,4	11,3	16,0	23,0	43,3	0,366
2008	6,1	10,9	15,7	22,9	44,4	0,381
2010	6,3	11,1	15,9	22,9	43,8	0,380
2011	6,4	11,2	16,0	23,0	43,4	0,368
2012	6,2	11,1	15,8	22,9	44,0	0,375

Источник: Статистический ежегодник Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 1999–2012. – С. 92.

По данным Global Wealth Report³⁷, в 2012 году Россия являлась мировым лидером по неравенству распределения накопленного богатства, включающего недвижимость, товары длительного пользования, финансовые активы (коэффициент Джини равен 0,84); по данным Росстата³⁸ этот показатель по доходам составляет 0,42.

³⁷ Global Wealth Report [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.allianz.com>

³⁸ Данные Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gks.ru>

В частности, на долю одного процента россиян приходится 71% личного богатства в стране. Однако, по мнению российских экспертов, данные цифры завышены и недостоверны [9]. Коэффициент Джини по Вологодской области в 2012 г. составил 0,38, т.е. здесь уровень социальной дифференциации незначительно ниже, чем по стране в целом.

Как и в других регионах СЗФО, самой большой прослойкой в Вологодской области являются «обеспеченные» (38%; табл. 3.2.2). Среди них преобладают молодые люди в возрасте до 30 лет (44%), лица, имеющие образование выше среднего специального (40–43%). Далее, как и по России в целом, идет слой «необеспеченных» с преобладанием женщин и вдовцов (34%).

На третьем месте в области находится слой «бедных» и «нищих». Внутри этой категории численно доминируют жители деревень (32%), лица без образования и с начальным образованием (35%), пенсионеры. Самыми малочисленными являются слои «зажиточных» и «богатых», причем последних в Вологодской области в два раза меньше, чем в среднем по СЗФО. Среди «зажиточных» и «богатых» преобладают жители областного центра (17%), лица с высшим образованием и мужчины.

Таблица 3.2.2. **Самооценка личного материального положения населения Вологодской области и регионов СЗФО, 2013 г.**

Варианты ответов	Страта	ВО	СЗФО
Денег не хватает на повседневные затраты	«Нищие»	7,8	8,1
На повседневные затраты уходит вся зарплата	«Бедные»	12,8	13,9
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	«Необеспеченные»	19,7	17,6
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	«Обеспеченные»	37,5	35,7
Почти на всё хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи	«Зажиточные»	14,3	18,1
Практически ни в чём себе не отказываем	«Богатые»	1,7	3,6

Таким образом, данные опроса несколько расходятся с данными статистики в отношении масштабов бедности: численность населения Вологодской области, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, составляет 17% по официальным статистическим измерениям³⁹ и 21% по результатам опроса.

³⁹ Регионы России. 2001–2012: стат. сб. / Росстат. – С. 190.

Социальная стратификация населения региона (по методике Л.А. Беляевой [4]) за последние 5 лет претерпела некоторые изменения (рис. 3.2.1). Существенные изменения в социальной структуре произошли в 2010 г. вследствие влияния финансово-экономического кризиса. Хотя «реалисты» по-прежнему составляли самую массовую страту в регионе, их численность незначительно, но увеличилась (с 42 до 46%). В два раза сократились и без того малочисленные страты людей, обладающих властными полномочиями. Число «экспертов» сократилось в два раза (с 27 до 14%). Произошло резкое снижение социального статуса населения региона, что привело к увеличению слоя «низкостатусных» на 15%.

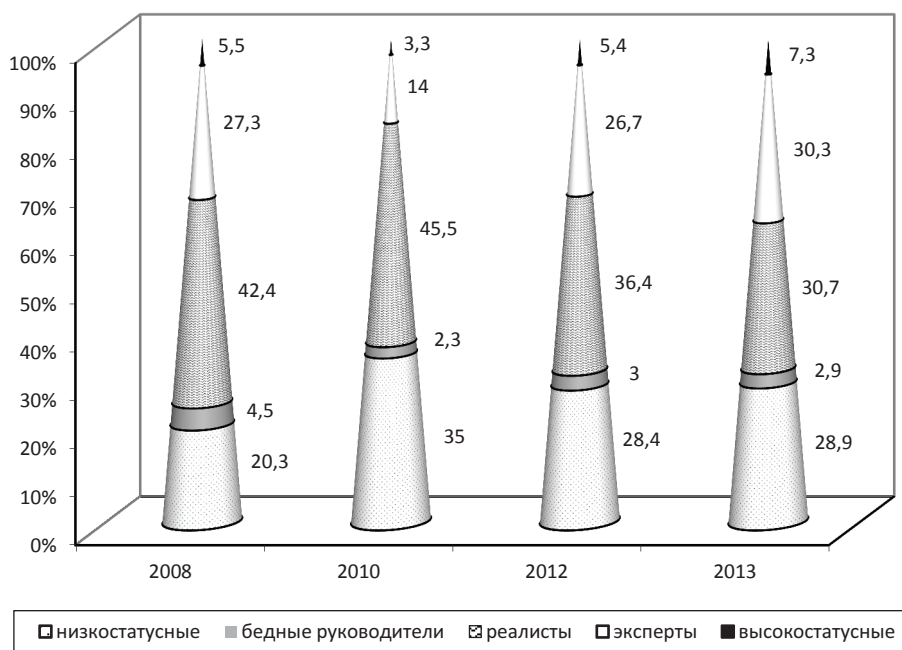

Рис. 3.2.1. Социальная стратификация населения Вологодской области, 2008–2013 гг. (по результатам кластерного анализа)

После 2010 г. начался обратный процесс – расширения группы «экспертов» и сужения слоя «реалистов» (в 2,2 и 1,5 раза соответственно), что привело к выравниванию их наполняемости в 2013 г. (по 30%). Приближается к данной отметке в 30% и кластер «низкостатусных», численность которого составила 29%. Самыми малочисленными стратами являются «высокостатусные» (7%) и «бедные руководители» (3%).

В целом данные о кластерах, социальных слоях, Вологодской области согласуются с общероссийскими [4].

3.3. Средний класс: численность и направления воспроизводства

Социальное расслоение является одной из наиболее обсуждаемых и значимых проблем современной экономики. Социум представляет собой иерархично выстроенную структуру в виде пирамиды, состоящей из групп с более высокими статусами на вершине и более низкими статусами у основания. В обобщенном виде можно выделить три социальных слоя: верхний, средний и нижний, из которых средний представляется наиболее значимым для развития общества и государства.

Многие исследователи придерживаются мнения о том, что именно средний класс может стать основой для продвижения (осуществления) модернизационных преобразований [54; 46; 63; 85], так как люди, его составляющие, обладают значительным креативным потенциалом, высокой социальной активностью, то есть характеристиками, играющими важную роль в формировании высококачественного человеческого капитала, необходимого для становления инновационной экономики.

Средний класс объединяет в себе высококвалифицированные кадры, отличающиеся профессионализмом, имеющие стабильный доход, который они тратят на приобретение наилучших по соотношению цена/качество товаров и услуг, тем самым формируя своим спросом рынок и стимулируя развитие промышленности и сферы услуг. В то же время средний класс «является основным производителем и потребителем массовой, городской культуры, представляющей собой основу национальной культуры» [16].

Эксперты подчеркивают, что в основу формирования и развития сильного гражданского общества должна быть положена «государственная политика, связанная с укреплением позиций среднего класса, способного выступить гарантом стабильного и поступательного развития России, а также носителем ее инновационного потенциала. Темп экономических, политических, социальных преобразований в значительной мере будет зависеть и от возможно быстрого формирования фундамента любого развитого современного государства – среднего класса» [69].

Постоянное увеличение численности среднего класса, представительство которого к 2020 г. должно составить не менее 55–60% населения РФ, является одним из важных целевых ориентиров Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года [66]. На пути к модернизации российского общества актуальность

исследований среднего класса определяется его возможностью выступить в качестве основы стабильного развития страны и наращивания инновационного потенциала.

Обоснование необходимости формирования среднего класса многократно отмечалось в посланиях Президента России Федеральному Собранию РФ, начиная с 1998 г. (табл. 3.3.1).

Таблица 3.3.1. **Задачи и значение среднего класса, отмеченные в посланиях Президента России Федеральному Собранию РФ**

Президент	Понимание важности формирования среднего класса
Б.Н. Ельцин	«Масштабный и устойчивый средний класс – это основа гражданского общества и стабильности конституционного строя; задачи подъема страны и формирования среднего класса теснейшим образом взаимосвязаны... именно он в состоянии стать опорой и двигателем подъема российской экономики» [1998].
В.В. Путин	«Необходимо формирование среднего класса за счет роста малого и среднего бизнеса», который нуждается в государственной поддержке [2007].
Д.А. Медведев	«Идеальный» представитель среднего класса (имеется в виду идеал, к которому, по мнению Д. А. Медведева, необходимо стремиться в будущем) во многом схож с характеристиками западного среднего класса. Это талантливый, критически мыслящий, проявляющий гражданскую активность, интеллектуально свободный, ответственный гражданин, который «ценит общественную стабильность и уважает закон, может брать на себя ответственность за положение дел в своем поселке, городе, понимает, что только активная позиция приводит в движение тяжелую машину государственной бюрократии» [2009].

Источники: Послание Президента России Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию РФ «Общими силами – к подъему России». 1998 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.org/lib/elzin/1998.htm> (дата обращения: 24.03.2014); Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию РФ. 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2007/04/27/poslanie.html> (дата обращения: 24.03.2014); Послание Президента России Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ. 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/11/13/poslanie-tekst.html> (дата обращения: 24.03.2014).

В. Путин в своей программной статье перед выборами 2012 г. указывал на то, что средний класс «должен расти дальше, стать большинством в обществе, пополниться за счет тех, кто тащит на себе страну: врачей, учителей, инженеров, квалифицированных рабочих» [77]. Забота о благополучии среднего класса во многих развитых странах является приоритетным направлением государственной политики. В Послании 2013 г. Конгрессу США Б. Обама подчеркнул, что «главная долгосрочная задача нынешнего правительства США – это восстановление роли среднего класса как двигателя американской экономики» [140]. Президент Франции Ф. Олланд в своей предвыборной платформе предлагал «поднять Францию на ноги» путём создания Инвестиционного общественного банка, финансирующего развитие малых и средних предприятий, содей-

ствующего экологической и энергетической конверсии промышленно-сти, превращения малых и средних предприятий в экономический приоритет для Франции, оказания помощи в развитии новых технологий и «цифровой экономики» [50], делая основную ставку на укрепление позиций среднего класса в стране.

Признание важной роли и понимание необходимости формирования и поддержки среднего класса, тем не менее, не привело к формированию четкого теоретико-методологического подхода к оценке его масштабов.

Обратимся к сущности категории «средний класс». Её формирование имеет долгую историю, однако смысл, вкладывавшийся в её понимание на разных этапах развития научного знания, менялся в зависимости от социально-экономических условий жизнедеятельности общества. Уже у Аристотеля можно обнаружить деление общества на три части, к кото-

Таблица 3.3.2. Основные подходы к трактовке термина «средний класс»

Автор	Средний класс – это
К. Маркс, В.И. Ленин, М.И. Туган-Барановский и др.	– социальная прослойка, находящаяся между двумя основными противоборствующими классами (буржуазией и пролетариатом);
М. Вебер	– статусная группа, формируемая жизненными шансами индивидов: их индивидуальными способностями (образованием, квалификацией, мировоззрением) и характеристиками образа жизни, способа получения образования и профессии;
Л. Уорнер, К. Дэвис, У. Мур, П. Сорокин	– элемент социальной структуры, выполняющий заданные этой структурой социальные функции (функции социального стабилизатора, проводника социальной мобильности, основного потребителя товаров и услуг, интегратора общественных интересов и пр.);
Дж. Голдторп, Д. Локвуд, Д. Груски	– «служебный класс» (профессионалы, менеджеры, администраторы), основными характеристиками которого являются умственный труд и доверие в служебных отношениях, а источниками его пополнения – шансы социальной мобильности и личные качества индивидов;
Е.М. Аврамова	– социальная группа, расположенная на пересечении основных идентификационных признаков, к которым относятся: материальное благосостояние, наличие высшего профессионального образования и социальной идентификации со средним слоем;
М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева	– класс, для которого характерны «высокие социальные установки и практики потребления».
Источники: Маркс К., Энгельс Ф. Рабочий парламент // Сочинения. – 2-е изд. – 1958. – Т. 10. – С. 124; Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 169-183; Средний класс в современной России / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова; Ин-т социологии РАН. – М., 2008. – 320 с.; Warner L. What is Social Class in America. – New York: Irvington Publishers, 1949; Тихонова Н.Е., Мареева С.В. Средний класс: теория и реальность. – М.: Альфа-М, 2009. – 320 с.; Средний класс в России: количественные и качественные оценки / авт. кол.: Е.М. Аврамова, Л.М. Григорьев, Т.П. Космарская, Т.М. Малева (рук.), М.В. Михайлюк, Л.Н. Овчарова, В.В. Радаев, М.Ю. Урнов // БЭА. – М.: ТЕИС, 2000. – 286 с.; Дэвис К., Мур У. Некоторые принципы стратификации // Социальная стратификация / отв. ред. С.А. Белановский. – Вып. 1. – М., 1992. – С. 160-177; Goldthorpe J., McKnight A. The economic basis of social class. – Sociology Working Papers. – University of Oxford, 2003. – 245 p.	

рым он отнёс богатых, неимущих и тех, что посередине между ними. Он отмечал, что «то государство, где средний класс более многочислен и силен, чем другие два класса вместе взятые, наиболее стабильно и лучше управляемо» [3, с. 148-151]. Основные подходы к пониманию данной категории представлены в таблице 3.3.2.

Не менее сложной является задача идентификации данной страты. Существует несколько вариантов определения её численности, отличающихся содержанием критериев, использованных для оценки. В разных странах эксперты идентифицируют средний класс по разным признакам, хотя во многом и схожим (табл. 3.3.3).

Таблица 3.3.3. Сравнение критериев выделения среднего класса

Страна	Критерии выделения среднего класса	Количественные значения
Россия	- высокий уровень профессионального образования; - уровень дохода; - образцы (уровень) потребления; - стиль жизни; - уровень самоидентификации;	>6 ПМ
Украина	- уровень самоидентификации; - уровень образования; - материальное самочувствие; - характер занятости;	1000 долл. в месяц
Белоруссия	- наличие собственности; - уровень дохода; - уровень образования; - престиж профессии; - уровень самоидентификации; - образ жизни; - система ценностей и менталитет;	2–3 МПБ (минимальных потребительских бюджета)
Германия	- уровень дохода; - уровень образования; - профессиональная принадлежность;	1130–2420 евро в месяц
Китай	- уровень образования; - уровень дохода; - профессиональная принадлежность;	10–100 тыс. юаней
США	- уровень дохода; - уровень образования; - уровень самоидентификации; - использование кредита.	25–100 тыс. долл. в месяц

Источники: Соколова Г. Состояние и возможности развития среднего класса в Беларуси // Общество и экономика. – 2010. – № 7-8. – С. 199-218; Доброва Т.Г. Средний класс в Украине: субъективное восприятие и реальность // Вестник ОНУ им. И.И. Мечникова. – 2012. – Т. 17. – Вып. 2. – С. 67-75; Чжоу Сяохун. Китайский средний класс: реальность или иллюзия // Тяньцзинь шэухуй кэсюэ. – Тяньцзинь, 2006. – № 2. – С. 60-66; Григорьев Л., Салмина А., Кузина О. Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. – М.: ЭконИнформ, 2009. – 148 с.; Доля среднего класса в Германии [Эл. pec.]. – Реж. дост.: www.dw.de/dw/article/0,14772101.html (дата обращения: 24.03.2014); Who is the Middle Class? Retrieved on 2006-07-25 [Эл. Pec.]. – Реж. дост.: [http:// www.pbs.org/now/politics/middleclassoverview.html](http://www.pbs.org/now/politics/middleclassoverview.html) (дата обращения: 24.03.2014).

На панельной сессии «Средний класс стран БРИКС набирает силу», проведенной в рамках Петербургского международного экономического форума-2013, главный экономист инвестиционной группы «Renaissance Capital» Чарльз Робертсон отметил, что «для представителей среднего класса независимо от страны их проживания характерно стремление к лучшим стандартам образования и здравоохранения. Кроме того, средний класс заинтересован в прозрачности отношений бизнеса и власти, а значит в борьбе с коррупцией» [97].

Таким образом, понятие «средний класс» характеризует довольно широкий набор критериев. Однако основой для отнесения индивида к определенной страте служат его материальное положение и уровень образования. В то же время представители среднего класса должны обладать высокой степенью вовлеченности в общественную и культурную жизнь.

По нашему мнению, под средним классом следует понимать занятое, социально активное население с высшим и средним специальным образованием, отождествляющее себя со средним классом, обладающее существенным культурным капиталом и стабильным доходом, позволяющим удовлетворять широкий спектр потребностей.

Численность среднего класса в России в оценках экспертов колеблется в пределах от 3% («идеальный средний класс») до 30 и даже 60% («перспективный средний класс») в зависимости от метода оценки [1]. Наиболее часто для идентификации данной категории специалисты используют следующие критерии: материальное положение (доход, сбережения, собственность), уровень образования, профессиональный статус, культурные ценности и т.д.

За последние 10 лет доля среднего класса в составе населения России выросла с 29 до 42%. Исследователи Института социологии РАН в докладе «Средний класс в современной России: 10 лет спустя» отмечают, что почти *две трети его составляют женщины, а основой являются чиновники*. Средний класс в России можно считать сравнительно молодым и городским, так как в большинстве своем это люди в возрасте до 40 лет (60% его численности), проживающие в городах и мегаполисах. Представители среднего класса более уверенно чувствуют себя на рынке труда, однако их готовность инвестировать в свое образование и квалификацию в течение последних лет сокращается, что является общероссийской тенденцией [96]. Увеличение численности среднего класса (особенно той его части, которую составляет чиновничество) ста-

новится объяснимым, если учесть, что последние годы зарплата чиновников росла втрое быстрее, чем у остального населения. В итоге общий разрыв в доходах госслужащих и среднего россиянина стал почти трехкратным [65].

Одним из важных источников информации для исследования среднего класса служат социологические исследования, проведенные на региональном уровне. Дальнейшие рассуждения и выводы будут основаны на обсуждении результатов социологических исследований, проведенных Институтом социально-экономического развития территорий РАН в Северо-Западном федеральном округе и в Вологодской области⁴⁰.

По данным опроса, проведенного ИСЭРТ РАН в 2013 г., значительная часть жителей регионов СЗФО относит себя к среднему слою (табл. 3.3.4). В масштабе «город/село → регион → страна» происходит заметное снижение удельного веса населения, соотносящего себя со средним слоем (с 42 до 59%), и увеличение доли идентифицирующих себя с низшими слоями общества (с 5 до 13%).

Таблица 3.3.4. **Распределение ответов на вопрос: «К каким социальным слоям Вы относите себя: в своём городе (селе), в регионе и в масштабе своей страны?» (СЗФО), 2013 г.**

Вариант ответа	В своём городе/ селе	В регионе	В стране
Верхний слой	1,7	0,9	0,9
Слой выше среднего	9,4	6,5	4,7
Средний слой	58,8	51,7	42,2
Слой ниже среднего	17,9	22,6	24,5
Нижний слой	5,0	6,9	13,2
Затрудняюсь ответить	7,2	11,5	14,6

Наиболее представительный для своей местности средний слой отмечен в Республике Коми (70%) и Республике Карелия (67%), наименее – в Мурманской области (52%). В Вологодской области значение этого показателя примерно равно среднеокружному – 56–58%.

⁴⁰ Выборочная совокупность – более 5000 человек в десяти регионах Северо-Западного федерального округа (Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, республики Карелия и Коми, г. Санкт-Петербург). Объем выборки по каждому региону составляет не менее 400 респондентов, что позволяет с высокой степенью достоверности (ошибка выборки не более 5% при доверительном интервале 95%) судить о ситуации в отдельно взятом регионе и осуществлять межрегиональные сопоставления.

Верхние социальные слои (верхние и слой выше среднего) наиболее широко представлены в Ленинградской области и г. Санкт-Петербурге (15–22%). Следует также отметить, что доля не определившихся с отнесением себя к той или иной категории возрастает пропорционально размеру территории, в рамках которой производится самоидентификация (с 7% для своего населенного пункта до 15% в масштабе страны) [87].

Более точным представляется выделение среднего класса на основе пересечения нескольких критериев, например по методике Л.А. Беляевой [4] – с помощью данных о материальном достатке, о самоидентификации, а также профессиональном статусе и образовательном уровне населения (рис. 3.3.1).

В целом по СЗФО масштабы среднего класса составляют порядка 30%. Из общего ряда выбиваются Республика Карелия (численность среднего класса около 40%), г. Санкт-Петербург (35%) и Псковская область (17%). Это обусловлено более высокими самооценкой материального положения и уровнем самоидентификации со средним слоем в Карелии и Санкт-Петербурге и, соответственно, более низкими – в Псковской области.

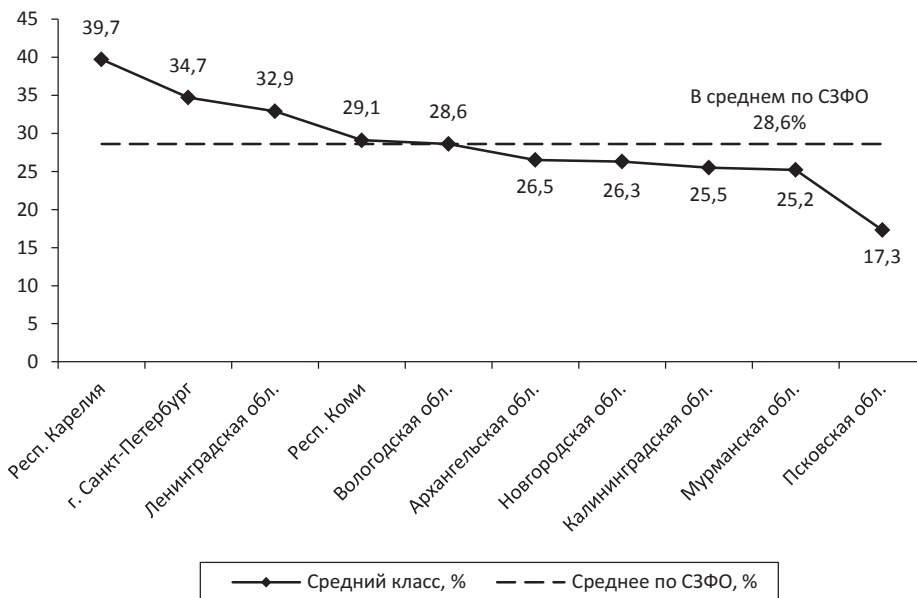

Рис. 3.3.1. Представительство среднего класса в регионах СЗФО в 2013 г.

Используя различные методологические подходы, каждый из которых предполагает определенный набор критериев, более подробно рассмотрим численность среднего класса на примере Вологодской области (табл. 3.3.5). Для расчётов были использованы данные опросов населения, проведенных ИСЭРТ РАН в 2010–2013 годах⁴¹.

В зависимости от применяемой методики наполняемость среднего класса области составляет от 0,1 до 50%, что в целом отвечает общероссийским данным [54].

Таблица 3.3.5. Доля среднего класса в Вологодской области в соответствии с различными подходами

Подходы к оценке среднего класса и их критерии	Доля в %*		
	2010 г.	2012 г.	2013 г.
I. Критерий самоидентификации населения со средним классом	51	54	50
II. Критерии методики Л.А. Беляевой			
1. Самоидентификация			
2. Материальный достаток	30	25	29
3. Уровень образования (не ниже среднего специального)			
III. Критерии Фонда Бюро экономического анализа (БЭА)			
1. Материально-имущественное положение			
2. Образовательно-профессиональный статус	3,2	Н.д.	3,5
3. Самоидентификация человека со средним классом			
IV. Критерии Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации			
1. Среднедушевой доход свыше 6 прожиточных минимумов			
2. Наличие автомобиля	1	Н.д.	1
3. Банковские сбережения			
4. Возможность регулярного отдыха за границей			
V. Критерии Всероссийского центра уровня жизни			
1. Высшее образование			
2. Благоустроенное жилище двух видов (в городе и за городом)			
3. Автомобиль			
4. Половина дохода направляется на сбережение	0,1	Н.д.	0,1
5. Здоровый образ жизни			
6. Возможность обеспечить детям высшее образование, необходимое лечение, стартовый капитал для приобретения жилья			
*Здесь и далее расчёты выполнены инженером-исследователем ИСЭРТ РАН А.Н. Гордиевской.			

⁴¹ Опросы проводятся ежегодно в гг. Вологде, Череповце и 8 районах Вологодской области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности составляет 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

В соответствии с первым подходом (отнесением себя к тому или иному социальному слою), около половины населения области относит себя к среднему слою. Причем в масштабе «город/село → регион → страна» происходит сокращение доли населения, соотносящего себя со средним слоем, и увеличение удельного веса населения, идентифицирующего себя с низшими слоями общества (табл. 3.3.6). Показатели, полученные на основе мнения населения, как правило, имеют высокие значения, так как социальная идентификация личности является достаточно сложным процессом, на который накладывают отпечаток социально-экономические условия жизни индивида. Большинство людей соотносят себя не столько со средним классом в классическом его понимании, сколько со средним экономическим слоем.

Таблица 3.3.6. Распределение ответов на вопрос: «К каким социальным слоям Вы относите себя: в своём городе (селе), в регионе и в масштабе своей страны?», Вологодская область, 2014 г.

Вариант ответа	Город/ село	Регион	Страна
Верхний слой	0,7	0,5	0,7
Слой выше среднего	7,3	5,1	3,7
Средний слой	55,8	50,9	41,7
Слой ниже среднего	20,1	23,9	24,8
Нижний слой	6,1	6,3	12,7
Затрудняюсь ответить	10,1	13,2	16,5

Увеличив число индикаторов до трёх (самоидентификация, материальный достаток, уровень образования – не ниже среднего специального), получим численность среднего класса в Вологодской области в 2013 году, равную в масштабах населенного пункта 29%, в масштабах региона – 27%; в масштабах страны – 21% (табл. 3.3.7). То есть с расширением масштабов от своего населенного пункта до страны уменьшается самоидентификация людей со средним слоем. Однако на протяжении последних пяти лет данный показатель в рамках каждой территории постоянно увеличивался, за исключением 2010 г., когда произошло резкое снижение самоидентификации населения со средним слоем в связи с последствиями мирового финансово-экономического кризиса.

Таблица 3.3.7. **Динамика численности среднего класса в Вологодской области, %**

Год	Средний класс		
	Город/село	Регион	Страна
2010 г.	13,7	11,6	8,5
2012 г.	24,5	23,5	17,7
2013 г.	28,6	26,5	20,7

Расчёты по методикам, в которых учитывались более узкие критерии (наличие сбережений, автомобиля, образование не ниже высшего и т.д.), показали, что доля среднего класса в регионе не превышает 3%. Основным фактором, ограничивающим расширение данной категории, является низкий уровень доходов населения, что влечёт за собой низкий уровень сбережений и обеспеченности материальными благами, невозможность в полной мере удовлетворять потребности в отдыхе, развлечениях.

Средний класс в регионе в рамках своего населенного пункта чаще представлен женщинами (табл. 3.3.8).

Таблица 3.3.8. **Социально-демографические характеристики среднего класса Вологодской области, 2008–2013 гг., в %**

Социально-демографические характеристики	Средний класс			
	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2013 г.
	21,1	13,7	24,5	28,6
<i>Пол/возраст</i>				
Мужчины до 30 лет	13,3	11,7	11,2	11,7
от 30 до 60 лет	26,6	25,4	22,4	23,8
старше 60 лет	4,4	4,4	7,3	6,1
Женщины до 30 лет	15,5	14,1	11,6	12,6
от 30 до 55 лет	32,0	33,7	31,7	28,7
старше 55 лет	8,2	10,7	15,8	17,2
<i>Образование</i>				
Среднее специальное (техникум и др.)	40,5	55,6	48,3	33,3
Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза)	15,5	7,8	7,3	7,0
Высшее	41,5	35,1	42,1	59,7
Послевузовское (второе высшее, аспирантура и др.)	2,5	1,5	2,3	–
<i>Тип поселения</i>				
Город	83,0	74,2	72,2	83,0
Село	17,1	25,9	27,8	17,0

Возрастной интервал соответствует 30–55 годам. Образование в основном высшее и послевузовское. Среди представителей среднего класса, как правило, больше семейных людей, большинство из которых живет в городах. Основной костяк среднего класса составляют люди «обеспеченные», не имеющие властного ресурса, получившие среднее и высшее профессиональное образование, удовлетворенные своей жизнью.

В целом полученный «социальный портрет» совпадает с данными Института социологии РАН, по оценкам которого типичный представитель российского среднего класса – это «молодая женщина-профессионал из крупного города, с высшим образованием, работающая по специальности, удовлетворенная своим социальным положением, доходом, карьерой и ростом возможностей для предпринимательства. Впрочем, доля предпринимателей среди российского среднего класса небольшая (как и в целом в стране)» [76].

В период с 2008 по 2013 г. в регионе происходили некоторые изменения социально-демографической структуры среднего класса (табл. 3.3.8). Во-первых, заметно увеличилась доля людей пенсионного возраста (2008 г. – 15%; 2013 г. – 23%), особенно женщин – в два раза. Во-вторых, в 1,5 раза возросла доля имеющих высшее образование и снизилось представительство лиц со средним специальным и незаконченным высшим образованием (в 1,2 и 2,2 раза соответственно).

В 2010 г. в ИСЭРТ РАН был разработан алгоритм выявления среднего класса, включающий следующие критерии:

- среднемесячный доход 2,5 прожиточного минимума в расчёте на 1 человека (от 20 тыс. рублей для Вологодской области в 4 квартале 2013 года⁴²);
- самооценка доходов («денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды», «покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей»);
- уровень образования не ниже среднего специального;
- должностной статус (рабочий, специалист, руководитель) [64, с. 51].

Для определения состава среднего класса применен кластерный анализ методом К-средних, исключая итерации. В соответствии со всеми критериями из массива населения региона выделена категория, которая

---

⁴² Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vologdastat.ru/bgd/srochinf/Isswww.exe/Stg/d0314/i030010r.htm>

составила порядка 10% и которая была разбита на три подгруппы, схожие по вышеуказанным признакам, не выходящие за значения критерия, устанавливающие границы между кластерами. В итоге образовались кластерные центры, показывающие преобладающие черты представителей каждой группы (табл. 3.3.9).

Таблица 3.3.9. **Численность страт среднего класса и их кластерные центры в Вологодской области, 2008, 2010, 2013 гг.**

Критерий	Страты среднего класса		
	Нижний слой («труженики») 2008 г. – 33%; 2010 г. – 19,8%; 2013 г. – 28,2%	Средний слой («интеллектуалы») 2008 г. – 48%; 2010 г. – 69,3%; 2013 г. – 61,6%	Высший слой («организаторы») 2008 г. – 19%; 2010 г. – 10,9%; 2013 г. – 10,2%
1. Среднемесячный доход на 1 чел., руб.	20 – 25 тыс.	25 – 35 тыс.	35 – 65 тыс.
2. Оценка собственных доходов	Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды	Покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей	Покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей
3. Уровень образования	Среднее специальное	Высшее	Высшее
4. Должностной статус	Рабочий	Специалист	Руководитель

Предложенная методика позволяет выделить в структуре среднего класса три слоя: верхний, средний и нижний:

1. Верхняя страта – «организаторы», составляющие около 10% общей численности среднего класса. Представители данной группы имеют высшее образование, находятся на руководящих должностях, имеют доход от 35 до 65 тыс. руб. на 1 человека. Как правило, это предприниматели, мужчины в возрасте от 30 до 60 лет.

2. Самая представительная средняя страта – «интеллектуалы» (62%), имеющие высшее образование, доход в размере от 25 до 35 тыс. руб., с высокой покупательной способностью. В основном это высококвалифицированные специалисты, в т.ч. социальной сферы (врачи, учителя, журналисты и др.), инженерно-технические работники.

3. Нижний слой, включающий в себя 28% населения, – «труженики». В состав данного слоя входят люди, имеющие среднее специальное образование, доход в размере от 20 до 25 тыс. руб., занятые преимущественно на производстве либо в сфере обслуживания.

Результаты опросов, проведенных ИСЭРТ РАН, показывают, что в случае резкого ухудшения материального положения представители среднего класса в два раза чаще, чем все население в целом, выражают готовность больше работать. Кроме того, обеспеченность материальными благами данной категории значительно выше, чем у населения в целом: в 2 раза больше людей имеют дачные участки и недвижимость, которой они могут распоряжаться, автомобили иностранного производства, а также сбережения. Для людей среднего класса характерен более высокий культурный капитал: они в 2–3 раза чаще посещают музеи, выставки, театры. Они регулярно занимаются спортом, поддерживают сбалансированное питание, в 2 раза чаще отдыхают за границей.

Как видно из данных таблицы 3.3.9, под влиянием последствий мирового финансово-экономического кризиса произошло сокращение представительства верхнего слоя среднего класса (2008 г. – 19%; 2013 г. – 10%), увеличение наполнения слоя «интеллектуалов» (2008 г. – 48%; 2013 г. – 62%) при одновременном резком снижении численности «трудящихся» (с 33% в 2008 г. до 20% в 2010 г.) и последующем ее росте в посткризисную фазу (до 28% в 2013 г.).

Исходя из вышеприведенного нами понимания категории «средний класс» материальный достаток входящих в него людей должен позволять удовлетворять их насущные потребности. Поэтому в число критериев оценки численности среднего класса мы добавили материальную возможность покупать продукты питания и оплачивать услуги. Однако учет данных критериев существенно не изменил внутреннюю структуру среднего класса Вологодской области.

Следовательно, применение большего количества критериев значительно снижает представительство среднего класса в регионе: с 30% при использовании 3-х параметров до 0,1% при увеличении количества характеристик до шести.

Таким образом, в России и СЗФО в частности средний класс как таковой в настоящее время слабо сформирован. Тем не менее в социальной структуре территориального сообщества присутствует прослойка людей (около 29%), которая отвечает тем или иным требованиям, позволяющим отнести их к среднему классу, однако она очень неоднородна по своему составу, но при определенных условиях может стать основой для формирования крепкого среднего класса.

Для обособления категории «средний класс» в классическом его понимании в России в первую очередь необходимо преодолеть значительный

разрыв между бедными и богатыми. Это возможно осуществить путём проведения следующих мероприятий в области социальной политики:

- увеличение минимального размера оплаты труда;
- повышение прожиточного минимума до уровня стоимости реальной потребительской корзины;
- разработка государственных механизмов регулирования цен на квартиры экономкласса и повышение доступности ипотеки для всех слоёв населения;
- введение прогрессивной шкалы налогообложения.

Однако одного повышения доходов недостаточно, необходимо обеспечение доступа к качественному профессиональному образованию, укрепление позиций малого и среднего бизнеса. Последнее возможно за счет снижения ставок по кредитам; создания условий для венчурного финансирования; установления нормативных фондов оплаты труда, в том числе через введение в тарифные соглашения и коллективные договоры социальных стандартов оплаты труда работников базовых профессий [6, с. 25-31].

Существенное значение в формировании среднего класса имеет социально-трудовая мобильность. Однако её повышению препятствуют неразвитость рынка жилья, несовершенство системы жилищного кредитования и пенсионной системы (отсутствие крупного пенсионного капитала), институт регистрации и т.д. С целью решения этих проблем необходимо снизить барьеры для мобильности населения: устранить дисбаланс спроса и предложения на рынке труда, осуществить диверсификацию производств, стимулирование пенсионных накоплений, развитие институтов гражданского общества, т.е. проводить эффективную социально-экономическую политику. Только тогда у людей из более низких слоёв появится возможность «вступить» в средний класс, а у людей, относящихся к среднему слою, стать полноценным средним классом [107].

3.4. Социокультурная стратификация населения

Термин «социальная стратификация», занимающий прочное место в мировой социологической литературе, основывается на том, что общество состоит из страт, которые корреспондируют или противопоставляются друг другу с позиции подчинения, власти, престижа и т.д. Формирование страт происходит не только с учетом легко идентифицируемых признаков, например профессии, материальной обеспеченности,

наличия частной собственности и др., но и по культурным факторам, таким как стиль жизни, общественное признание, слава и т.д., которые реализуются на личностном и общественном уровнях идентификации. Как отмечает Ж.Т. Тощенко, очень непросто выделить и квалифицировать культурные образования⁴³. Поэтому социокультурная стратификация является более емким понятием, чем социальная стратификация, и включает в себя и социальные, и культурные составляющие.

Изучением социальной стратификации общества, выделением слоев и групп занималось немало российских и зарубежных ученых. Например, Б. Барбер измерял социальную стратификацию, используя параметры: престиж профессии, степень власти (могущество), доход (богатство), образование (знание), религиозность (национальность)⁴⁴. Л.А. Беляева, основываясь на данных социологических исследований, брала такие показатели, как наличие властных функций, материальный уровень и образование респондентов⁴⁵. Социальная дифференциация общества, выделенная Е.М. Бабосовым, включает в себя многоуровневую классификацию: во-первых, по имущественному положению (богатые, состоятельные, обеспеченные, среднеобеспеченные, малообеспеченные, бедные, нищие); во-вторых, по социально-статусным критериям (слои от высшего до маргинального); в-третьих, по социокультурным индикаторам (образовательные, идейно-политические, религиозно-конфессиональные, духовно-культурные, мировоззренческие и т.д.)⁴⁶. Н. Ковалиско и Р. Савчинский выявляли основные слои населения, основываясь на том, что пространство неравенств состоит из полей неравенств, образуемых распределением экономического, властного, социального, символического и культурного капитала⁴⁷. Таким образом, социальная стратификация – это классификация населения по достаточно различимым и измеримым характеристикам: уровень дохода, наличие власти, образование, социальное происхождение и т.п., тогда как социокультурная стратификация – это также выделение в обществе групп, однако

---

⁴³ Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. – М.: Прометей, Юрайт, 2001. – С. 45.

⁴⁴ Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. – М., 1972.

⁴⁵ Беляева Л.А. Социальные слои в России. Опыт кластерного анализа // Социс. – 2005. – №12.

⁴⁶ Бабосов Е.М. Общая социология: учеб. пособие для студентов вузов. – 2-е изд., стер. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 640 с.

⁴⁷ Ковалиско Н., Савчинский Р. Многомерный анализ социальной стратификации современного украинского общества (региональный аспект) // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2007. – № 3. – С. 5-37.

имеющих еще своеобразные, более-менее сходные ментальные и культурные образы; и эти группы не всегда могут различаться по признакам, лежащим в основе социальной стратификации.

Для исследования социокультурной стратификации населения наиболее информативным является социологический анализ, с помощью которого можно достаточно полно выделить существующие в современном обществе страты. Информационной базой для исследования послужили данные социологического опроса населения регионов Северо-Западного федерального округа (2013 г.). Набор показателей для изучения социокультурной стратификации населения выбирался на основе анализа перечня переменных, используемых вышеупомянутыми авторами, а также с учетом культурной составляющей. Всего было отобрано 18 переменных (табл. 3.4.1). Таким образом, отобранная система переменных достаточно представительна и отражает не только доход, образование и наличие властных функций респондентов, но и культурный потенциал индивида.

Таблица 3.4.1. **Перечень вопросов (переменных), используемых для социокультурной стратификации населения**

Переменная	Вопрос	Вариант ответа
x_1	<i>Какое образование вы имеете?</i>	Неполное среднее Среднее, в т.ч. ПТУ со средним образованием Среднее специальное (техникум и др.) Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза) Высшее
x_2	<i>Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует Ваше материальное положение?</i>	Денег не хватает на повседневные затраты На повседневные затраты уходит вся зарплата На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи Практически ни в чем себе не отказываем
x_3	<i>К какому социальному слою Вы себя относите?</i>	Верхний слой Слой выше среднего Средний слой Слой ниже среднего Нижний слой
x_4	<i>Имеете ли Вы на основной работе подчиненных?</i>	Нет, не имею. Да, менее 5 человек Да, 5–10 человек Да, 11–50 человек Да, 51–100 человек Да, более 100 человек

<i>Согласны Вы или не согласны со следующими суждениями? (оценка по 11-балльной шкале)</i>		
x_5	<i>В любых условиях красота делает человека лучше и чище</i>	1 – совершенно не согласны; 11 – полностью согласны
x_6	<i>Главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии</i>	1 – совершенно не согласны; 11 – полностью согласны
x_7	<i>Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле, может посягнуть на жизнь другого человека</i>	1 – совершенно не согласны; 11 – полностью согласны
x_8	<i>Свобода человека – это то, без чего его жизнь теряет смысл</i>	1 – совершенно не согласны; 11 – полностью согласны
x_9	<i>Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным делом жизни</i>	1 – совершенно не согласны; 11 – полностью согласны
x_{10}	<i>Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами</i>	1 – совершенно не согласны; 11 – полностью согласны
x_{11}	<i>В жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения</i>	1 – совершенно не согласны; 11 – полностью согласны
x_{12}	<i>Люди и государство должны больше всего заботиться о детях</i>	1 – совершенно не согласны; 11 – полностью согласны
x_{13}	<i>Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям</i>	1 – совершенно не согласны; 11 – полностью согласны
x_{14}	<i>Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других</i>	1 – совершенно не согласны; 11 – полностью согласны
x_{15}	<i>Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя</i>	1 – совершенно не согласны; 11 – полностью согласны
x_{16}	<i>Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве</i>	1 – совершенно не согласны; 11 – полностью согласны
x_{17}	<i>Самое ценное на свете – это человеческая жизнь и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах</i>	1 – совершенно не согласны; 11 – полностью согласны
x_{18}	<i>Главное – это уважение к сложившимся обычаям, традициям</i>	1 – совершенно не согласны; 11 – полностью согласны
Источник: составлено авторами на основе опроса общественного населения СЗФО (2013 г.).		

Выделение страт производилось на основе кластерного анализа с предварительным факторным анализом и расчетом наиболее информативных связей. Факторный анализ (проведенный с помощью программы SPSS 15.0) показал, что группа переменных «ценности-сужде-

ния» (табл. 3.4.1, переменные $x_5 - x_{18}$) разбивается на две компоненты. В первую (F_1) вошли все переменные, за исключением двух: «Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле, может посягнуть на жизнь другого человека» x_7) и «Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других» x_{14}). Эти два показателя образовали вторую компоненту (F_2). Построение структуры взаимосвязей показателей на основе расчета информативностей проводилось в пакете прикладных программ СИАРД (система интегрированного анализа региональных данных)⁴⁸. Степени зависимости определялись с помощью расчета информации по Шеннону.

Информативность определялась:

$I(X_i, X_j) = H(X_i) - H(X_i | X_j)$ – количество выборочной информации о показателе X_i , заключенное в показателе X_j , где:

$$H(X_i) = -\sum_{k=1}^t P_i(x_{i,k}) \cdot \log(P_i(x_{i,k}))$$
 – выборочная энтропия признака X_i ,

$H(X_i | X_j) = -\sum_{k=1}^t P_i(x_{i,k}) \cdot \sum_{l=1}^t P_{i,j}(x_{i,k} | x_{i,l}) \cdot \log(P_{i,j}(x_{i,k} | x_{i,l}))$ – условная выборочная энтропия признака X_i относительно признака X_j .

В качестве порога информативности было установлено значение $R = 0,2$. При этом сначала были найдены показатели, которые с одним показателем-аргументом имеют $I(X_i, X_j) > R$, затем для каждого такого i выбирался j_m с наибольшей информацией, то есть:

$$I(X_i, X_{j_m}) \geq I(X_i, X_j), \quad m \neq j.$$

После исключения ранее отобранных переменных из рассмотрения множества показателей-функций мы нашли те, для которых существуют ровно два показателя-аргумента, сравнивая информации $I(X_i, (X_j, X_k)) > R$. Для каждого такого i выбрана пара индексов (j_m, k_s) , которая дает наибольшую информацию, то есть:

$$I(X_i, (X_{j_m}, X_{k_s})) \geq I(X_i, (X_j, X_k)), \quad m \neq j, \quad s \neq k,$$

далее сформировали еще один набор – пары смежных наиболее информативных показателей.

⁴⁸ Офман Ю.П., Черемных Е.Н. Система интегрированного анализа региональных данных // Математическое и компьютерное моделирование социально-экономических процессов: сб. ст. / под ред. Ю.Н. Гаврильца. – М.: ЦЭМИ РАН, 1997. – С. 69-84.

Среди оставшегося набора индикаторов были найдены аналогично предыдущему показатели, имеющие три смежных наиболее информативных показателя.

В итоге для каждой переменной, выступающей в определенный момент в качестве показателя-функции, удалось выделить набор, содержащий от 1-го до 3-х показателей-аргументов (табл. 3.4.2).

Таблица 3.4.2. Матрица максимальных информаций

	x_1	x_2	x_3	x_4	F_1	F_2
x_1						
x_2						
x_3	0,208	0,208			0,208	
x_4						
F_1	0,205		0,205			0,205
F_2						

Источник: рассчитано в СИАРД; связи менее 0,2 в таблице не показаны.

Структуры взаимосвязей показателей представлены в виде графа на рис. 3.4.1. Это информативная структура, построенная на основе расчета информаций. Вершинами графа являются исследуемые показатели и показатели, наиболее информативные для них, исходя из критерия установленного уровня значимости. Энтропия переменных изменяется от 1,416 до 2,289.

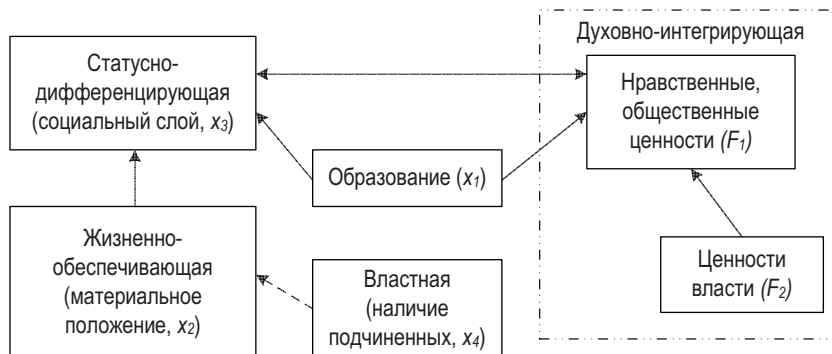

Рис. 3.4.1. Схема взаимофункционирования социокультурных составляющих

Примечание. Построено авторами на основе расчета коэффициентов информативности. Связь (стрелка), показанная пунктиром, является слабой (менее установленного порога информативности $R = 0,2$).

С целью разделения респондентов на слои (типы), имеющие схожие характеристики и не выходящие за значения некоторого порога, отделяющего один кластер от другого, был применен кластерный анализ (метод К-средних). Экспериментальным путем было установлено, что оптимальное количество выделенных кластеров – пять. Во-первых, это обеспечивает достаточную дифференциацию массива и различие кластеров по характеристикам попавших в них респондентов; во-вторых, сохраняет наполняемость кластеров: в самом меньшем из них получилось 10% опрошенных. Дальнейшее увеличение числа кластеров привело бы к необоснованному сокращению их объема. По характеристикам респондентов в выделенных кластерах можно заключить, что мы имеем дело с социокультурными стратами, различающимися между собой иерархическим местом в социальной системе, пространственной локализацией, субъективными характеристиками, мировосприятием, ценностными установками, интересами.

Таким образом, в целом по Северо-Западному федеральному округу распределение по кластерам имеет следующий вид: наиболее многочисленны и практически равны по объему первый и второй кластеры (30 и 29% соответственно). В третий кластер попали 22% респондентов, в четвертый и пятый входит каждый десятый опрошенный (табл. 3.4.3).

Подробнее характеристики респондентов, входящих в каждый кластер, будут даны ниже. Распределение населения в регионах имеет некоторые особенности. Так, например, можно выделить группу территорий, в которой доля первого кластера сильно превалирует над долей второго, – это Санкт-Петербург, Ленинградская область и Республика Карелия (разница – 12–21%). Вторую группу составляют территории, в которых доля второго кластера значительно превосходит долю первого: Республика Коми, Калининградская и Новгородская области (разница составляет 14–21%). В третью группу отнесли регионы, где доли первых двух кластеров практически равнозначны (разница не более 5%): Вологодская, Мурманская, Архангельская и Псковская области.

Первый кластер, объединяющий 30% населения СЗФО, максимально представлен в Санкт-Петербурге (39% населения) и Ленинградской области (36%), а также в Республике Карелия (35%, рис. 3.4.2). Наименее – в Калининградской и Новгородской областях (22%). Подробный анализ социально-демографических характеристик респондентов этого кластера позволил отнести их к «гуманистам» – это люди с высшим (незаконченным высшим) образованием (100%), не имеющие

Таблица 3.4.3. **Распределение населения регионов СЗФО по кластерам социокультурной стратификации, в % (2012 г.)**

Территория	1 кластер («гуманисты»)	2 кластер («обыватели»)	3 кластер («реалисты»)	4 кластер («активисты»)	5 кластер («скептики»)	Итого
1 группа						
Санкт-Петербург	38,7	21,5	18,0	9,8	12,0	100
Ленинградская область	35,8	15,3	15,8	19,4	13,7	100
Республика Карелия	35,3	23,3	20,8	10,7	9,9	100
2 группа						
Республика Коми	25,1	45,2	15,0	10,2	4,5	100
Калининградская область	22,5	38,2	28,7	6,5	4,1	100
Новгородская область	22,3	36,7	23,9	10,9	6,3	100
3 группа						
Вологодская область	31,0	27,3	22,2	7,6	11,9	100
Мурманская область	28,4	25,3	21,6	9,5	15,2	100
Архангельская область	28,9	32,0	20,4	10,2	8,5	100
Псковская область	26,7	25,8	30,4	9,8	7,4	100
СЗФО	29,9	28,6	21,7	10,0	9,9	100
<i>Среднее</i>	<i>29,5</i>	<i>29,1</i>	<i>21,7</i>	<i>10,5</i>	<i>9,4</i>	
<i>Среднеквадратичное отклонение</i>	<i>5,7</i>	<i>8,9</i>	<i>5,0</i>	<i>3,4</i>	<i>3,8</i>	
<i>Среднее + среднеквадратичное отклонение</i>	<i>35,1</i>	<i>38,0</i>	<i>26,7</i>	<i>13,9</i>	<i>13,2</i>	
<i>Среднее – среднеквадратичное отклонение</i>	<i>23,8</i>	<i>20,1</i>	<i>16,7</i>	<i>7,0</i>	<i>5,5</i>	

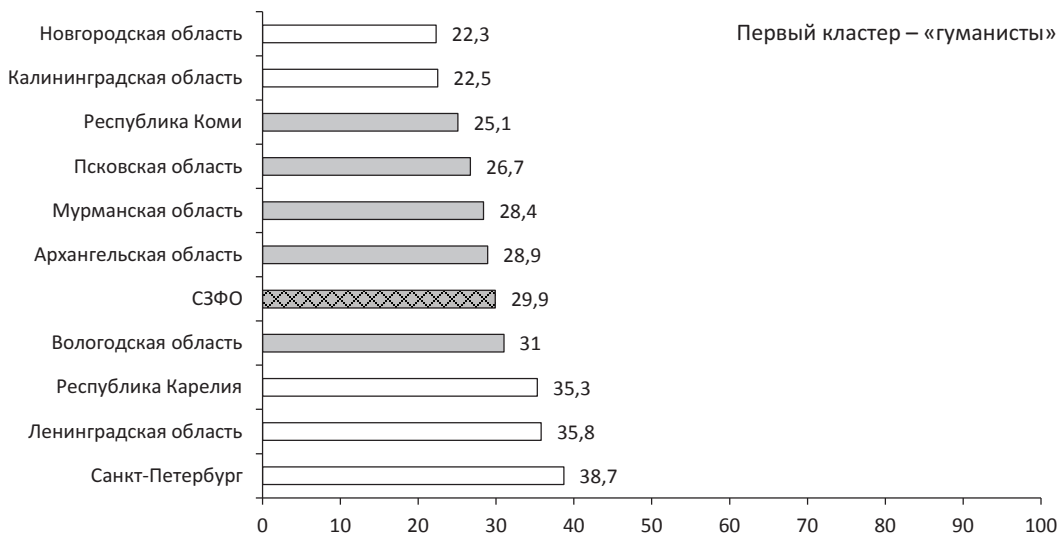

Рис. 3.4.2. **Доля населения в кластере «гуманисты» по регионам СЗФО, 2013 г., в %**

Примечание. Серым цветом выделены регионы, значения показателей которых входят в интервал одного стандартного отклонения от среднего уровня.

подчиненных на работе (75%) или имеющие не более 5 человек (25%), хорошо материально обеспеченные (83%), относящие себя в основном к среднему социальному слою и выше (77%). Наиболее значимой ценностью для них является человеческая жизнь: «Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами» (80%), «Люди и государство должны больше всего заботиться о детях» (80%) и «Самое ценное на свете – это человеческая жизнь, и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах» (86%).

Второй кластер, «обыватели», включает в себя, как и первый, чуть менее трети населения федерального округа (29%), однако он сильно дифференцирован по регионам: от 15% в Ленинградской области до 45% в Республике Коми (рис. 3.4.3). Согласно результатам опроса респонденты этого кластера имеют в основном среднее и среднее специальное образование (90%), не имеют подчиненных на работе (90%), это среднеобеспеченные (76%), относящие себя преимущественно к среднему социальному слою и ниже (92%). Наиболее значимая ценность для них – это человеческая жизнь.

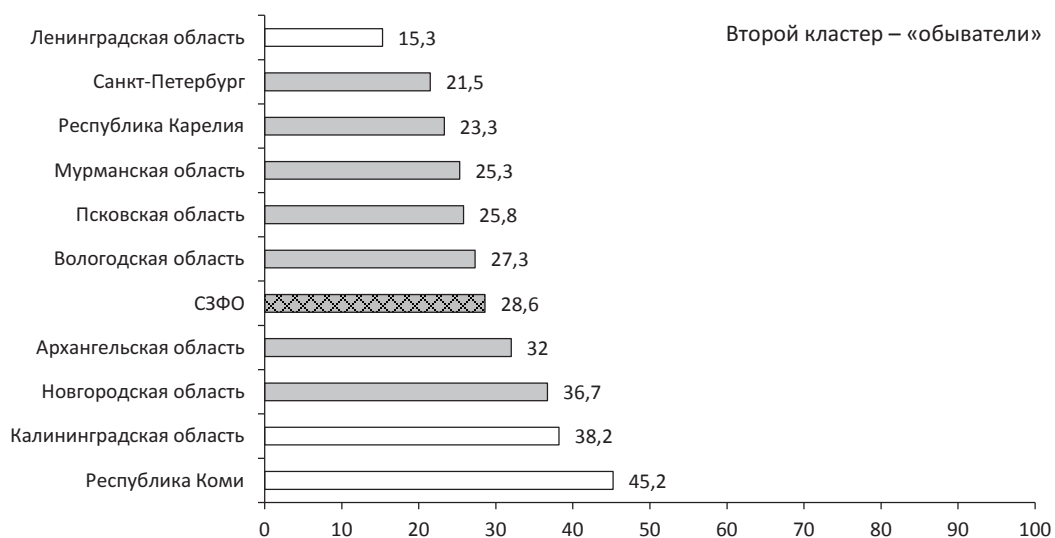

Рис. 3.4.3. Доля населения в кластере «обыватели» по регионам СЗФО, 2013 г., в %

Примечание. Серым цветом выделены регионы, значения показателей которых входят в интервал одного стандартного отклонения от среднего уровня.

Третий кластер, «реалисты», объединяет каждого пятого жителя округа (22%). Наиболее многочисленна данная страта в Псковской области и Калининградской (29–30%; рис. 3.4.4). В два раза меньше она представлена в Республике Коми и Ленинградской области (15–16%). Детальный анализ выявил следующие особенности респондентов: это люди со средним, средним специальным (61%) и высшим образованием (24,7%), в основном не имеющие подчиненных на работе (90%), бедные (100%), относящие себя к среднему социальному слою и ниже (97%). По их мнению, наиболее значимы такие ценности, как человеческая жизнь, семья и дружба («В жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения» – 75%).

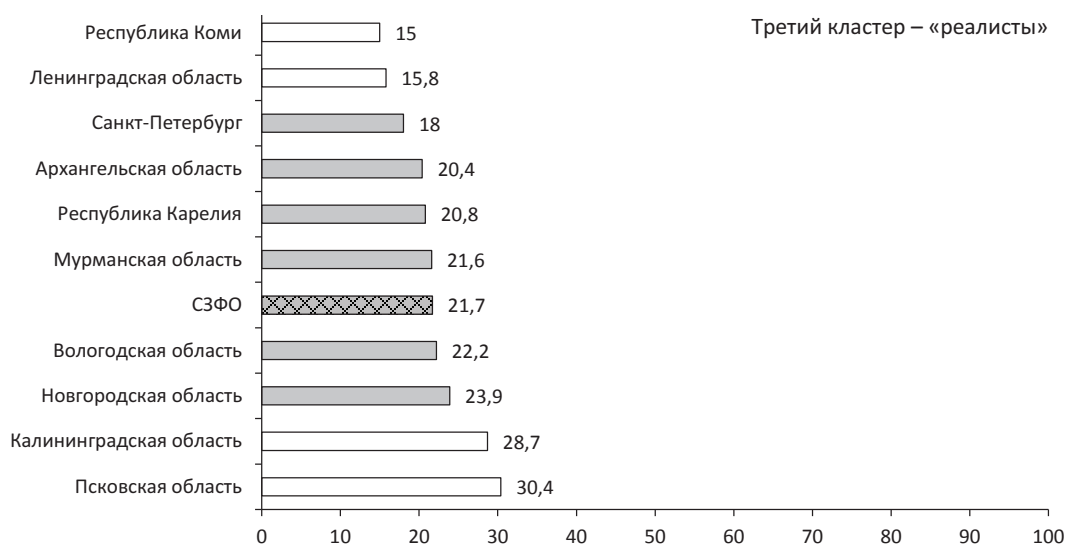

Рис. 3.4.4. Доля населения в кластере «реалисты» по регионам СЗФО, 2013 г., в %

Примечание. Серым цветом выделены регионы, значения показателей которых входят в интервал одного стандартного отклонения от среднего уровня.

В четвертый кластер – «активисты» – входит 10% населения. При этом доля Ленинградской области в 2 раза превосходит остальные региональные значения (рис. 3.4.5). Представляют данный кластер люди с высшим образованием (70%), имеющие подчиненных на работе (100%), хорошо материально обеспеченные (85%), относящие себя в основном к среднему социальному слою и выше (92%). Их наиболее значимые ценности – это человеческая жизнь, а также трудолюбие и стремление к самопродвижению («Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям» – 71%).

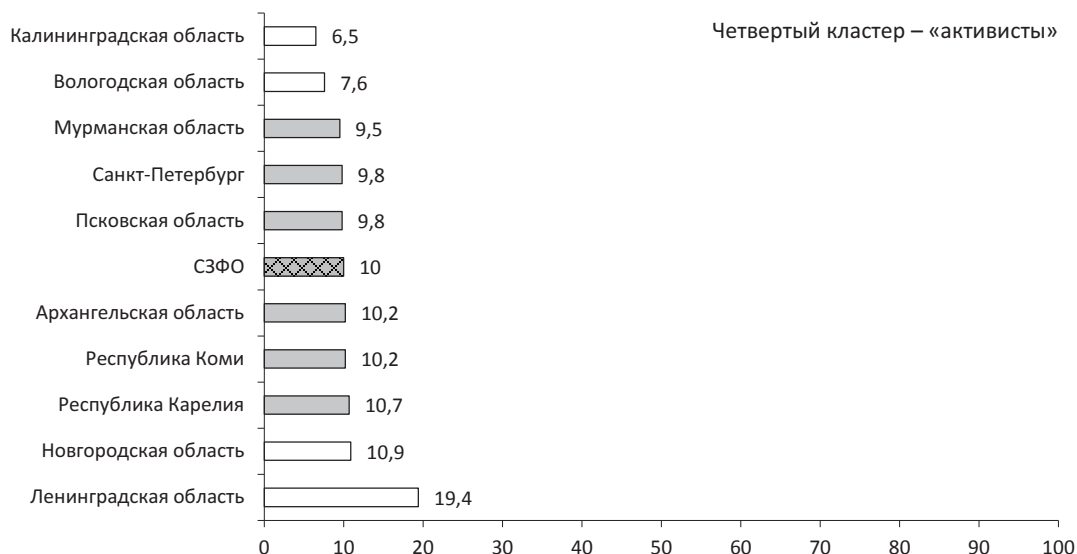

Рис. 3.4.5. Доля населения в кластере «активисты» по регионам СЗФО, 2013 г., в %

Примечание. Серым цветом выделены регионы, значения показателей, которых входят в интервал одного стандартного отклонения от среднего уровня.

Наконец, пятый кластер, «скептики», в среднем по СЗФО имеет так же, как и четвертый, достаточно узкий круг представителей (10%; рис. 3.4.6).

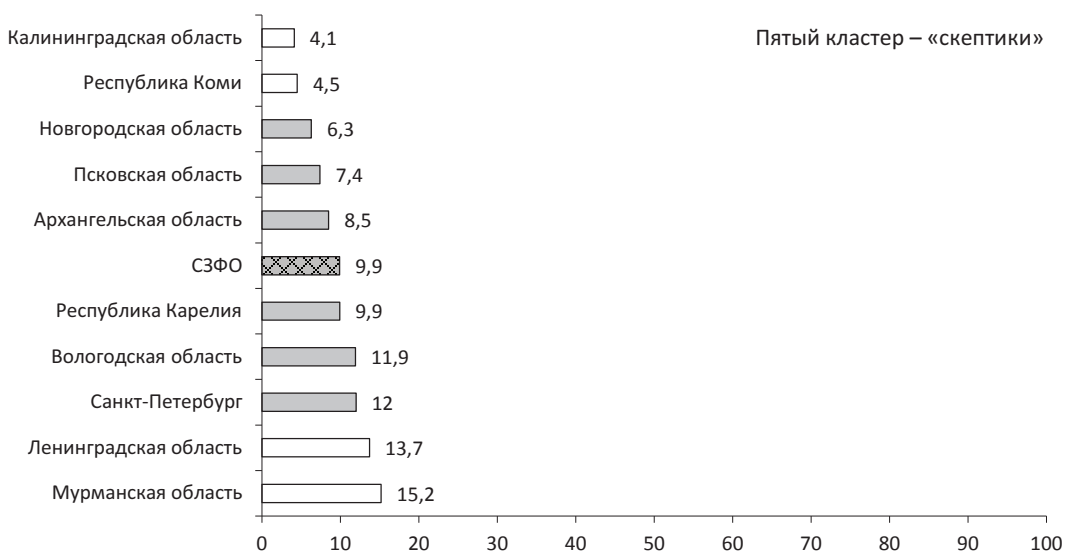

Рис. 3.4.6. Доля населения в кластере «скептики» по регионам СЗФО, 2013 г., в %

Примечание. Серым цветом выделены регионы, значения показателей, которых входят в интервал одного стандартного отклонения от среднего уровня.

Его отличительной характеристикой является более слабая, чем в других кластерах, региональная дифференциация. К «скептикам» в основном относятся люди со средним специальным образованием (66%), не имеющие подчиненных на работе (86%) или имеющие не более 5 человек (14%), среднеобеспеченные (67%), относящие себя к среднему социальному слою (86,6%). Наиболее значимой ценностью они считают человеческую жизнь. Вместе с тем они не ценят обычаи и традиции (64%), не приветствуют инициативу, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, если оказываются в меньшинстве.

Таким образом, социокультурная стратификация связывает объем материальных благ, объем властных полномочий, образовательный уровень с ценностными ориентирами населения, характером познавательных потребностей, отношением к традициям. Именно принятие населением тех или иных ценностно-мотивационных аспектов, норм морали, нравственных императивов, традиционных устоев позволяет говорить о наличии в разных сферах социальной деятельности страт с разными культурными признаками. После анализа зафиксированной на эмпирическом уровне социокультурной стратификации можно констатировать, что страты имеют более выраженные характеристики материального положения и статусно-слоевой самоидентификации и менее выраженные нравственно-ценностные ориентиры.

Следует отметить, что особенности менталитета современного общества не сильно подвержены изменениям и имеют общий вектор социальных и индивидуальных ценностей. Подавляющему большинству населения наиболее понятна и близка патерналистская форма общественно-политического устройства, где государство берет на себя всестороннюю заботу о благополучии граждан, но вместе с тем они привержены либеральным гуманистическим ценностям, в соответствии с которыми человеческая личность представляет собой наивысшую ценность для государства. На основе проведенного анализа социокультурной стратификации населения можно констатировать, что в обществе не потеряно чувство ответственности, оптимизма и коллективизма. Несмотря на социальное расслоение (по уровню дохода, образования, этническому составу, классам, слоям и т.д.), существуют социокультурные явления, сплачивающие людей и препятствующие распаду российского общества.

4. СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И КАНАЛЫ

4.1. Социальная мобильность населения

В настоящее время возрастает актуальность изучения уровня модернизации экономики, но в большинстве случаев предлагается проведение институциональной модернизации, а модернизации пространства уделяется не так много внимания. Н.В. Зубаревич в работе «Регионы России: неравенство, кризис, модернизация» одним из трех важнейших векторов модернизации пространства называет рост мобильности населения, отмечая, что этот вектор воспринимается как основной не только экспертами, но и властями [38], что, в свою очередь, ставит вопрос об актуальности данного направления исследований.

В настоящее время исследование современных тенденций мобильности является достаточно сложным. Во-первых, официальная государственная статистика не располагает достаточными данными о социальной динамике населения, во-вторых, речь идет о социальных процессах в трансформирующемся обществе⁴⁹.

К проявлениям горизонтальной социальной мобильности традиционно относят миграцию. Среди регионов СЗФО самые высокие значения миграционного прироста характерны для г. Санкт-Петербурга (2012 г. – 74 тыс. чел.; табл. 4.1.1) и Ленинградской области (2012 г. – 27 тыс. чел.), так как это наиболее привлекательные территории с точки зрения занятости.

---

⁴⁹ Отрох В.Е. Теоретико-методологический анализ внутригородской мобильности в условиях трансформации российского общества: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01. – Саратов, 2004. – 126 с.

Резкий скачок значений миграционного прироста с 2011 г. объясняется изменением порядка статистического учета (стали фиксироваться граждане, пребывающие на территории региона в течение 9 месяцев и выше, а не те, кто зарегистрирован по месту жительства на 12 месяцев и более, как было ранее). По мнению экспертов, это осуществлено с целью «демонстрации того, что население России не сокращается или сокращается совсем понемногу⁵⁰». Тем не менее даже корректировка методики учета не помогла изменить ситуацию в северных регионах СЗФО. Миграционная убыль отмечается в Республике Коми, Архангельской, Мурманской областях и отчасти в Республике Карелия, что связано с меньшей комфортностью этих территорий для проживания, а также с сезонной занятостью. На остальной территории округа в период 2000–2009 гг. наблюдался положительный миграционный прирост, однако в первые пять лет (2000–2004 гг.) в среднем он происходил более активно, чем в последующие годы. В период финансово-экономического кризиса отмечался спад миграционной активности, последствия которого видны и в настоящее время.

Таблица 4.1.1. **Миграционный прирост населения в регионах СЗФО, человек**

Территория	Среднее 2000–2004	Среднее 2005–2009	2010	2011	2012
Республика Карелия	940	645	-1 031	-1 147	-975
Республика Коми	-6 122	-6 698	-8 630	-10 033	-10 786
Архангельская область	-5 193	-5 209	-7 956	-9 437	-10 244
Вологодская область	535	422	-194	566	-1 053
Калининградская область	4 124	3 960	3 307	6 428	8 702
Ленинградская область	12 792	12 375	8 549	25 807	27 163
Мурманская область	-7 557	-6 623	-6 713	-6 072	-7 925
Новгородская область	636	521	-387	1 466	-234
Псковская область	523	12	-2 124	1 580	238
г. Санкт-Петербург	8 700	15 680	36 797	58 632	74 092
СЗФО	29 749	26 195	21 618	67 880	78 981
РФ	99 169	142 206	158 078	318 680	294 930

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

⁵⁰ Карачурина Л. Миграционные процессы [Эл. рес.] // Экономико-политическая ситуация в России в сентябре 2012 г.: Научный вестник ИЭП им. Гайдара.ру. – 2012. – № 9. – С. 55-59.

По данным опроса, большинство жителей Северо-Западного федерального округа родились там, где сейчас проживают (52%), либо приехали по своему желанию из другого населенного пункта этого же региона (27%). Из других регионов России и СНГ добровольно переехало примерно 19% населения; причем наиболее привлекательной оказалась Калининградская область (35%), которая, как свободная экономическая зона, представляет благоприятные условия для самозанятости; наименее привлекательными – Архангельская область и Республика Коми (по 10%), которые, как северные территории, малопривлекательны для проживания.

Чаще всего мобильность населения обусловлена сменой семейного положения (25%), профессиональной деятельности и работы (22%), а также началом учебы (21%; прил. 2). В меньшей степени – отсутствием условий для профессионального роста и комфортного проживания (5 и 12% соответственно). Например, переезд людей в Санкт-Петербург и Республику Карелия в основном связан с получением высшего образования (43 и 33% соответственно), в Архангельскую и Псковскую области – со сменой работы (29 и 27%).

Профессиональная мобильность. На протяжении 1990–2012 гг. отраслевая структура занятого населения России и СЗФО в частности претерпевала определенные трансформации, связанные с изменениями в социально-экономическом развитии государства. Это проявилось прежде всего в снижении доли населения, занятого в отраслях материального производства.

Данные социологического исследования, проведенного ИСЭРТ РАН в 2013 г., показали, что население СЗФО в равной степени работает как на государственных предприятиях (32%), так и частных (31%; табл. 4.1.2). Следует также отметить, что 1/5 населения не имеет постоянной работы (20%), эта категория в основном состоит из студентов и пенсионеров. В качестве желаемого места работы население чаще выбирает государственные структуры (37%), частным предприятиям отдает предпочтение 30% населения области.

На фирме, находящейся в личной собственности, хотели бы работать 15% жителей, что в 5 раз превышает удельный вес тех, кто на данный момент является предпринимателем. Примечательно, что почти повсеместно каждый пятый житель не имеет постоянной работы. Особенно уязвимы в данном отношении женщины, пенсионеры и люди с низким уровнем образования. Во-первых, это связано с тем, что на рынке труда в

большей степени ощущается нехватка кадров по рабочим, «неженским» профессиям. Во-вторых, присутствует проблема «сочетания профессионального труда и материнства» [114]. Пенсионеров также неохотно берут на работу как на государственные, так и на частные предприятия.

Таблица 4.1.2. **Реальное и желаемое место* основной и дополнительной работы населения СЗФО, 2013 г., в %**

Тип предприятия	Основная работа		Дополнительная работа	
	Реальная	Желаемая	Реальная	Желаемая
Государственное, муниципальное предприятие	31,5	36,8	3,0	5,6
Предприятие смешанной формы собственности	8,6	9,0	0,6	1,7
Частное предприятие, фирма	30,6	30,0	8,6	17,4
Колхоз, совхоз, с/х кооператив	1,0	0,8	0,2	0,5
Крестьянское, фермерское хозяйство	0,8	2,4	1,7	4,1
Не имею постоянной работы	19,9	2,9	24,8	5,5
Не знаю	4,3	14,8	9,0	16,1

* Реальное место работы – работа, которую имеет респондент на настоящий момент; желаемое место работы – работа, которую хотел бы иметь респондент, если бы мог выбирать.

Низкая заработная плата либо нерегулярность ее выплаты на основном месте работы, желание иметь более высокий доход стимулируют распространение вторичной занятости. Судя по результатам опроса, вторичная занятость распространена в регионе слабо. В современных условиях вторичная занятость способствует адаптации населения к быстро меняющейся социально-экономической среде и выступает формой социально-трудовой мобильности. Поэтому можно говорить о характерности для населения СЗФО невысокой трудовой мобильности. В основном те, кто имеет дополнительную работу, работают у частных предпринимателей (9%) или заняты на государственных предприятиях (3%, см. табл. 4.1.2). Четверть населения не имеет постоянной дополнительной работы, но прирабатывает от случая к случаю. Среди имеющих дополнительную работу или желающих ее иметь преобладают женщины трудоспособного возраста (30%). Наибольшая доля наемных работников, занятых вторично, приходится на группы со средним специальным и высшим образованием (23 и 32% соответственно).

Существенную часть тех, кто работает на государственных предприятиях, где выше социальные гарантии, составляют женщины (35%), как и среди не имеющих постоянной работы (22%; табл. 4.1.3).

Таблица 4.1.3. **Занятость по формам собственности в зависимости от пола и возраста населения СЗФО (основная работа), 2013 г., в %**

Тип предприятия	Пол		Возраст		
	Мужчины	Женщины	До 30 лет	30–55 лет	Старше 55 лет
Государственное, муниципальное предприятие	25,4	35,3	24,9	35,7	27,6
Предприятие смешанной формы собственности	12,7	6,9	8,6	12,2	5,1
Частное предприятие, фирма	37,5	26,9	35,6	40,2	12,0
Колхоз, совхоз, с/х кооператив	1,3	0,8	0,8	1,0	1,2
Крестьянское, фермерское хозяйство	0,8	0,7	0,2	0,4	1,8
Другое	1,8	2,3	2,0	1,2	3,8
Не имею постоянной работы	16,6	22,4	23,7	7,3	39,5
Не знаю	3,9	4,7	4,2	1,9	9,1

Среди работающих на предприятиях других форм собственности (акционерные предприятия, частные и личные фирмы, колхозы) удельный вес мужчин выше, чем женщин. Молодежь предпочитает наряду с учреждениями госсектора частные предприятия (25 и 36% соответственно) или не имеет постоянной работы (24%). Большая часть людей пенсионного возраста трудятся на государственных предприятиях, и здесь данный показатель выше, чем на частных и акционерных, в два раза. Это связано с недоверием пожилых людей частным фирмам либо с нежеланием частных работодателей нанимать пенсионеров.

В государственном секторе работают жители как сельской, так и городской местности (по 31%). На предприятиях, принадлежащих частным лицам, горожан трудится больше, чем селян. Вполне логично, что население деревень и сел старается найти работу поближе к месту жительства, то есть в колхозе или сельскохозяйственном кооперативе.

Прослеживается зависимость выбора места работы от уровня образования (табл. 4.1.4). Чем выше уровень образования, тем больше удельный вес занятых на государственных предприятиях. Удельный вес людей с высшим образованием, работающих в частном секторе, несколько ниже.

Таблица 4.1.4. **Занятость по формам собственности в зависимости от уровня образования населения СЗФО (основная работа), 2013 г., в %**

Тип предприятия	Ваше образование		
	Незаконченное среднее, среднее	Среднее специальное	Незаконченное высшее, высшее
Всего по опросу	26,6	26,1	46,0
Государственное, муниципальное предприятие	20,2	30,8	37,7
Предприятие смешанной формы собственности	10,4	9,6	9,0
Частное предприятие, фирма	27,4	32,9	33,1
Колхоз, совхоз, с/х кооператив	1,5	1,0	0,8
Крестьянское, фермерское хозяйство	0,9	1,1	0,4
Не имею постоянной работы	31,3	18,7	13,5
Не знаю	5,6	3,5	4,0

В отношении мотивов выбора места работы мнения населения Северо-Западного федерального округа разделились: примерно по 27% респондентов предпочитают работу, приносящую пусть небольшой, но стабильный заработок, и столько же предпочитают зарабатывать много, при этом не имея гарантий на будущее (табл. 4.1.5).

Таблица 4.1.5. **Иерархия трудовых мотивов населения Северо-Западного федерального округа, в % от числа опрошенных**

Ранг ответа	Какую работу Вы предпочли бы сегодня, если бы могли выбирать?	2013 г.
1	Иметь пусть небольшой, но твердый заработок	27
2	Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	27
3	Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	14
4	Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	10
5	Не знаю, отказ от ответа	24

Предпринимательские наклонности демонстрирует 14% населения округа, потерять в зарплате, но приобрести больше свободного времени хотел бы каждый десятый. В территориальном разрезе преобладающим трудовым мотивом является высокий заработок без гарантий на будущее (порядка 30–40%: Республика Карелия, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская области). Жители Республики Коми, Архангельской и Псковской областей предпочитают стабильность – небольшой, но твердый заработок. К предпринимательству более склонно население г. Санкт-Петербурга (32%).

Часто причиной смены места работы является отсутствие перспектив карьерного роста. Как показал опрос, большинство населения Северо-Западного федерального округа рассчитывает на дальнейший служебный рост (24%). По самооценке каждого пятого жителя Республики Карелия, Республики Коми и Новгородской области, перспектив служебного роста у них нет. По характеру работы не имеют возможности профессионального роста от 20 до 30% населения Мурманской и Калининградской областей. Судя по результатам опроса, в среднем повышение должности происходит раз в 6,8 года.

Для определения возможностей достижения высокого социального положения респондентам был задан вопрос: «Оцените, насколько важны для Вас условия достижения благополучия и высокого социального положения» (табл. 4.1.6). Из данных таблицы видно, что самое важное для повышения благополучия жителей СЗФО – упорный труд (78%), хорошее образование (76%), наличие нужных знакомств, так называемых «связей» (74%).

Помощь родственников и удачный брак как фактор мобильности выделили 50% населения. По мнению примерно трети респондентов, на социальную мобильность оказывает влияние уровень образования родителей и хорошее происхождение. Пол, национальность и нахальство как условия продвижения по социальной лестнице выбрали не более 20% населения.

Таблица 4.1.6. **Условия достижения благополучия и высокого социального положения по оценкам населения СЗФО, в % от числа опрошенных**

Условия	Очень важно, пожалуй, важно	Трудно сказать	Совсем не важно, пожалуй, не важно	Не знаю
Упорный труд	78,3	12,9	5,2	3,7
Хорошее образование	75,8	12,4	7,9	4,1
Нужные знакомства, связи	74,4	12,7	7,7	5,2
Помощь родственников	51,9	21,6	19,2	7,4
Удачный брак	49,0	22,8	20,5	7,7
Образованные родители	34,0	25,7	33,4	7,0
Хорошее происхождение	30,4	30,0	32,4	7,2
Пол	20,1	24,4	44,3	11,4
Национальность	18,6	23,0	45,7	12,8
Неразборчивость в средствах, нахальство	17,6	30,2	37,2	15,2

В структуре трудовой мотивации молодежи и людей среднего возраста преобладает желание получать высокий доход, в то время как старшее поколение предпочитает социальные гарантии. Кроме того, на государственных предприятиях население старших возрастов удерживает привычка, адаптация в сложившемся коллективе. А вот молодежь чаще выбирает занятость на частных предприятиях, что, возможно, обусловлено несовершенством действующей социальной политики, в силу чего они рассчитывают только на самих себя, предпочитая социальным гарантиям более высокую заработную плату. В то же время молодые люди из-за отсутствия опыта работы либо из-за каких-то иных причин не всегда могут устроиться в государственное учреждение, предлагающее достойную заработную плату и карьерные возможности. В результате они вынуждены идти работать на частные предприятия, где зачастую имеют место нарушения их прав.

Чтобы выявить изменения, произошедшие в социально-профессиональной структуре, жителям Северо-Западного федерального округа были заданы вопросы: «Кем Вы и Ваши родители работали в начале своей трудовой деятельности?» и «Кем Вы и Ваши родители работаете сегодня?».

Высокая мобильность прослеживается у руководителей в сельском хозяйстве и военнослужащих (77 и 74% соответственно сменили работу; рис. 4.1.1).

Средняя профессиональная мобильность наблюдается у руководителей госпредприятий (36%) и инженерно-технических работников, госслужащих, среднего управленческого персонала (28%).

Низкая мобильность отмечается у рабочих, работников сферы торговли и услуг, бухгалтеров и экономистов, юристов (по 17–18%), но самая низкая мобильность характерна для врачей, преподавателей, работников культуры (16%).

Профессиональная мобильность родителей уступает мобильности детей, за исключением рабочих, среди которых мобильность в поколении отцов в два раза выше, чем в поколении детей (36 и 17% соответственно).

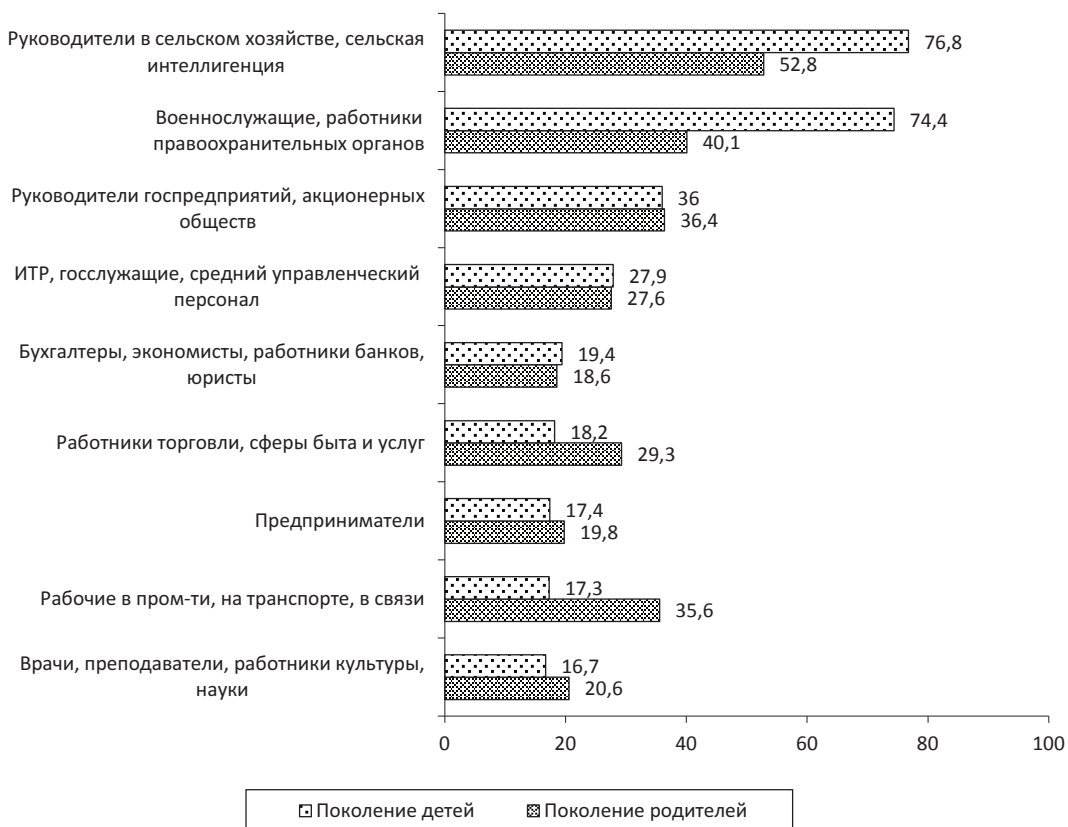

Рис. 4.1.1. Удельный вес населения СЗФО, сменившего работу в течение трудовой деятельности, в разрезе поколений, 2013 г., в % от числа опрошенных

Среди направлений смены профессиональной стези сфера торговли и услуг является наиболее предпочтительной для руководителей в сельском хозяйстве (19%), а также предприятий (9%) и для военнослужащих (8%) (прил. 3).

В то же время работники сферы торговли и услуг (6%), военнослужащие (9%), инженерно-технические работники, госслужащие (6%) перешли на рабочие специальности в промышленность, на транспорт, в связь.

Для родительского поколения мобильность менее характерна, чем для молодежи, которая более мобильна. Для поколения отцов сфера экономики и финансов в 1990-е годы была менее привлекательна, поэтому среди них наблюдается значительный отток и наибольшая мобильность; среди поколения детей профессиональная мобильность в этой сфере наименьшая.

Для измерения вертикальной социальной мобильности использовались следующие показатели [10, с. 205-212]: общий коэффициент мобильности, коэффициент восходящей мобильности, коэффициент нисходящей мобильности, коэффициент структурной (вертикальной) мобильности, коэффициент обменной мобильности, коэффициент соотношения между восходящей и нисходящей мобильностью.

Общий коэффициент мобильности (отражающий относительную интенсивность мобильности) рассчитывался как отношение числа лиц, совершивших переходы, к общей численности совокупности (13):

$$Q_o = \frac{n_o}{N_o} \times 100\% . \quad (13)$$

Анализ общей мобильности в Северо-Западном федеральном округе за последние 5 и 10 лет исследуемого периода (2003–2012) позволяет отметить следующее: в среднем по округу данный показатель составляет порядка 40% (рис. 4.1.2). Наиболее мобильным за последнее десятилетие оказалось население Ленинградской области, Республики Карелия и г. Санкт-Петербурга (48, 46 и 45% соответственно).

Вместе с тем за период с 2008 по 2012 г. возросла мобильность жителей Калининградской и Архангельской областей (на 5%). Мобильное население Вологодской области составляет порядка 33–35%, что в среднем на 5–10% меньше, чем в большинстве регионов округа.

Значимых гендерных различий в уровне мобильности населения СЗФО не наблюдается (рис. 4.1.3). В г. Санкт-Петербурге, Новгородской и Ленинградской областях мужчины более мобильны, чем женщины (в среднем на 10–15%).

Прослеживаются определенные возрастные зависимости: для молодежи характерна высокая мобильность – порядка 40–50% – вследствие отсутствия семейных обязательств, более широкого спектра интересов, более высокой степени адаптации к изменяющимся условиям (рис. 4.1.4).

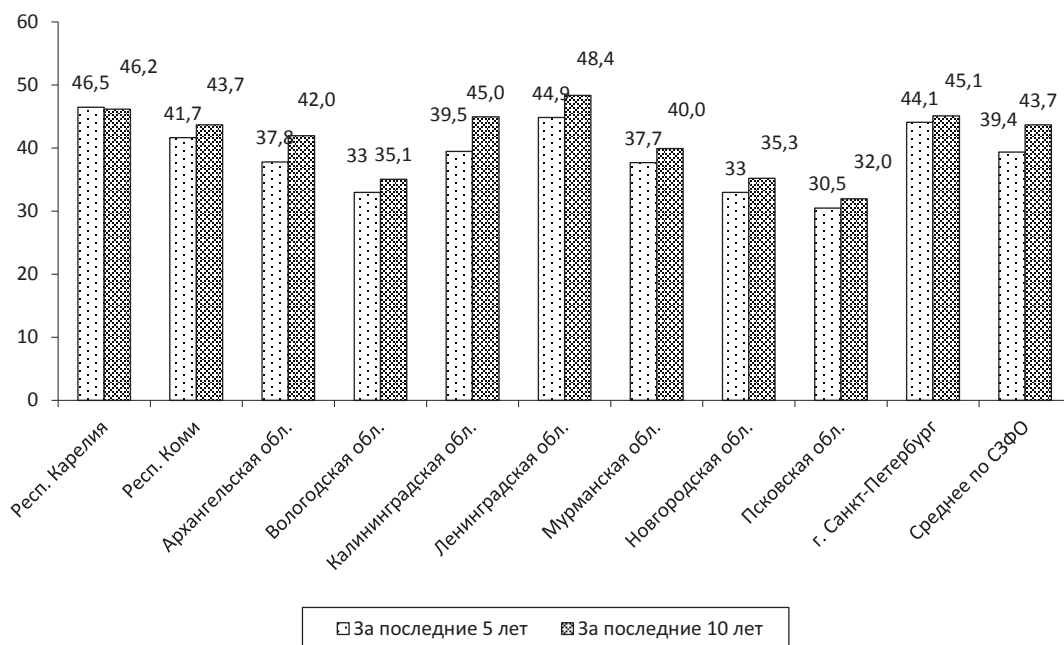

Рис. 4.1.2. Общие коэффициенты мобильности населения регионов Северо-Западного федерального округа, в % от числа опрошенных

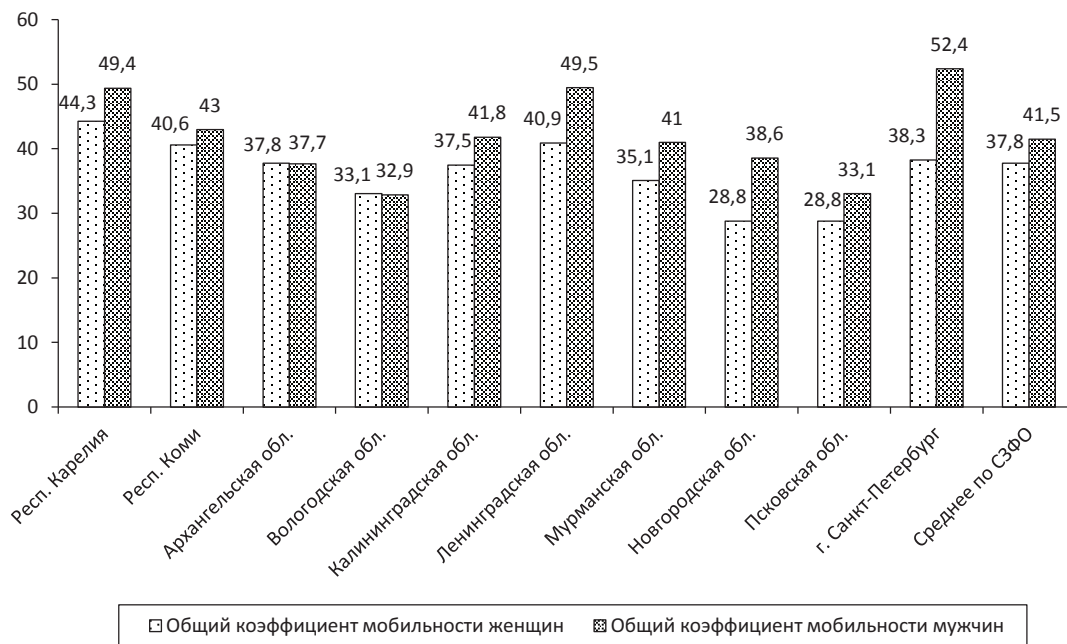

Рис. 4.1.3. Общие коэффициенты мобильности женщин и мужчин регионов СЗФО (за последние 5 лет), в % от числа опрошенных

Наиболее мобильной является молодежь Республики Карелия и Ленинградской области. Далее с увеличением возраста происходит постепенное снижение мобильности: у 30–55(60)-летних она ещё сохраняется на достаточно высоком уровне – 30–40%, так как на этот период приходится основная масса повышений служебного положения. Наименее подвижными в плане мобильности являются жители СЗФО пенсионного возраста (общий коэффициент составляет 10–20%), что связано как с нежеланием многих работодателей принимать на работу пенсионеров, так и с проблемами личного характера (состоянием здоровья, необходимостью заботы о внуках и т.д.).

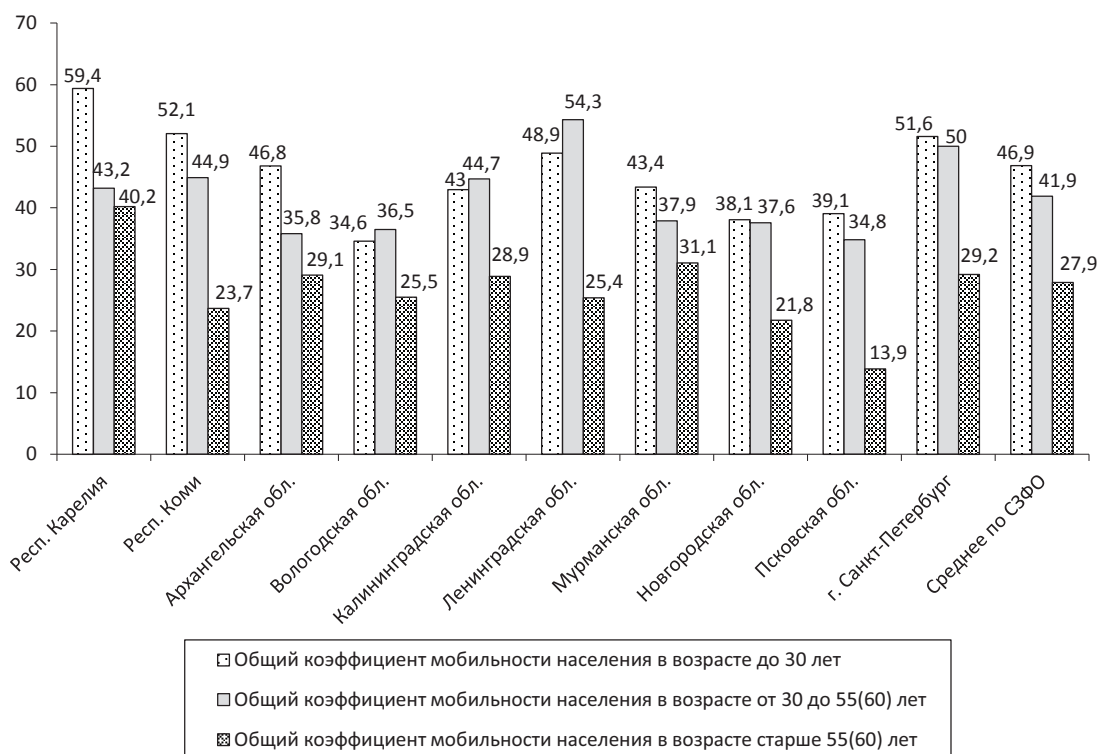

Рис. 4.1.4. **Общие коэффициенты мобильности в разрезе возрастных категорий населения СЗФО (за последние 5 лет), в % от числа опрошенных**

Закономерно, что в среднем мобильность городского населения несколько превышает мобильность сельского (рис. 4.1.5). Особенно велика разница в мобильности по поселенческому признаку в Архангельской области и республиках Карелия и Коми. Сельские жители во многих регионах менее мобильны, так как обладают значительно меньшими возможностями для трудовой мобильности, привязаны к земле.

«Городской стиль жизни» выражается в более высокой мобильности городских жителей и в увеличении количества контактов между ними. В северных субъектах СЗФО мобильность сельского населения существенно выше, чем в более южных регионах, что объясняется поиском более благоприятных условий для проживания и работы.

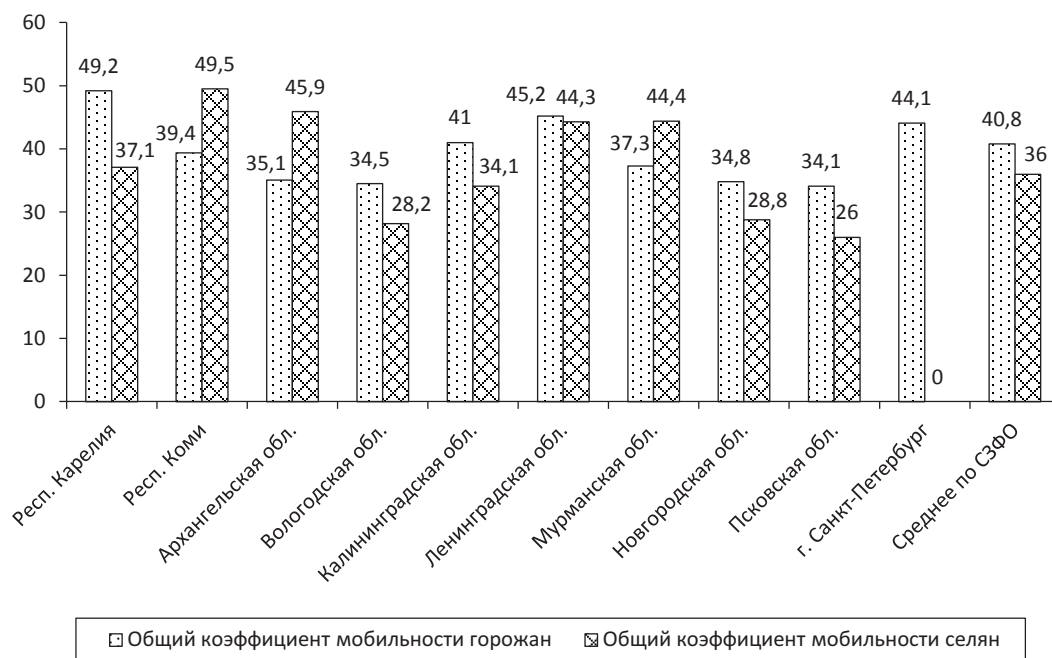

Рис. 4.1.5. **Общие коэффициенты мобильности городского и сельского населения СЗФО (за последние 5 лет), в % от числа опрошенных**

Показатели восходящей мобильности показывают, сколько лиц совершило переходы с повышением социального статуса (14):

$$V_p = \sum \frac{\sum N_{ij}}{N_o}; (i < j). \quad (14)$$

В среднем около 30% населения СЗФО повысили свой социальный статус за последние 5 лет (рис. 4.1.6). Больше всего переходов на высшие ступеньки социальной лестницы совершили жители Ленинградской области и г. Санкт-Петербурга (40 и 39% соответственно), что объясняется агломерационным эффектом. Менее мобильно в данном виде мобильности оказалось население Калининградской (21%), Новгородской (24%), Псковской и Вологодской (по 25%) областей.

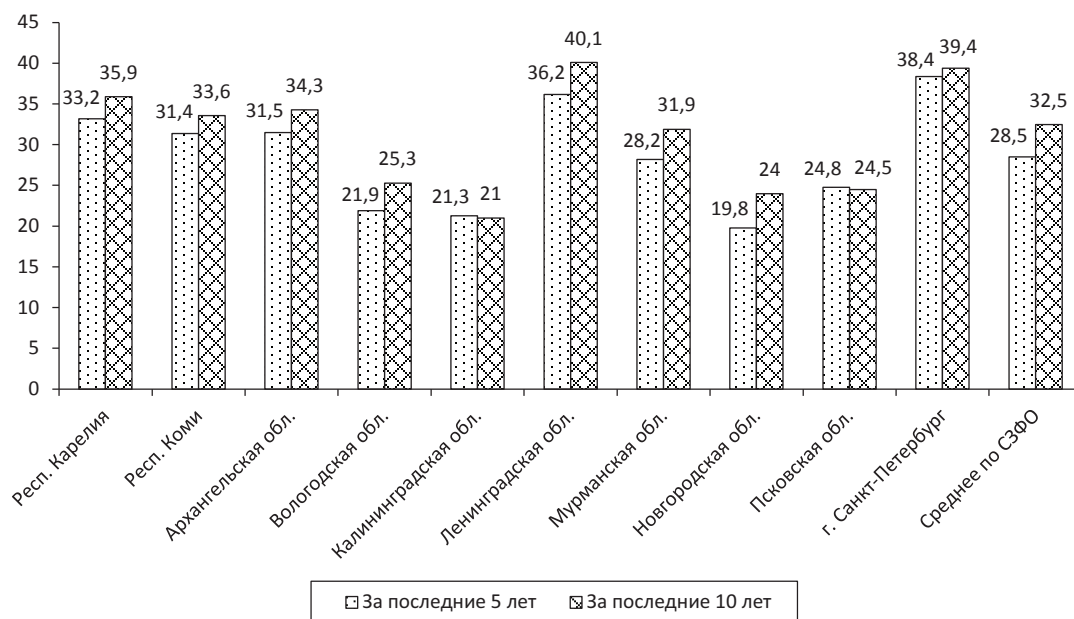

Рис. 4.1.6. Коэффициенты восходящей мобильности населения регионов Северо-Западного федерального округа, в % от числа опрошенных

Нисходящая мобильность определяется долей лиц, совершивших переходы с понижением социального статуса (15):

$$V_n = \sum \frac{\sum N_{ij}}{N_o}; (i > j). \quad (15)$$

Показатели нисходящей мобильности в целом в 2–3 раза ниже коэффициентов восходящей мобильности (рис. 4.1.7).

И если в большинстве регионов округа за последние 5 лет отмечается снижение коэффициента нисходящей мобильности или незначительное повышение, то жители Калининградской области в 1,3 раза стали реже совершать перемещения с понижением своего социального статуса. Нисходящая мобильность населения Вологодской области не выбивается из общей картины макрорегиона и составляет около 11%.

В целом потоки восходящей и нисходящей мобильности женщин перекрывают таковые у мужчин (в 2–3 раза) (рис. 4.1.8). Единственным регионом, где разница не столь существенна, является Калининградская область. Наибольший разрыв в мобильности по полу наблюдается в г. Санкт-Петербурге (в 4 и 13,5 раза).

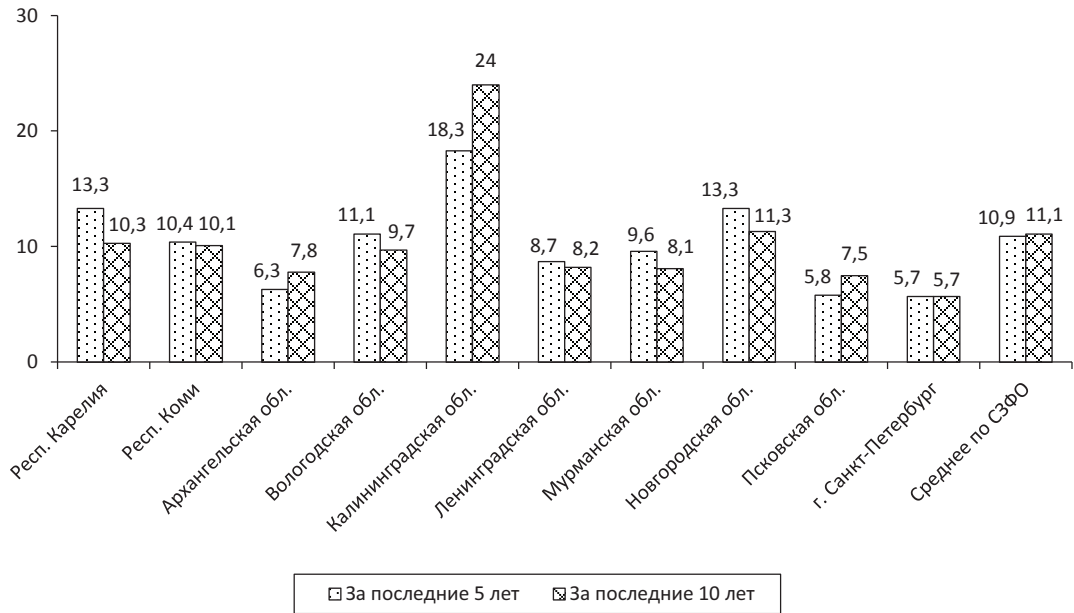

Рис. 4.1.7. Коэффициенты нисходящей мобильности населения регионов Северо-Западного федерального округа, в % от числа опрошенных

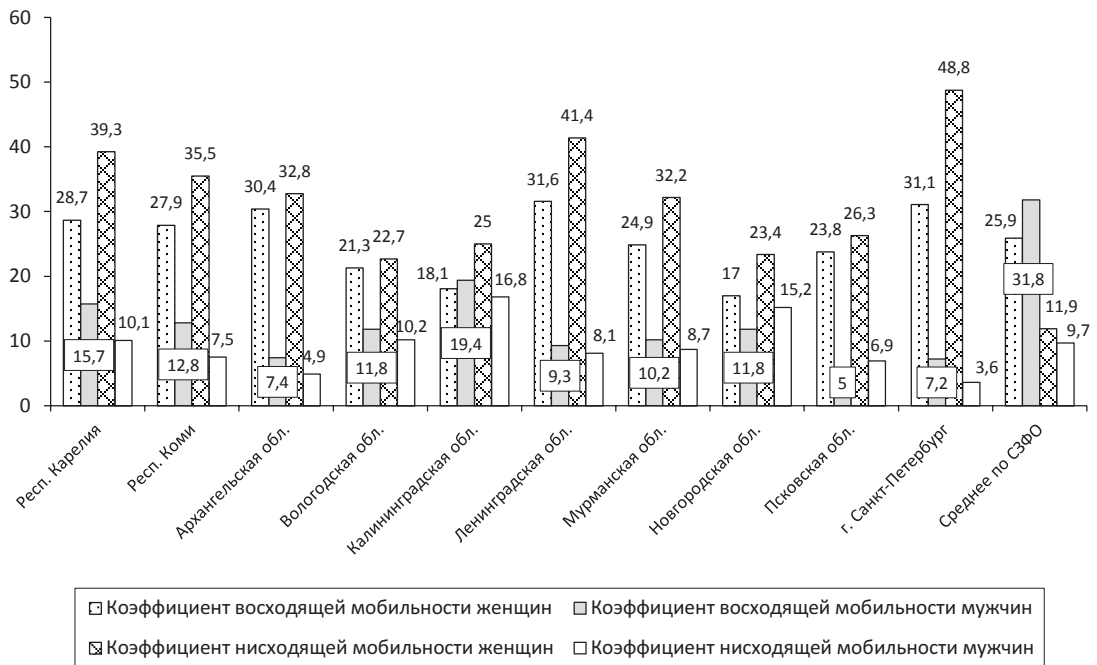

Рис. 4.1.8. Поток восходящей и нисходящей мобильности женщин и мужчин СЗФО (за последние 5 лет), в % от числа опрошенных

Наблюдается четкая зависимость: с увеличением возраста степень восходящей мобильности снижается, вероятность же нисходящих перемещений возрастает. Установлено, что при направленности на восходящую социальную мобильность молодежь ориентируется на конкретность доходов и уменьшает значение профессиональных и образовательных статусов. Самоуверенность и полезные знакомства усиливают риски карьерного роста, так как большинство, не имеющее практического профессионального ресурса, рискует понизить свой социальный статус, а необходимость завязывать и поддерживать полезные знакомства выводит самоограничение и ограничение на поведенческие установки и определение жизненных целей [52]. В современном российском обществе население, выходя на заслуженный трудовой отдых и приобретая статус пенсионера, зачастую опускается на ступеньку ниже на социальной лестнице.

Если в показателях нисходящей мобильности особых различий среди сельского и городского населения не наблюдается, то коэффициенты восходящей мобильности горожан несколько выше, чем у сельских жителей, что определяет более высокий уровень мобильности городского населения (рис. 4.1.9).

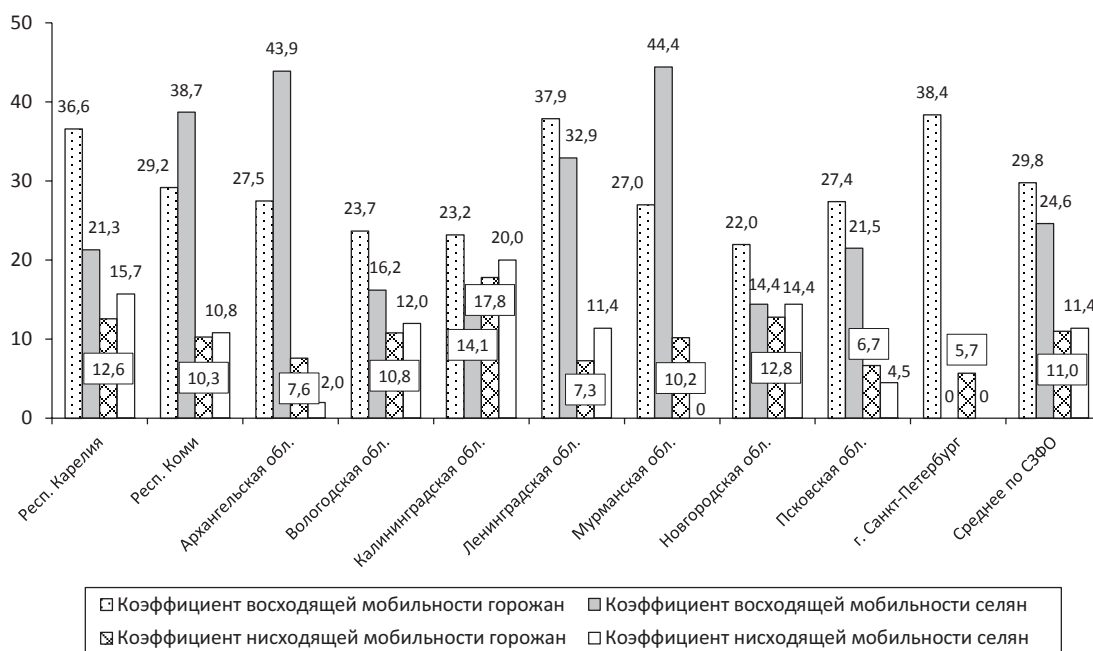

Рис. 4.1.9. Коэффициенты восходящей и нисходящей мобильности городского и сельского населения СЗФО (за последние 5 лет), в % от числа опрошенных

Городское население имеет гораздо более значительные возможности для социальных перемещений, нежели сельское. Однако стоит отметить высокий уровень восходящей мобильности сельского населения Архангельской и Мурманской областей и Республики Коми, что обусловлено тем, что селяне данных регионов в меньшей степени привязаны к земле, чем жители регионов с более благоприятными условиями для ведения сельского хозяйства. В этих субъектах также велика доля населения, работающего сезонно.

Коэффициент соотношения восходящей и нисходящей мобильности (рассчитывался по формуле: $Q_s = V_p / V_n$) в среднем за рассматриваемый период по округу равен 2,6–2,9 (рис. 4.1.10). Наименьшие значения данного показателя отмечаются в Калининградской, Новгородской и Вологодской областях (1,2 и 2 раза соответственно), что говорит о примерной равнозначности потоков восходящей и нисходящей мобильности жителей Калининградской области, а в Новгородской и Вологодской областях перемещения на верхние ступеньки социальной лестницы в два раза превышают нисходящую мобильность.

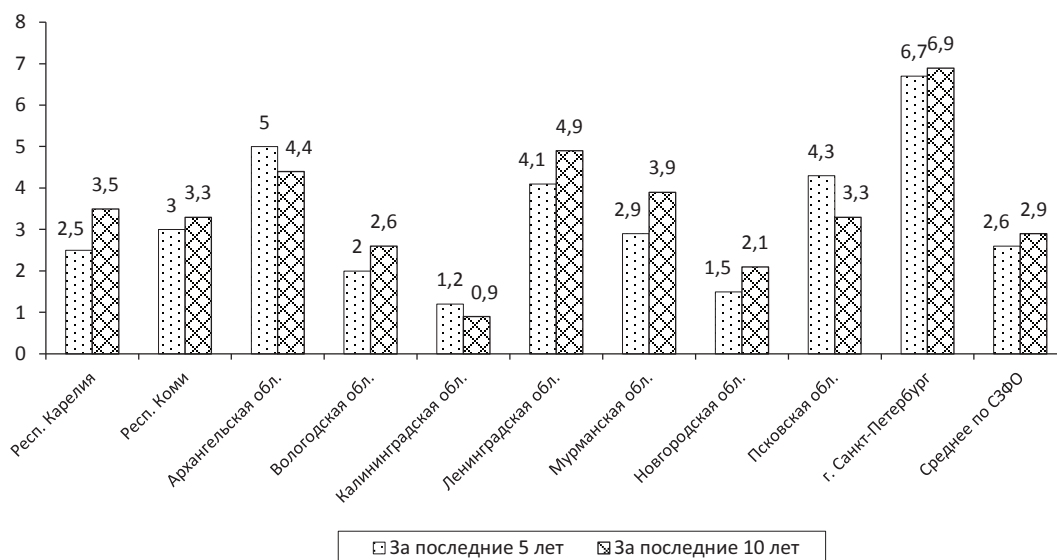

Рис. 4.1.10. Коэффициент соотношения потоков восходящей и нисходящей мобильности населения регионов Северо-Западного федерального округа, в % от числа опрошенных

Под сальдо мобильности (коэффициент структурной мобильности) понимают разность между показателями восходящей и нисходящей мобильности (16):

$$C_v = V_p - V_n, \quad (16)$$

В целом по регионам СЗФО за исследуемый период преобладает положительное сальдо мобильности, исключение составляет Калининградская область, где за последнее десятилетие наблюдается отрицательное сальдо (-3%); рис. 4.1.11).

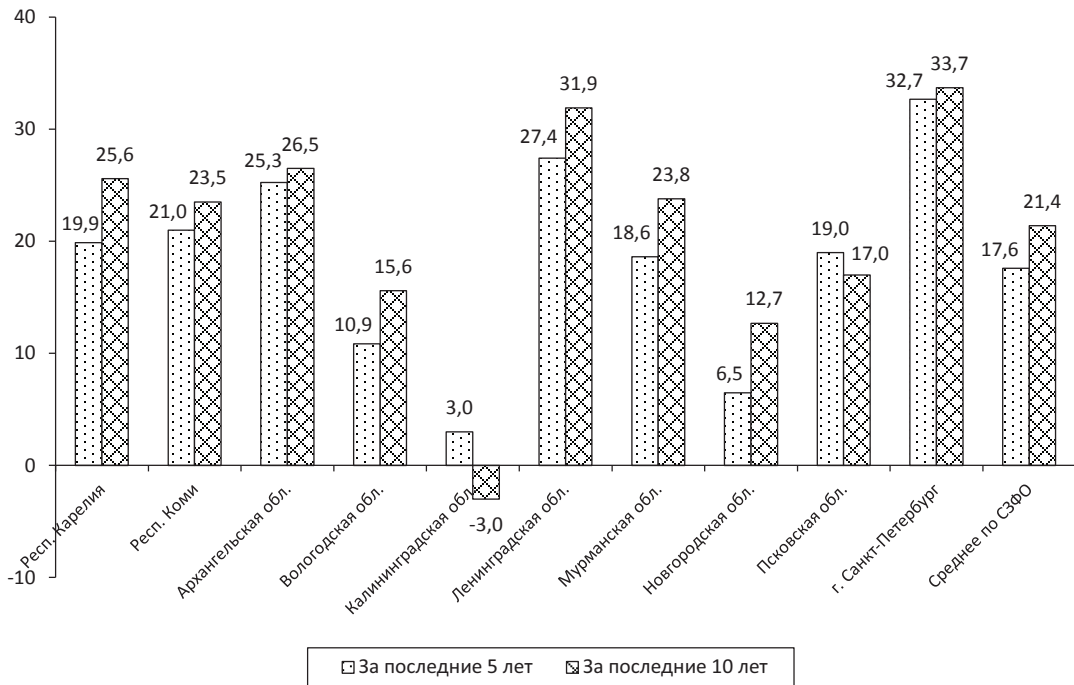

Рис. 4.1.11. Сальдо мобильности населения Северо-Западного федерального округа, в % от числа опрошенных

Наиболее высокие показатели демонстрируют г. Санкт-Петербург и Ленинградская область (34 и 32% соответственно), так как возможности восходящей мобильности в крупных населенных пунктах выше, чем в небольших городах и сельских территориях. Сальдо мобильности населения Вологодской области имеет одно из наиболее низких значений (11–16%), причем за последние 5 лет произошло его снижение на 5% за счет уменьшения интенсивности потоков восходящей мобильности.

Таким образом, в целом мобильность населения Северо-Западного федерального округа достигает 30–40%. Потоки восходящей мобильности преобладают над нисходящими, что говорит о том, что большинство людей стремятся изменить в лучшую сторону свое экономическое и социальное положение.

Социальная мобильность среднего класса. Социально-экономическая дифференциация нарушает однородность среднего класса, который дробится на отдельные подклассы в зависимости от материального уровня и социального положения индивидов. Высокий уровень неравенства эксперты часто связывают с более широкими возможностями социальной мобильности. Поэтому оценивать масштабы среднего класса «необходимо в совокупности с показателями социальной мобильности, то есть возможностями перехода из одного класса в другой. Уменьшение степени проницаемости социальных границ является одной из первостепенных причин ухудшения положения среднего класса, поскольку иначе, сокращаясь, он не способен воспроизводиться за счет притока в него бедных слоев населения» [23].

В 2013–2014 гг. в ИСЭРТ РАН было проведено исследование социальной стратификации и социальной мобильности населения СЗФО⁵¹, по

⁵¹ Исследование проводилось на материалах опроса населения регионов СЗФО во II квартале 2013 г. Объем выборочной совокупности составил 5113 человек.

Расчёт общего коэффициента мобильности и вытекающих из него показателей производился по вопросу: «Отметьте изменения, произошедшие с Вашим социальным положением в обществе» (стало выше/ниже, не изменилось). Для измерения социальной мобильности применялась система следующих показателей:

1. Общий коэффициент мобильности равен отношению числа лиц, совершивших переходы к общей численности совокупности:

$$Q_o = \frac{n_o}{N_o} \times 100\%$$

2. Показатель восходящей мобильности равен доле лиц, совершающих переходы с повышением социального статуса:

$$V_p = \sum \frac{\sum N_{ij}; (i < j)}{N_o}$$

3. Показатель нисходящей мобильности равен доле лиц, совершивших переходы с понижением социального статуса:

$$V_n = \sum \frac{\sum N_{ij}; (i > j)}{N_o}$$

4. Показатель структурной (вертикальной) мобильности равен разности между показателями восходящей и нисходящей мобильности:

$$C_v = V_p - V_n$$

5. Коэффициент обменной мобильности равен разности между общим коэффициентом мобильности и коэффициентом структурной (вертикальной) мобильности:

$$P_o = Q_o - C_v$$

результатам которого видно, что уровень мобильности всего населения в три раза превосходит мобильность категории, относящейся к среднему классу (рис. 4.1.12).

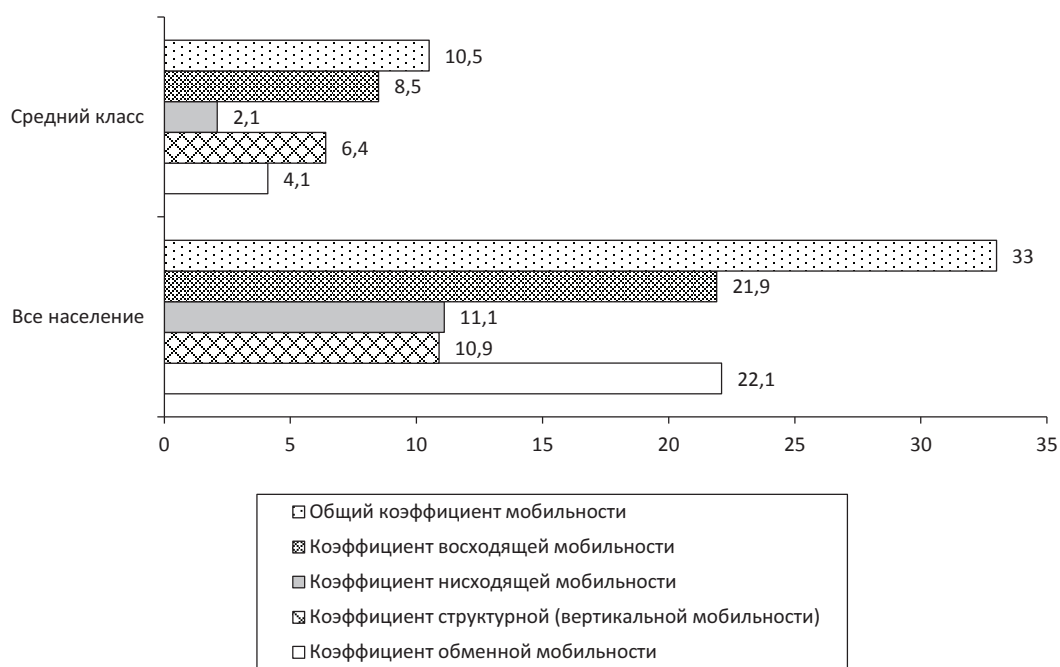

Рис. 4.1.12. Коэффициенты социальной мобильности населения Вологодской области (за последние 5 лет)

Как можно отметить, уровень социальной мобильности населения Вологодской области составляет 33%, что в среднем на 5–10% ниже, чем в большинстве регионов СЗФО (лидер – Республика Карелия – 47%). Для представителей среднего класса Вологодской области, скорее всего, тот уровень социального положения, которого они достигли, на настоящий момент является «потолком», выше которого сложно подняться. В этом случае целесообразнее было бы говорить о мобильности внутри среднего класса, от верхних его групп к нижним и наоборот. Обменная мобильность показывает степень открытости групп – чем она меньше, тем группа более закрыта и доступ в нее затруднен [10]. Данный показатель в страте среднего класса, составляющий всего 4%, свидетельствует о её труднодоступности для перехода. Это вызывает опасения в отношении воспроизводства среднего класса и его дальнейшей численности.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что задача, поставленная в Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2020 года, заключающаяся в увеличении доли среднего класса до 65% [70], является трудновыполнимой. Для того чтобы повысить степень проницаемости границ среднего класса и уровень социальной мобильности, необходимо прежде всего снизить влияние факторов, сдерживающих перемещение людей из более низких страт в более высокие.

Одним из главных «тормозов» роста численности среднего класса является низкий уровень доходов населения, который затрудняет доступность различных благ и удовлетворение потребностей индивидов. Кроме того, представителя среднего класса должен отличать высокий уровень культурного капитала, активный культурный досуг, отстаивание социально-политических позиций, наличие достижительных мотиваций, индивидуальная свобода и т.д. Влияние ограничительных факторов приводит к тому, что социальные лифты работают только в отношении состоятельных или же очень одаренных людей, а для остального населения снижается уровень реального благосостояния и, соответственно, возможность перехода в более высокий социальный слой.

4.2. Особенности социальной мобильности в Вологодской области

При изучении процессов социальной мобильности важно рассмотреть отношение населения к региону проживания, косвенно показывающее уровень консолидации общества и возможные направления движения потоков населения.

В ходе исследования идентификации населения Вологодской области как сообщества, которое проживает на общей территории, выявлено, что большинство оценивает условия проживания в регионе примерно так же, как население СЗФО в целом (рис. 4.2.1).

В Вологодской области 18% населения считает жизнь в ней лучше, чем в соседних регионах. Однако 48% жителей отметили, что «по сравнению с одними регионами жизнь лучше, а по сравнению с другими – хуже». Вероятно, на этих оценках сказывается более высокий уровень жизни и доходов соседних Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля⁵².

---

⁵² Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

Рис. 4.2.1. **Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, жители Вашего региона живут лучше или хуже, чем жители соседних регионов?»**, в % от числа опрошенных

Во многом влияет на мнение жителей нестабильность социально-экономической и политической обстановки. Согласно результатам опросов, в докризисный период первое место среди проблем региона, на взгляд населения области, занимала проблема алкоголизации (45%), далее отмечались низкий уровень жизни, инфляция и проблема жилищного обеспечения (табл. 4.2.1).

Таблица 4.2.1. **Основные проблемы региона**, в % от числа опрошенных*

Проблемы	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.	1 пол. 2013 г.
Инфляция	33,6	53,9	49,6	51,2	54,2
Низкий уровень жизни, бедность	35,3	34,8	40,9	35,7	38,0
Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья	32,7	41,4	29,9	32,3	33,8
Расслоение населения на «богатых» и «бедных»	27,4	31,1	27,5	28,6	30,1
Недоступность здравоохранения, низкое качество медицинских услуг	23,3	21,6	20,6	23,0	24,0
Рост алкоголизма	44,5	28,9	31,5	23,2	22,5

* Ранжировано по 2013 г.

В 2008 г. вследствие начала финансово-экономического кризиса на первый план вышли проблемы инфляции (54%) и доступности жилья

(42%). В этой связи жители региона особенно подчеркивали проблемы, возникающие с трудоустройством, невозможностью выплачивать ипотечные кредиты. За последние пять лет ситуация не изменилась в лучшую сторону: по-прежнему основной проблемой для жителей области является инфляция (54%). Все больше людей волнует расслоение населения на «бедных» и «богатых» (30%).

Однако, несмотря на проблемы, 30% жителей рады, а 40% в целом довольны, что живут в Вологодской области (рис. 4.2.2). При этом в России в целом больше доля тех, кто выбрал вариант ответа: «Я рад, что живу здесь» (42% против 30% в Вологодской области). Население области чаще всего согласно с ответом: «В целом я доволен, но многое не устраивает». В то же время меньше всего получено ответов: «Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать». То есть «потенциальных эмигрантов» в Вологодской области примерно 4–5%. Стоит отметить, что за период 2008–2013 гг. отношение жителей к региону практически не изменилось. Таким образом, население принимает условия своего региона, ведь только 5% жителей хотят покинуть его пределы. Следовательно, они имеют довольно прочные связи со своим регионом.

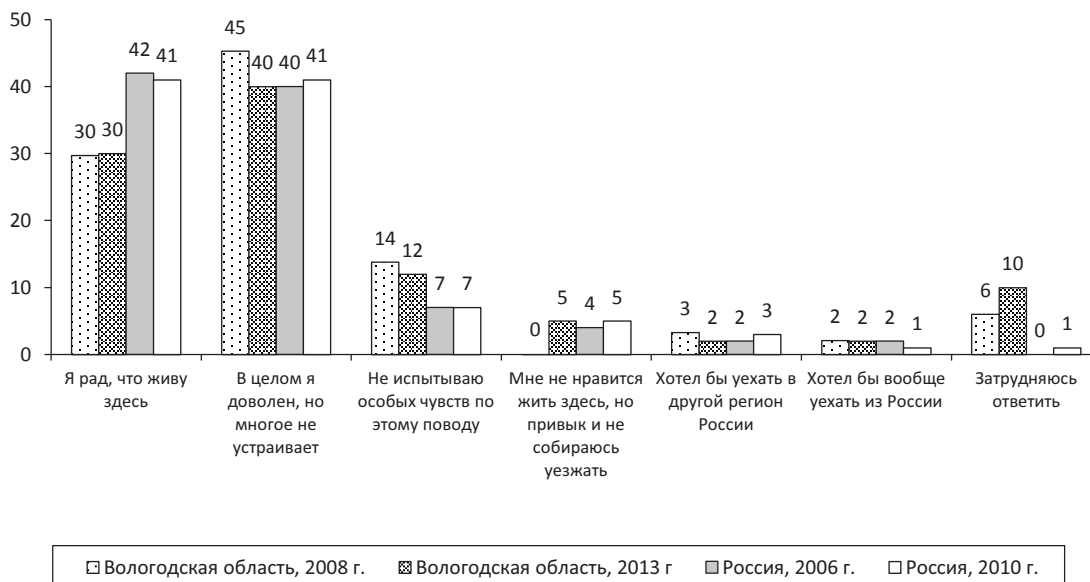

Рис. 4.2.2. Распределение ответов жителей Вологодской области и России в целом на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону?», в % от числа опрошенных

Внутрирегиональная миграция в Вологодской области носит центростремительный характер. Межрегиональная миграция имеет отрицательные значения. Международная миграция со странами СНГ на протяжении 1990–2011 гг. является положительной, с зарубежными странами – отрицательной. Количество приезжих из стран СНГ и Балтии в последние годы растет. В 2011 г. число мигрантов составило 1877 человек при выъезде 150 человек. В числе прибывших наибольший процент составляют мигранты из Украины, Азербайджана, Армении, Казахстана, Узбекистана.

В промышленном секторе Вологодской области занята наиболее значительная часть населения (табл. 4.2.2). Однако эта доля по отношению к общей численности занятого населения в 1991–2005 гг. сократилась на 6%. А в 2008–2009 гг., под влиянием финансово-экономического кризиса, сократилась еще на такую же величину. Всего же за период 1991–2012 гг. удельный вес занятых в промышленности в структуре занятого населения сократился на 10%.

Таблица 4.2.2. **Динамика отраслевой структуры занятых в Вологодской области**

Отрасли хозяйства	1991 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Всего	653	601	623	606	606	604	603
Промышленность	213	190	181	165	139	145	141
Сельское и лесное хозяйство	85	78	77	76	69	70	61
Транспорт и связь	56	46	46	47	56	52	56
Строительство	76	61	50	43	36	38	39
Торговля и общественное питание, мат.-тех. снабжение и сбыт	52	51	79	91	93	94	98
ЖКХ, непроизводственные виды бытового обслуживания	28	29	30	20	22	22	22
Здравоохранение, физкультура, спорт, социальное обеспечение	37	39	42	44	47	45	46
Образование, культура и искусство, наука	74	71	70	57	60	55	59
Кредитование, финансы и страхование	4	7	6	6	8	8	7
Аппарат органов управления, обеспечение военной безопасности	16	16	26	29	47	47	47
Другие отрасли	9	13	16	28	32	26	29

Источники: Экономическая активность населения Вологодской области, 2008–2012: стат. сб. / Вологдастат. – С. 16-30; Статистический ежегодник Вологодской области, 1999: стат. сб. / Вологдастат.– С. 36; Труд и занятость в Вологодской области: 2005–2009: стат. сб. / Вологдастат.– С. 57.

Одновременно произошло увеличение доли населения, занятого в отраслях нематериального производства. Почти в два раза возросла численность работников торговли и общественного питания. Это может быть связано с более высокой прибыльностью работы в данной отрасли и относительно невысокими требованиями рабочих мест. В 3 раза возросла доля работников аппарата управления и военной безопасности. Резко сократился удельный вес занятых в сфере строительства и в меньшей степени негативные изменения коснулись отраслей сельского хозяйства и образования.

Обособление частного сектора как одно из важных экономических преобразований предопределило и существенные изменения на региональном рынке труда. За период 1991–2011 гг. доля жителей области, занятых на частных предприятиях, возросла в 7 раз (табл. 4.2.3). В свою очередь, сократилась доля населения, занятого в государственном секторе, на муниципальных предприятиях (в 3 раза). Несколько вырос удельный вес жителей региона, занятых на предприятиях иностранной и смешанной форм собственности. Однако за 1995–2011 гг. численность последних снизилась почти в два раза, что связано с общим сокращением количества предприятий данного типа. Такая выразительная динамика, с одной стороны, говорит о смене формального статуса предприятий и их работников в процессе приватизации, а с другой – отражает реальные процессы трудовой мобильности населения регионов, которое вынужденно или добровольно меняло место работы, поскольку частные предприятия предлагали лучшие карьерные возможности и условия труда и его оплаты.

Таблица 4.2.3. **Распределение среднегодовой численности занятых в экономике Вологодской области по формам собственности, в % от числа опрошенных**

Форма собственности	1991 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.
Занято в экономике, всего	100	100	100	100	100	100
В т.ч. по формам собственности:						
Государственная и муниципальная	91,3	35,1	33,4	33,2	31	30,4
Частная, в том числе акционерная	8	40,7	47,3	51,1	58,1	56,8
Собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	0,7	1	0,8	0,5	0,4	0,4
Смешанная российская	-	22,6	15,1	12,2	8,5	10,3
Иностранная, совместная российская и иностранная	-	0,6	3,4	3	2	2,1
Источник: Статистический ежегодник Вологодской области, 2000–2011: стат. сб. / Вологдастат. – С. 21–56.						

Большинство населения Вологодской области предпочитают работу, приносящую пусть небольшой, но стабильный заработок (табл. 4.2.4), и их представительство в 2008–2010 гг. возросло на 9 п.п., поскольку в период кризиса люди стремились сохранить свои рабочие места. Однако после 2010 г., когда экономическое положение несколько стабилизировалось, резко возросла значимость экономических факторов в развитии трудовой активности населения, о чем свидетельствует высокая доля людей, проявляющих готовность рисковать ради получения большего дохода. Каждый третий житель области хотел бы «много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее»; 10% населения проявили желание «иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу»; удельный вес желающих иметь собственный бизнес также составляет 10%.

Таблица 4.2.4. **Иерархия трудовых мотивов населения Вологодской области,**
в % от числа опрошенных

Ранг ответа	Какую работу Вы предпочли бы сегодня, если бы могли выбирать?	% от числа опрошенных		
		2008 г.	2010 г.	2013 г.
1	Иметь пусть небольшой, но твердый заработок	29	38	25
2	Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	22	20	31
3	Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	8	9	10
4	Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	9	7	10
5	Не знаю, отказ от ответа	20	19	24

Как показал опрос, наиболее активно к возможности начать свое дело относятся жители области в возрасте до 30 лет, далее же, с возрастом, желание заняться собственным бизнесом значительно снижается. Для населения старше 55(60) лет важнее зарабатывать не так много, но зато быть уверенным в завтрашнем дне. Около 40% жителей сельской местности хотели бы иметь стабильную зарплату и меньше всего желали бы начать свое дело. «Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее» предпочитает население малых и средних городов области.

Анализ взаимосвязи трудовой мотивации и уровня образования позволяет отметить, что большая часть людей со средним специальным образованием хотят иметь небольшой, но постоянный доход. Рыночную направленность имеют трудовые мотивы населения с высшим и средним образованием. Тем не менее по итогам углубленного интервью в

типичных населенных пунктах области⁵³ выяснилось, что главным стимулом при выборе места работы у населения является заработная плата. Интерес, увлеченность, удовлетворение от процесса работы упоминается почти в два раза реже. Неудовлетворенность работой, как показали углубленные интервью, в некоторой степени обуславливается тем, что большинство жителей области по окончании рабочего дня испытывают усталость, причем больше моральную, чем физическую.

В целом население Вологодской области является достаточно мобильным (общий коэффициент мобильности составляет 33–35%), причем как в экономическом, так и в профессиональном аспектах, и достаточно успешно адаптируется к современным условиям жизни. Рыночная мотивация характерна для молодежи и жителей городов, в то время как сельское население и старшее поколение предпочитают стабильность и уверенность в завтрашнем дне. Социально-профессиональная структура населения области в постсоветский период претерпела некоторые изменения: большая часть жителей занята на частных предприятиях, при этом следует отметить значительное снижение занятости в государственном секторе.

---

⁵³ Углубленное интервью проводилось в 2009 г. в типичных населенных пунктах Вологодской области: городах Вологде и Череповце, двух районах – Великоустюгском (г. Великий Устюг и пос. Новатор), как успешно развивающемся, и Вожегодском (пгт. Вожега и д. Тигино), как отстающем. Выборка составила 65 человек, помимо поселенческого аспекта учитывалась стратификация населения по методике Л.А. Беляевой на основе критериев власти, образования и дохода. Подробнее см.: Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий... – С. 60-61.

5. ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ С УРОВНЕМ МОДЕРНИЗИРОВАННОСТИ РЕГИОНОВ

Взаимосвязь модернизации и неравенства в пространственном аспекте. В последние годы в России проблемы модернизации стали широко рассматриваться на всех уровнях⁵⁴. Одновременно произошло увеличение доли населения, занятого в отраслях нематериального производства. Почти в два раза возросла численность работников торговли и общественного питания. Это может быть связано с более высокой прибыльностью работы в данной отрасли и относительно невысокими требованиями рабочих мест. В 3 раза возросла доля работников аппарата управления и военной безопасности. Резко сократился удельный вес занятых в сфере строительства и в меньшей степени негативные изменения коснулись отраслей сельского хозяйства и образования. Особенно много внимания уделяется исследованию готовности российского общества к модернизации и параметров ее оценки. Однако полученные результаты зачастую существенно отличаются.

В Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 год⁵⁵ в отношении модернизационных процессов в

---

⁵⁴ Вступительное слово Д.А. Медведева на заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России; Послание Президента РФ Федеральному Собранию 12 ноября 2009 г.; Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года; Программа комплексной модернизации города до 2015 года «Вологда Upgrade. Второе дыхание» и др.

⁵⁵ Модернизация и развитие человеческого потенциала: доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / под ред. А.А. Аузана и С.Н. Бобылева; ПРООН в РФ. – М.: Дизайн-проект «Самолет», 2011.

странах мира определены два аспекта, касающиеся уровня жизни населения. Выявлено, что модернизационный период сопровождается увеличением благосостояния, происходящим за счет роста доходов вследствие повышения экономической активности населения, увеличения производительности труда и социальных трансфертов. Вместе с тем изменения на рынке труда порождают новые факторы социальной дифференциации и приводят к росту неравенства населения. Поэтому целесообразным является изучение связи модернизации и неравенства в пространственном аспекте.

Положения классической теории модернизации, постмодерна и исторических эпох человеческой цивилизации развиты в методике, которая разработана Китайской академией наук [57] и в которой выделяются первичная (переход от традиционного общества к индустриальному) и вторичная (переход к информационному обществу, основанному на знаниях) модернизация, а также интегрированная, измеряющая совокупный уровень обеих стадий. Разработанная система индексов и фаз дает возможность анализировать процесс модернизации конкретной страны, определив признаки каждой стадии модернизации, и факторы, сдерживающие и стимулирующие эти процессы.

Сотрудники ИСЭРТ РАН с 2012 года занимаются исследованием уровней модернизации регионов России, и в частности – Северо-Западного федерального округа⁵⁶.

Результаты исследования показали, что существует зависимость между уровнем модернизации и величиной неравенства (рис. 5.1): чем выше уровень модернизации в регионе, тем выше степень неравенства населения по доходам.

Полученные выводы были подтверждены математическими расчетами: между значениями коэффициента фондов и уровнем интегрированной модернизации существует прямая сильная связь ($r = 0,739$, $r^2 = 0,546$); была проведена группировка регионов по уровню модернизации экономики и степени социально-экономического неравенства населения [24] (табл. 5.1).

---

⁵⁶ Расчеты были произведены в созданной Информационно-аналитической системе мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент № 2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

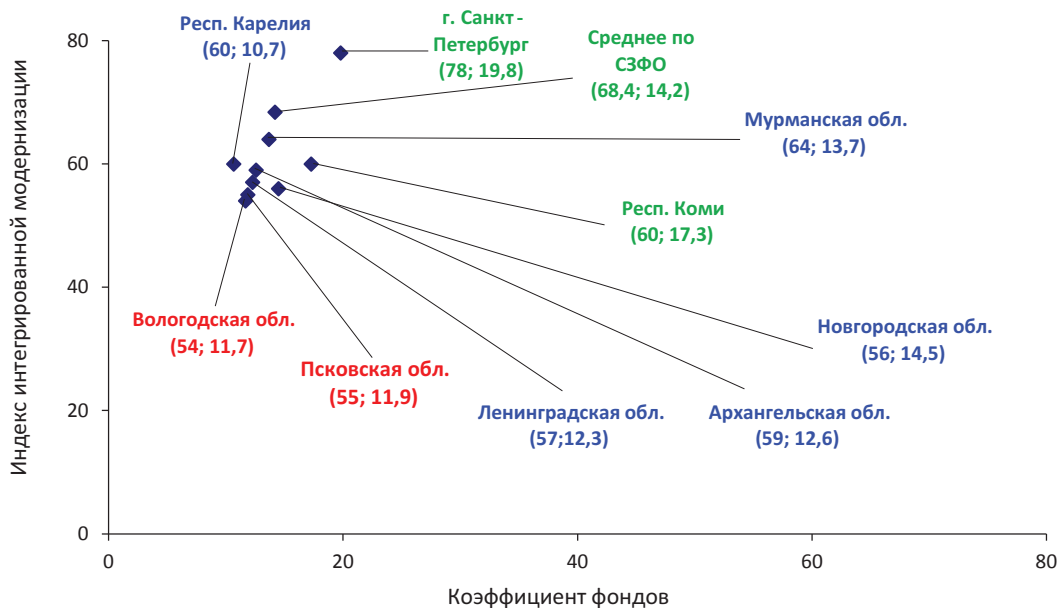

Рис. 5.1. Взаимосвязь уровня модернизированности территории и коэффициента фондов, 2013 г.

Примечание. Здесь и на рис. 5.3 и 5.4 зеленым цветом выделены территории с наилучшими показателями, красным – с наихудшими, синим – со средними.

Таблица 5.1. Группировка субъектов СЗФО по уровню модернизированности и степени социально-экономического неравенства населения, 2012 г.

Индекс модернизации	Коэффициент фондов		
	Низкий	Средний	Высокий
Низкий	Псковская область Вологодская область	-	-
Средний	Республика Карелия	Калининградская область Архангельская область Ленинградская область Новгородская область	Республика Коми
Высокий	-	Мурманская область	г. Санкт-Петербург

По результатам группировки можно отметить, что в Республике Коми наблюдается наиболее сильное несоответствие уровня модернизации и степени неравенства территории, то есть повышение благосостояния и увеличение степени неравенства здесь происходит более активно, чем в других регионах. Отставание роста благосостояния населения от активности модернизационных процессов наиболее сильно проявляется в Мурманской области. Наиболее высокие показатели модернизации и степени дифференциации населения наблюдаются в Санкт-Петербурге, отличающемся развитым финансовым сектором, и в регионах с ярко

выраженной добывающей промышленностью (Ленинградская область). Таким образом, чем выше уровень модернизированности территории, тем выше уровень доходов и степень расслоения населения.

Взаимосвязь этих показателей говорит о неоднородности и несбалансированности экономического пространства региона, что выражается в дифференциации между субъектами СЗФО и неравномерном их развитии. Для российской действительности важен подход с позиций качества экономического пространства, сохранения целостности в условиях исключительной региональной неоднородности [22]. Однако, как отмечает Н.В. Зубаревич, модернизация неизбежно будет сопровождаться усилением региональных различий [38, с. 154]. Поэтому для стабилизации экономического пространства и перехода на путь устойчивого развития необходимо сохранять различия в региональном развитии на умеренном уровне (с помощью адекватной бюджетной политики, формирования эффективной пространственной структуры экономики страны при соблюдении баланса интересов всех регионов, повышения инвестиционной привлекательности и т.д.).

Взаимосвязь социальной мобильности и уровня модернизированности территории. Как отмечали Л.А. Гордон и А.К. Назимов, «...существенное влияние на социальные процессы оказывают комплексы технико-технологических перемен, меняющие сам технологический тип производства и означающие переход от одной стадии технического прогресса к другой»⁵⁷. То есть изменения в профессиональной структуре населения, в уровне квалификации и профессиональной подготовки индивидов есть следствие сдвигов в технологических укладах, сопровождающихся перемещением индивидов из одних профессиональных групп в другие, изменением наполняемости этих групп, исчезновением ряда групп и появлением новых. Однако данное воздействие нельзя назвать непосредственным. В ходе исследования эволюции социально-классовой структуры общества С.Ю. Солодовников пришел к выводу, что технологические нововведения предопределяют «изменение социальных групп и отношений между ними не непосредственно, а преломившись через определенные социально-экономические отношения»⁵⁸. При первом-четвертом технологических укладах процессы индустриализации

---

⁵⁷ Гордон Л.А., Назимов А.К. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития. – М.: Наука, 1985. – С. 91.

⁵⁸ Солодовников С.Ю. Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис (политико-экономические очерки). – Мн.: ИООО «Право и экономика», 2006. – С. 480.

повлекли за собой и изменения в социальной структуре общества: если в начале XX в. преобладали рабочие, имевшие низкую квалификацию, то затем, вследствие автоматизации производства, экономикой стали востребованы высококвалифицированные рабочие. С расширением сферы обслуживания и управления требовалось все больше служащих, менеджеров.

Как считает С.Ю. Глазьев, новый, шестой, технологический уклад открывает для России возможности технологического рывка и опережающего роста на гребне новой длинной волны экономического роста [18]. При этом основополагающими факторами служат своевременное создание заделов для формирования ядра шестого ТУ и опережающая модернизация его стержневых отраслей: электронной промышленности, программного обеспечения, информационных технологий, нанотехнологий, генной инженерии. Для данных сфер потребуются высококвалифицированные специалисты, владеющие инновационными навыками в общественной жизни, поскольку «навыки критического мышления и оперативного принятия конкретных решений по разработке и внедрению новых и высоких технологий в реальный сектор экономики – необходимое условие формирования специалиста нового типа, сочетающего в себе высокий уровень образования, профессиональной компетенции, деловых и духовно-нравственных качеств⁵⁹».

Таким образом, при становлении нового высокотехнологичного уклада ожидаются модификация социального облика общественных групп, а также трансформация трудовых отношений и профессиональной структуры⁶⁰.

Ориентация мировой экономики на инновационный путь развития приводит к тому, что все более значимую роль играют высококвалифицированные специалисты, способные нестандартно подходить к решению различного рода проблем. Исходя из этого особое значение в качестве социального лифта для населения приобретает уровень образования, так как зачастую он является единственной возможностью для людей с низким социальным положением и уровнем доходов повысить свой социальный статус и закрепиться в статусном слое.

---

⁵⁹ Философия и идеология хозяйствования современной Беларуси: теоретические основы и механизмы реализации / П.Г. Никитенко [и др.]; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Белорус. наука, 2009. – С. 193.

⁶⁰ Наумович О. Высокотехнологичный уклад как социально-экономический феномен // Журнал международного права и международных отношений. – 2010. – № 2. – С. 86.

Для изучения социальной мобильности в группах людей с различным материальным положением и покупательной способностью все население было объединено в четыре группы: зажиточные и богатые, обеспеченные, малообеспеченные, бедные и нищие.

«Зажиточные и богатые» включают в себя жителей, которые практически ни в чем себе не отказывают или которым почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи. «Обеспеченным» своих доходов в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов им приходится брать в долг. У «бедных и нищих» на повседневные затраты уходит вся зарплата и приходится занимать деньги.

Из таблицы 5.2 видно, что интенсивность мобильности «зажиточных и богатых» жителей СЗФО ввиду более широких возможностей значительно превышает данный показатель других категорий населения. Восходящие социальные перемещения интенсивнее всего происходят в группе наиболее обеспеченных (44%). Самый низкий коэффициент восходящей мобильности в группе бедных и нищих, составляющий 16%, обусловлен в основном низкой обеспеченностью ресурсами.

Таблица 5.2. **Интенсивность социальной мобильности населения СЗФО в зависимости от материального положения, 2013 г.** (за последние 5 лет; в % от числа опрошенных)*

Показатель мобильности	Группы населения		
	Зажиточные и богатые	Обеспеченные	Бедные и нищие
Общий коэффициент мобильности, Q_o	46,7	35,4	36,9
Показатель восходящей мобильности, V_p	43,8	26,0	16,2
Показатель нисходящей мобильности, V_N	2,9	9,4	56,1
Показатель структурной (вертикальной) мобильности, C_v	41,0	16,6	-39,9
Коэффициент соотношения восходящей и нисходящей мобильности, Q_s	15,33	2,77	0,29
Показатель обменной мобильности, P_o	5,7	-5,6	76,8
Коэффициент иммобильности	53,3	64,6	63,1

* Подробно методология была описана выше.

Зависимость между коэффициентом нисходящей социальной мобильности и доходами имеет обратную тенденцию – чем выше доходы населения, тем ниже показатель нисходящей мобильности. Нисходящая мобильность в группе бедных составляет 56%. Показатель обменной мобильности отражает степень открытости группы – чем он меньше,

тем более закрыта группа, доступ в нее затруднен [10, с. 205-212]. Данный показатель в группах наиболее обеспеченных жителей минимален, что говорит о том, что эти группы достаточно труднодоступны для перехода. Показатель обменной мобильности в группе бедных составляет 77% и говорит о её открытости.

Коэффициент иммобильности (степень стабильности группы) показывает долю населения, оставшуюся на социальных позициях пятилетней давности, и косвенно демонстрирует также открытость групп к перемещениям. Чем он выше, тем более закрытой является группа: в данном случае это категории наименее обеспеченных жителей.

Степень мобильности считается одним из главных показателей открытости социальной системы и ее демократического характера. В трансформирующихся странах показатель мобильности, как восходящей, так и нисходящей, может быть выше, что характерно для России, и в частности для Северо-Западного федерального округа (рис. 5.2).

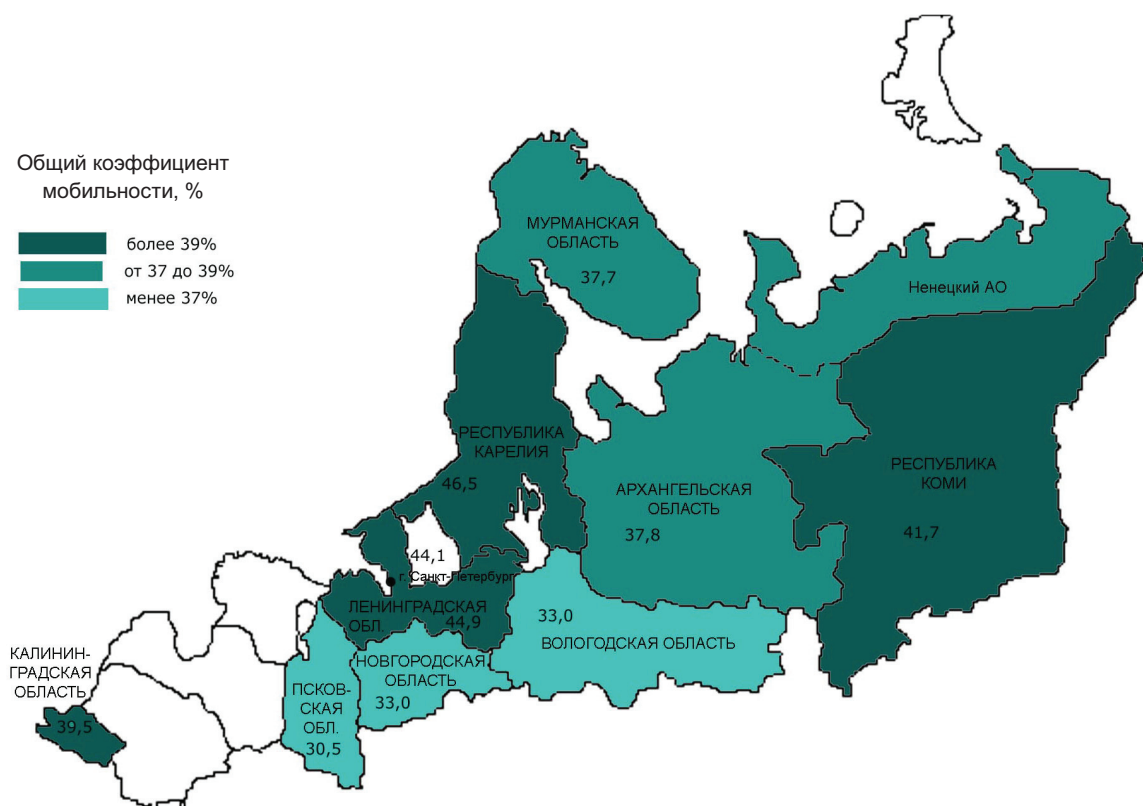

Рис. 5.2. **Общий коэффициент социальной мобильности жителей Северо-Западного федерального округа, 2013 г., %**

Однако в разрезе территорий СЗФО наблюдаются некоторые различия. Условно регионы можно разделить на три группы:

1. Регионы с более высоким уровнем социальной мобильности (более 40%: республики Коми и Карелия, Ленинградская и Калининградская области и г. Санкт-Петербург). В основном это приграничные территории с более высокими возможностями для улучшения социального положения. К тому же дополнительным фактором является территориальная близость г. Санкт-Петербурга как центра деловой и финансовой активности Северо-Запада, т.н. агломерационный эффект.

2. Регионы со средним уровнем социальной мобильности (в пределах среднего по СЗФО – 37–39%): Мурманская, Архангельская области. Для данных территорий в основном характерна социальная восходящая мобильность трудоспособного населения, приезжающего на постоянную или временную работу.

3. Регионы с более низким уровнем социальной мобильности (менее 37%): Псковская, Вологодская и Новгородская области. В этих регионах наиболее ярко проявилось влияние кризиса 2008 г. В Псковской области было зафиксировано одно из самых крупных падений объемов производства, так же, как и в Вологодской области, как регионе металлургической специализации. С трудом выходит из кризисной ямы и Новгородская область, производящая минеральные удобрения на экспорт [38, с. 34]. При кризисных явлениях мобильность населения снижается: население скорее боится перемен, чем стремится их использовать для повышения уровня жизни.

При сравнении показателей социальной мобильности с уровнем модернизированности⁶¹ территорий СЗФО наблюдается следующая зависимость: чем выше уровень модернизированности, тем выше уровень мобильности населения (рис. 5.3).

Субъекты СЗФО (Псковская, Вологодская и Новгородская области), проходящие фазу зрелости первичной модернизации, находящиеся на уровне модернизированности ниже среднего, имеют уровень мобильности ниже, чем в других регионах.

Регионы, имеющие средний уровень модернизации, соответственно имеют более высокие показатели социальной мобильности (Мурманская, Архангельская, Ленинградская области, республики Карелия и Коми).

---

⁶¹ Рассчитан сотрудниками ИСЭРТ РАН с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент № 2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

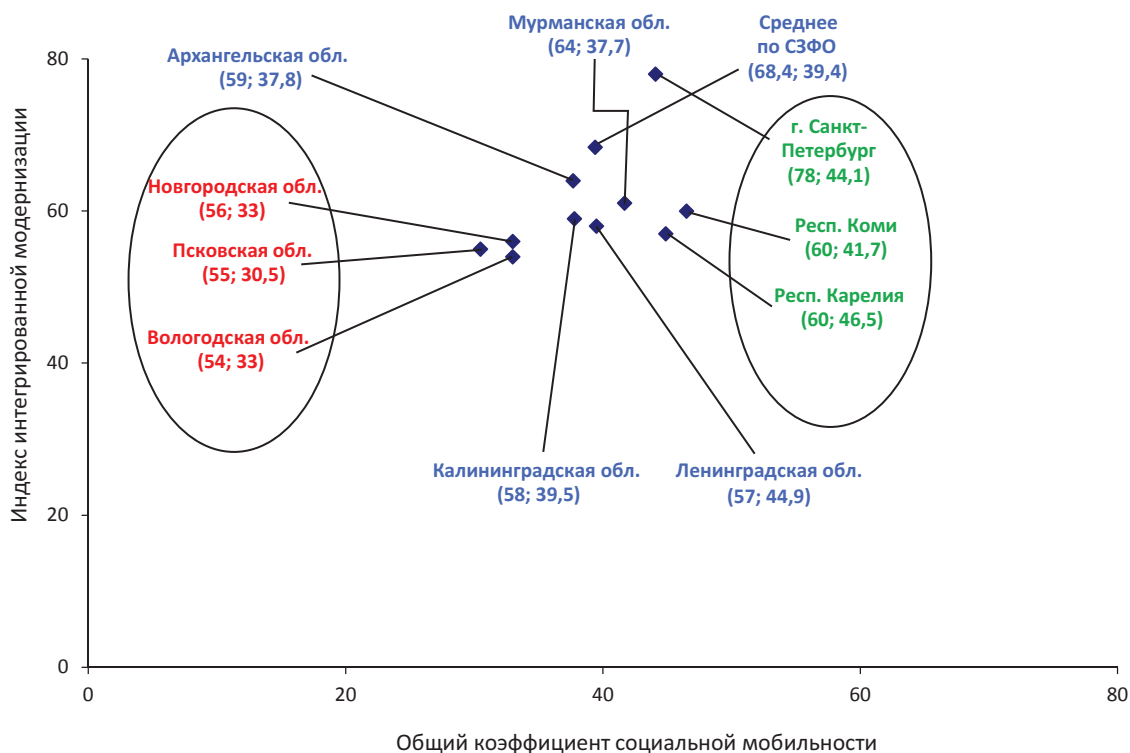

Рис. 5.3. Зависимость уровня социальной мобильности от уровня модернизованности территории, 2013 г.

Судя по результатам исследования ИСЭРТ РАН, 100%-ного уровня реализации первичной модернизации достиг только г. Санкт-Петербург. Подобное отличие обеспечивается за счет высокого индекса инновации в знаниях, который от 3 до 12 раз превышает показатели в других территориях. Соответственно и уровень социальной мобильности в Санкт-Петербурге и близлежащих регионах выше, чем в других субъектах СЗФО.

В регионах с высокой степенью модернизованности возможности восходящей мобильности выше, о чем свидетельствуют более высокие значения коэффициента восходящей мобильности (рис. 5.4).

Важнейшим фактором мобильности становятся издержки смены профессии: если они ниже ожидаемого дохода на новом месте, то человек готов резко изменить свою жизнь, а если нет – предпочтет продолжить свою карьеру на старом месте⁶².

⁶² О межпрофессиональной мобильности в мире и России [Эл. рес.] // Demoscope Weekly. – 2013. – № 563–564. – 19 авг. – 1 сент. – Реж. дост.: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0563/gazeta029.php>

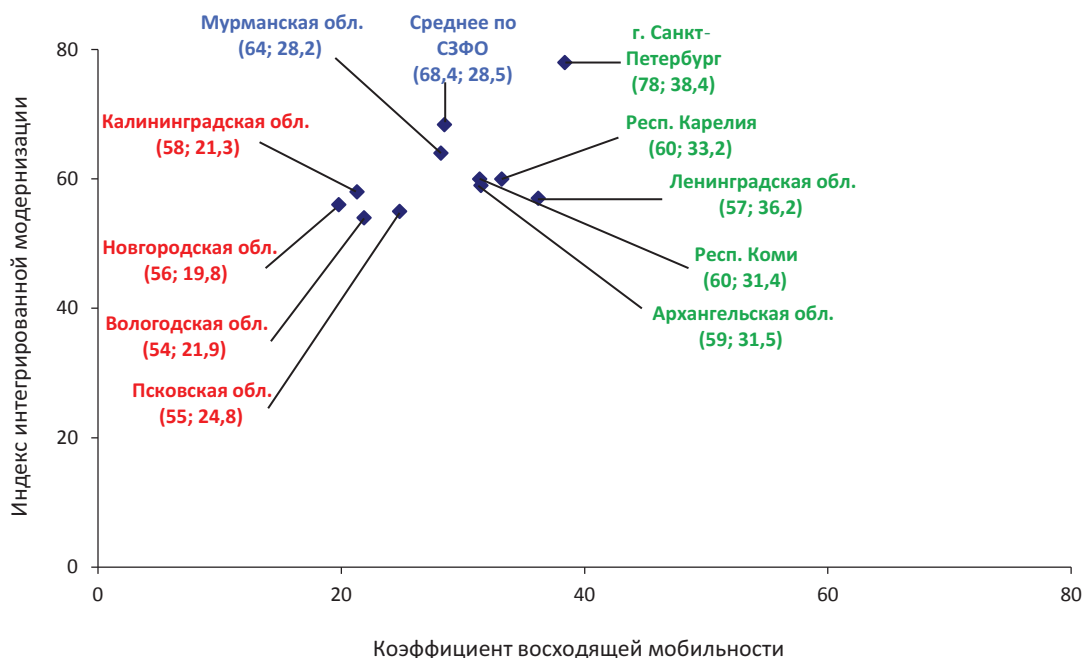

Рис. 5.4. Зависимость уровня восходящей социальной мобильности от уровня модернизированности территории, 2013 г.

Экономисты Всемирного банка Э. Артук, Д. Ледерман и Г. Порто для оценки величины таких издержек ввели специальный коэффициент мобильности – цену смены профессии (он показывает, сколько «стоит» перейти из одной сферы деятельности в другую, если заставит безработица) и сравнили по этому параметру 22 развитые и 25 развивающихся стран.

Среди основных выводов можно выделить следующие:

1. Чем ниже коэффициент мобильности, тем проще в стране поменять работу.
2. Средний коэффициент мобильности составляет 3,75 (затраты на смену сферы деятельности равны размеру 3,75 средних годовых зарплат в стране).
3. В развивающихся странах издержки на смену профессии в два раза выше, чем в развитых (коэффициенты мобильности равны 4,93 и 2,41 соответственно).
4. Самым мобильным регионом мира в плане трудовых ресурсов является Северная Америка со средним коэффициентом мобильности 1,65, самым немобильным – Южная Африка (затраты на смену рода деятельности составляют 5,45 средних годовых зарплат).

5. Проще всего сменить работу в США, Сингапуре и Японии, сложнее всего – в Бангладеш, Эфиопии, Азербайджане и Перу.

6. Россия относится к странам с очень высокой ценой мобильности (коэффициент эквивалентен 4,56 среднегодовых зарплат, что является самым высоким коэффициентом мобильности среди стран БРИКС, попавших в выборку [116]).

По мнению директора Института социальной политики и социально-экономических программ НИУ ВШЭ Сергея Смирнова, высокая трудовая мобильность населения является плюсом для экономики. За исключением тех ситуаций, когда специалист, подготовленный за счет государства, уходит из бюджетной сферы в частную компанию. Однако далеко не все люди готовы поменять профессию. Эксперты замечают, что прочная «привязка» к профессии в России объясняется действующей и поныне советской моделью трудовой миграции («уверенность в завтрашнем дне»), наличием института регистрации, который затрудняет перемещение специалистов по стране, а также отсталой инфраструктурой в регионах, что не способствует переезду людей на новую работу в отдаленную местность⁶³.

Итак, можно говорить о том, что социальная мобильность выше в регионах, находящихся на более высоких стадиях модернизации, и она может служить катализатором модернизационных процессов. Если человек может запросто переехать в другой город, то конкуренция за работников перемещается с уровня города на уровень страны, что увеличивает зарплаты, дает экономике стимул для роста и страхует ее от рисков. Если в одном секторе экономики безработица резко выросла, то люди могут найти себе работу в другой отрасли.

В свою очередь, можно также полагать, что уровень модернизированности территории оказывает прямое влияние на процессы социальной мобильности. В частности, создание новых рабочих мест для трудовой миграции домохозяйств, а не отдельных индивидов, что имеет место в настоящее время. Однако для данного вида мобильности не созданы условия. Как отмечает Н.В. Зубаревич, «необходимы более высокий уровень доходов населения, ликвидация института регистрации, развитые рынки жилья с низкими барьерами, широкая и гибкая система жилищного кредитования». К тому же необходимо учитывать тот факт, что в России очень низкие темпы создания новых, более качественных рабочих мест, в том числе и в крупных городах [38, с. 155-156].

---

⁶³ Аронов А. Дело всей жизни [Эл. рес.] // Новые Известия. – 2013. – 12 августа. – Реж. дост.: <http://www.newizv.ru/economics/2013-08-12/187057-delo-vsej-zhizni.html>

Если тема социального неравенства активно обсуждалась на государственном уровне на протяжении достаточно длительного периода времени, то дискуссии по проблеме повышения социальной мобильности появились относительно недавно⁶⁴. На социальную мобильность оказывает влияние ряд факторов: экономические, социально-культурные, личностные (рис. 5.5).

Рис. 5.5. Факторы, детерминирующие социальную мобильность*

* Составлено по: Самситдинов И.З. Факторы мобильности в социально-экономическом и культурном развитии региона // Вестник Самарского государственного университета. – 2009. – № 5 (71). – С. 50-56.

⁶⁴ Владимир Путин: мобильность населения – это перемещение трудовой силы по стране [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://club-rf.ru/news/3069>; Замахина Т. Путин объявил меры против безработицы. «Мобильность населения» будут лучше стимулировать [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://www.memo.ru/d/81314.html>; Гавров С. Путин – лидер креативного класса [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://finam.info/news/putin---lider-kreativnogo-klassa/>; Шохина Е. Мобильность против кризиса. Дмитрий Медведев призывает россиян стать мобильными и овладеть новыми профессиями [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://expert.ru/2013/09/27/mobilnost-protiv-krizisa/>

Так как практически вся жизнедеятельность общества определяется личными потребностями людей, основным фактором является *личный* (мотивы, стремления, ценности, убеждения, действия человека). Однако в силу многих причин личностные компоненты могут проявляться не в полной мере либо подавляться *социально-экономическими* факторами, которые обуславливают вынужденную социальную мобильность.

Социологами выявлено, что в современном обществе наблюдается тенденция перехода от вынужденной мобильности к свободной, определяющейся личными мотивами человека, что, в свою очередь, детерминируется тем, что уровень производительности труда, научно-техническое и информационное обеспечение всех сторон жизни общества освобождают население от необходимого труда⁶⁵. Но переход к такому типу общества России еще предстоит. В настоящее время по-прежнему определяющими факторами социальных перемещений являются социально-экономические условия (занятость, уровень заработной платы, жилищные условия и т.д.). Однако уже сейчас для того, чтобы подняться вверх по социальной лестнице, человек должен быть готов к смене профессии, места работы, места жительства, повышению образовательного уровня и т.д.

Существенным фактором, обуславливающим социальную мобильность и изменение социальной структуры, выступает уровень социальной напряженности. Дифференциация различных сторон жизнедеятельности людей приводит к дисбалансу общественного развития и, как следствие, к возрастанию социальных различий и противоречий.

Что касается процессов стратификации, они носят спонтанный характер, так как многое зависит от намерений, действий индивидов, их отношений, которые накладываются друг на друга и делают очень сложным воздействие управленческого фактора. На наш взгляд, подход Н.В. Зубаревич к решению проблем социальной дифференциации является концептуальным. Автор различает экономическое и социальное неравенство. Главная причина экономической дифференциации состоит в концентрации экономической деятельности в местах, обладающих преимуществами, среди которых выделяют факторы «первой природы»

---

⁶⁵ Самситдинов И.З. Факторы мобильности в социально-экономическом и культурном развитии региона // Вестник Самарского государственного университета. – № 5 (71). – 2009. – С. 51.

(обладание природными ресурсами, выгодное географическое положение) и факторы «второй природы» (уровень развития человеческого капитала и социальных институтов)⁶⁶. Снижение неравенства за счет первой группы факторов практически невозможно, так как их сложно изменить. Но представляется возможным улучшение ситуации в силу изменения качества человеческого капитала и социальных институтов. Отсюда, основным направлением является сглаживание не экономического, а социального неравенства.

Среди главных направлений по решению проблем преодоления социального неравенства выделяются следующие:

- развитие агломераций с помощью институциональной модернизации и инфраструктурных инвестиций;
- сжатие периферийных зон (эффективная помощь желающим сменить место жительства и работы, оказание базовых социальных услуг тем, кто остался);
- налаживание системы взаимодействия власть – бизнес – население (прежде всего, повышение участия населения в решении территориальных проблем);
- содействие росту мобильности населения⁶⁷.

На социальную мобильность и, следовательно, на изменение социальной структуры можно воздействовать с помощью системы социальных институтов (рис. 5.6).

В качестве факторов воздействия на социальную мобильность экономический рост и институциональная система рассматривались еще Р. Дарендорфом [121]. Экономический рост повышает жизненные шансы всего населения или отдельных его групп, но это повышение происходит, как правило, неравномерно – одни группы получают от роста большие выгоды, чем другие⁶⁸. В периоды экономических кризисов мобильность населения снижается, во время активного экономического развития повышается спрос на работников, что стимулирует социальную мобильность, в основном восходящую.

---

⁶⁶ Зубаревич Н.В. Социально-экономическое развитие регионов: мифы и реалии выравнивания // SPERO. – Осень-зима 2008. – № 9. – С. 7-22.

⁶⁷ Новиков А.А. Региональное неравенство в социально-экономическом развитии России [Эл. рес.] // Наукоедение. – 2013. – № 1. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru>

⁶⁸ Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. – М.: Гардарики, 2005. – С. 31.

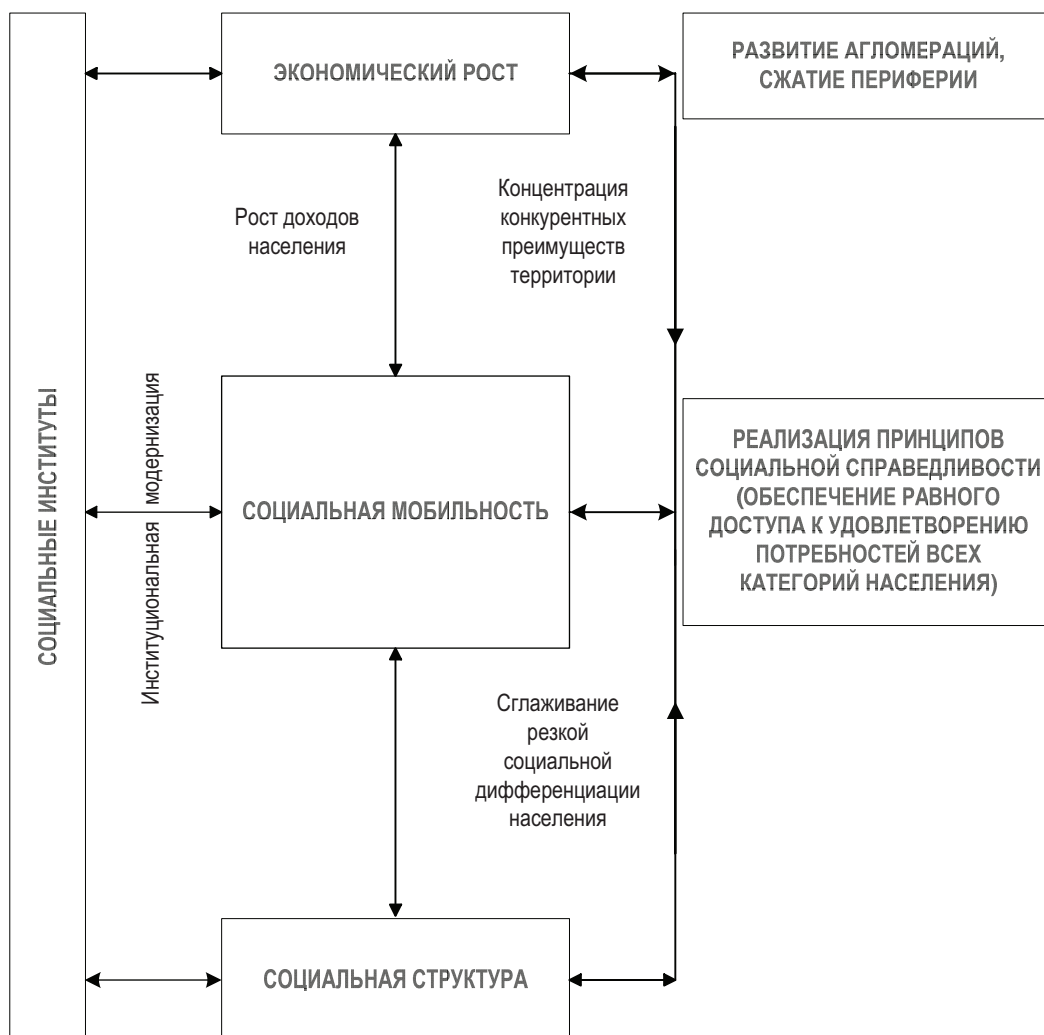

Рис. 5.6. Схема воздействия на социальную мобильность

Источник: составлено авторами.

Семья как социальный институт также оказывает влияние на данный процесс. Поскольку молодое население является наиболее мобильным, для расширения этой категории необходимы меры по повышению уровня рождаемости и семейных ценностей.

На рынке труда требуется политика, направленная на регулирование потоков трудовых мигрантов и их адаптации к новым условиям. Как правило, для мигрантов характерны низкая квалификация, низшие социальные позиции, что стимулирует коренное население к продвижению на более высокие ступеньки социальной лестницы.

Система образования является ключевым социальным институтом в управлении процессами социальной мобильности. Чем выше уровень образования человека, тем больше он имеет шансов на восходящую мобильность. Образовательная система должна быть нацелена на воспроизводство творческих, высококвалифицированных кадров, повышение интеллектуального потенциала населения и обеспечение равенства доступа к системе непрерывного образования.

Как отмечают эксперты, существует три уровня мобильности: ее отсутствие, низкая и высокая мобильность. Однако эти состояния невозможно оценить в плане эффективности, то есть в каком-то случае для получения полезного социально-экономического эффекта необходимо отсутствие мобильности, а в каком-то – ее высокий уровень⁶⁹. В настоящее время мобильность должна ориентироваться на рост уровня модернизированности территории: повышение её конкурентоспособности, уровня развития технологий производства, показателей ВВП и уровня обеспеченности населения.

Таким образом, процессы социальной стратификации (в частности, неравенства), социальной мобильности и уровень модернизированности территории взаимозависимы и взаимовлияют друг на друга. Существует объективная необходимость использования этих взаимосвязей при разработке планов социально-экономического развития регионов в качестве инструментов оценки эффективности социальной политики.

---

⁶⁹ Самситдинов И.З. Факторы мобильности в социально-экономическом и культурном развитии региона // Вестник Самарского государственного университета. – 2009. – № 5 (71). – С. 54.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования социальной стратификации, социальной мобильности населения и модернизированности регионов Северо-Западного федерального округа были получены следующие результаты:

1. Основной характеристикой модернизационных процессов в СЗФО является разновекторное, асимметричное и несинхронизированное развитие территорий, которое стало следствием монопрофильности структуры экономики ряда регионов (топливно-сырьевая, металлургическая); сложившихся ранее диспропорций в экономическом и социальном плане, а также низкой эффективности государственного и муниципального управления. Немаловажное влияние оказал и финансово-экономический кризис, в результате которого сменились тенденции развития, произошло снижение основных экономических показателей, и в результате не все регионы смогли полностью восстановиться после кризисных потрясений.

2. Основными ограничениями скорости модернизационных процессов являются:

- значительная дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития;
- малое число агломераций – центров модернизации;
- недостаточное развитие институциональной среды, определяющей экономическую мобильность;
- низкая продолжительность жизни населения;
- поляризация населения по доходу;
- недостаточный уровень информационной и инновационной культуры населения.

Состояние базовых факторов пространственного развития России позволяет предположить, что тренды социально-экономических преобразований регионов будут иметь инерционный характер. Сохранится многочисленная группа средних по уровню развития регионов с возможным незначительным перемещением вниз или вверх. Региональное неравенство будет усиливаться. Решение проблем отстающих регионов должно осуществляться в направлении расширения возможностей роста человеческого потенциала.

3. Анализ самооценки материального положения позволяет сказать, что дифференциация населения по доходам значительна, но близка к общероссийской. По результатам исследования 22% жителей регионов СЗФО относят себя к числу зажиточных и богатых, чуть больше трети – к категории обеспеченных, 18% – к группе необеспеченных. Примерно 1/5 населения идентифицирует себя как «бедных» и «нищих».

Социальная стратификация населения округа на 2013 г. (по методике Л.А. Беляевой) выглядит следующим образом: доля «высокостатусных» составляет порядка 10%; самой малочисленной стратой являются «бедные руководители»; примерно треть жителей относятся к «экспертам» и «реалистам»; категория «низкостатусных» насчитывает 24%.

Сравнение данных, полученных в ходе исследования социальной стратификации населения СЗФО разными способами, показало, что ширина нижнего и верхнего слоев увеличивается от модели 1 к модели 3 и достигает наибольшего значения при учете покупательной способности, уровня образования, власти (24%). Обратная тенденция наблюдается в отношении слоев «ниже среднего» и «среднего», которые последовательно сокращаются.

Три варианта социальной структуры населения СЗФО

Слои населения	1*	2**	3***
Верхний	1,7	3,6	9,8
Выше среднего	9,4	18,1	32,9
Средний	58,8	35,7	30,1
Ниже среднего	17,9	13,9	3,7
Нижний	5,0	8,1	23,6

* Самоидентификация населения с социальным слоем (см. табл. 3.1.7).

** Самооценка материального положения (см. табл. 3.1.3).

*** Социальные страты по результатам кластеризации (см. табл. 3.1.5).

4. В социально-классовой структуре общества по схеме EGP преобладающими в СЗФО являются промежуточный и рабочий классы (35–36%), высший класс составляет около 15%. В интерпретации данной схемы Л.А. Беляевой доминирующими в округе классами являются «белые и синие воротнички» (39 и 35% соответственно), «серые воротнички» (работники нефизического труда в управлении и коммерции) охватывают 9% и, наконец, самый малочисленный класс, представленный мелкой буржуазией (собственниками), составляет 3% жителей округа.

5. Большинство респондентов СЗФО предпочитают работу, приносящую пусть небольшой, но стабильный заработок, либо много зарабатывать без особых гарантий на будущее (по 27%). Доля населения, желающего иметь собственное дело, составляет 14%.

6. Набор показателей для изучения социокультурной стратификации населения был выбран на основе результатов исследований социокультурных изменений и социальной стратификации в обществе, проводимых российскими авторами. В результате анализа выделено пять социально-культурных типов населения:

– «гуманисты» (люди с высшим/незаконченным высшим образованием, не имеющие подчиненных на работе или имеющие не более 5 человек, хорошо материально обеспеченные, относящие себя в основном к среднему социальному слою и выше; наиболее значимая для них ценность – это человеческая жизнь);

– «обыватели» (люди преимущественно со средним и средним специальным образованием, не имеющие подчиненных на работе, среднеобеспеченные, относящие себя в основном к среднему социальному слою и ниже; наиболее значимая для них ценность – человеческая жизнь);

– «реалисты» (люди со средним, средним специальным и высшим образованием, в основном не имеющие подчиненных на работе, бедные, относящие себя к среднему социальному слою и ниже; наиболее значимые для них ценности – это человеческая жизнь, семья и дружба);

– «активисты» (люди с высшим образованием, имеющие подчиненных на работе, хорошо материально обеспеченные, относящие себя в основном к среднему социальному слою и выше; наиболее значимые для них ценности – человеческая жизнь, трудолюбие и стремление к самопродвижению);

– «скептики» (люди в основном со средним специальным образованием, не имеющие подчиненных на работе или имеющие не более 5 человек, среднеобеспеченные, относящие себя к среднему социальному

слою; наиболее значимая для них ценность – человеческая жизнь; они не ценят обычаи и традиции, не приветствуют инициативу, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, если оказываются в меньшинстве).

На основе анализа социокультурной стратификации населения можно констатировать, что в обществе не потеряно чувство ответственности, оптимизма и коллективизма. Существуют социокультурные явления, сплачивающие людей и препятствующие распаду российского общества, и это происходит на фоне его социального расслоения (по уровню дохода, образования, этническому составу, классам, слоям и т.д.).

7. Высокая социальная мобильность населения СЗФО прослеживается у руководителей в сельском хозяйстве и военнослужащих (77 и 74%). Низкая социальная мобильность отмечается у рабочих, врачей, преподавателей (16–17%). Для родительского поколения мобильность менее характерна, чем для молодежи, то есть нынешнее поколение более мобильно.

8. В целом общий коэффициент мобильности жителей СЗФО составляет 40%. Причем более мобильными социальными группами являются молодежь, население среднего возраста и городские жители. Потoki восходящей мобильности перекрывают потоки нисходящей. С увеличением возраста происходит снижение восходящей мобильности при одновременном увеличении нисходящей. Вследствие более широкого спектра возможностей наибольшая интенсивность мобильности наблюдается у зажиточного и богатого населения региона (общий коэффициент мобильности равен 47%). С ростом дохода жителей снижается вероятность нисходящей мобильности. Однако несмотря на то, что большинство восходящих перемещений происходит в группах обеспеченного населения, они являются наиболее закрытыми (коэффициент обменной мобильности равен 5,6). Показатель обменной мобильности, составляющий в группе бедных 77%, говорит о её открытости.

9. Установлено, что между значениями коэффициента фондов (степенью неравенства) и уровнем интегрированной модернизации существует прямая сильная связь ($r = 0,739$, $r^2 = 0,546$): чем выше уровень модернизированности территории, тем выше уровень доходов и степень расслоения населения.

Выявлено, что уровень социальной мобильности напрямую связан с уровнем модернизированности региона: субъекты СЗФО с низким уровнем модернизированности характеризуются низким уровнем мобиль-

ности населения (менее 37%: Новгородская, Псковская и Вологодская области). В регионах, находящихся на более высокой фазе модернизации, отмечаются более высокие показатели социальной мобильности (свыше 40%: республики Коми и Карелия, Ленинградская и Калининградская области и г. Санкт-Петербург).

Таким образом, улучшению ситуации в области социальной стратификации и мобильности будет способствовать:

- повышение социально-культурной активности и поселенческой идентичности населения;
- территориальная концентрация населения и экономики (стимулирование агломерационного эффекта, сжатие периферии);
- обеспечение равенства доступа населения к получению образовательных и иных услуг;
- выявление и поддержка талантливых детей, молодежи в целях формирования будущей интеллектуальной элиты общества;
- снижение социально-экономической дифференциации, удельного веса населения с доходами ниже прожиточного минимума;
- введение прогрессивной шкалы налогообложения;
- повышение эффективности политики в области социально незащищенных слоев населения, в частности увеличение пенсий и социальных гарантий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврамова, Е.М. Средний класс эпохи Путина [Текст] / Е.М. Аврамова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 1. – С. 28-36.
2. Анурин, В.Ф. Проблема эмпирического измерения социальной стратификации и социальной мобильности [Текст] / В.Ф. Анурин // Социс. – 1993. – № 4. – С. 87–96.
3. Аристотель. Политика [Текст]: монография / Аристотель. – М., 1997. – С. 148-151.
4. Беляева, Л.А. Материальная дифференциация и социальная стратификация в России и регионах / Л.А. Беляева // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 25–28 сентября 2007 г. / под ред. Е.А. Когай. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. – С. 38.
5. Беляева, Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство [Электронный ресурс] / Л.А. Беляева. – Режим доступа: http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/97/3_97_2010_Belyaeva.pdf (4.04.2013).
6. Бобков, В.Н. Кризис образования и науки в России – главный тормоз в ее переходе на стратегию инновационного развития / В.Н. Бобков, А.И. Субетто. – Кострома: КГУ им. Некрасова, 2010. – С. 25-31.
7. Богомолова, Т.Ю. Роль мобильности по доходам в изменении неравенства в распределении доходов : уч.-мет. пособие [Текст] / Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина, П.С. Ростовцев. – НГУ: Новосибирск, 2001. – 75 с.
8. Богомолова, Т.Ю. Экономическая стратификация населения России в 90-е годы [Текст] / Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина // Социс. – 2001. – № 6. – С. 32-43.

9. Брагин, А. Реальный уровень благосостояния России – каков он? [Электронный ресурс] / А. Брагин. – Режим доступа: <http://finam.fm/post/2412/> (4.04.2013).
10. Буланова, М.А. Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический анализ [Текст] / М.А. Буланова // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – № 3. – С. 205-212.
11. Бурлуцкая, М.Г. Проблемы измерения социальной мобильности [Текст] / М.Г. Бурлуцкая // Рубеж. – 1998. – № 12. – С. 144-157.
12. Бухаров, А.С. Концепции деятельности в социологии К. Маркса и М. Вебера [Текст] / А.С. Бухаров. – М.: Канон+, 2002. – С. 120.
13. Вебер, М. Избранное. Образ общества [Текст] / М. Вебер. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
14. Вебер, М. Основные понятия стратификации [Текст] / М. Вебер // Социс. – 1994. – №5. – С. 147-156.
15. Вертикальная мобильность российского общества: 2000-е годы: коллективная монография [Текст] / под ред. д.э.н. проф. Е.М. Аврамовой. – М.: М-Студио, 2008. – 168 с.
16. Гавров, С.Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества / С.Н. Гавров. – М.: МГУКИ, 2002. – 146 с.
17. Гидденс, Э. Стратификация и классовая структура [Текст] / Э. Гидденс // Социс. – 1992. – № 9. – С. 112-124.
18. Глазьев, С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С.Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010. – 255 с.
19. Голенкова, З.Т. Средние слои в современной России [Текст] / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян // Социс. – 1998. – № 7. – С.44.
20. Голенкова, З.Т. Тенденции изменения социальной структуры российского общества в период реформ [Текст] / З.Т. Голенкова // Общество и экономика. – 2002. – № 12. – С. 15-24.
21. Горшков, М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 3.
22. Гранберг, А.Г. Пространственный аспект стратегии развития России / А.Г. Гранберг // Стратегическое управление: регион, город, предприятие. – М.: Экономика, 2004. – 605 с.
23. Григорьев, Л. Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения [Текст] / Л. Григорьев, А. Салмина, О. Кузина. – М.: ЭконИнформ, 2009. – 148 с.
24. Гулин, К.А. Социально-экономическое неравенство территорий по уровню и источникам формирования доходов населения: отчет о НИР / К.А. Гулин, А.А. Шабунова, Л.В. Костылева. – Вологда, 2012. – 155 с.

25. Добренъков, В. Социология: в 3 т.: – Т. 2: Социальная структура и стратификация / В. Добренъков, А. Кравченко. – М., 2001. – С. 238.
26. Добренъков, В.И. Фундаментальная социология [Текст]: в 15 т. – Т. 5: Социальная структура / В.И. Добренъков, А. И. Кравченко. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 1120 с.
27. Добрынина, Е. Почему наш средний класс никак не может озолотиться или забронзоветь / Е. Добрынина // Российская газета. – 2014. – № 6393. – 30 мая.
28. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. Модернизация и развитие человеческого потенциала / под ред. А.А. Аузана и С.Н. Бобылева; ПРООН в РФ. М.: Дизайн-проект «Самолет», 2011.
29. Доманьский, Х. Появление в Польше меритократии [Текст] / Х. Доманьский // Социс. – 2002. – № 6. – С.37.
30. Дэвис, К. Некоторые принципы стратификации [Текст] / К. Дэвис, У. Мур // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. – Вып. 1. – М.: ИКСИ АН СССР, 1968.
31. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии [Текст] / Э. Дюркгейм: пер. с фр. и послесловие Л.Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
32. Дюркгейм, Э. Ценностные и реальные суждения [Текст] / Э. Дюркгейм // Социс. – 1991. – № 4. – С. 106-114.
33. Заславская, Т.И. К вопросу о «среднем классе» российского общества [Текст] / Т.И. Заславская, Р.Г. Громова // Мир России. – 1998. – № 4. – С. 3-22.
34. Заславская, Т.И. Социальная структура современного российского общества [Текст] / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 5-23.
35. Заславская, Т.И. Социология экономической жизни. Очерки теории [Текст] / Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. – Новосибирск, 1991. – 442 с.
36. Зборовский, Г.Е. Образ жизни классов и социальных групп советского общества: сходство и различия / Г.Е. Зборовский. – М.: Знание, 1987. – 62 с.
37. Зборовский, Г.Е. Социология [Текст] / Г.Е. Зборовский, Г.П. Орлов. – М.: Наука, 1995. – 288 с.
38. Зубаревич, Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация / Н.В. Зубаревич. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 159 с.
39. Иконникова, Н. Современные концепции социальной структуры и социальной стратификации [Текст] / Н. Иконникова // Личность. Культура. Общество. Избранные статьи. – М., 2000. – Т. 2. – Вып. 3 (4).

40. Ильин, В.А. Проблемы развития региона в условиях глобального кризиса (на примере Вологодской области) / В.А. Ильин // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 1. – С. 78-87.
41. Каира, Ю.В. Основные современные модели социальной стратификации [Текст] / Ю.В. Каира // Социологический альманах «Стратификационная модель современного общества»: материалы III Орловских социологических чтений 21 октября 2011 г. / сост. А.А. Алексеенок, Н.П. Старых. – Орел: Изд-во ОРАГС, 2011. – С. 15-19.
42. Каира, Ю.В. Сравнение современных международных систем социальной стратификации [Текст] / Ю.В. Каира, О.В. Бобровский // Образование и общество. – 2011. – № 6(71). – С. 58.
43. Кармадонов, О.А. Социальная стратификация в дискурсивно-символическом аспекте [Текст] / О.А. Кармадонов // Социс. – № 6. – 2010. – С. 3.
44. Кирх, А.В. Опыт измерения межгенерационной мобильности молодежи [Текст] / А.В. Кирх // Социс. – 1984. – № 4. – С.108-110.
45. Ковалиско, Н. Многомерный анализ социальной стратификации современного украинского общества (региональный аспект) / Н. Ковалиско, Р. Савчинский // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2007. – № 3. – С. 8.
46. Коврыжко, В.В. Модернизационный вектор посткризисного развития российской экономики [Текст] : дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук: 08.00.01 / В.В. Коврыжко. – Ростов-на-Дону, 2010. – 207 с.
47. Комаров, М.С. Социальная стратификация и социальная структура [Текст] / М.С. Комаров // Социс. – 1992. – № 7. – С. 62-72.
48. Константиновский, Д.Л. Динамика профессиональных ориентаций молодежи Сибири: опыт социологического исследования [Текст] / Д.Л. Константиновский. – Новосибирск: Наука, 1977. – 173 с.
49. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. [Текст]: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. – С. 8.
50. Костюк, Р. Франсуа Олланд взял на себя обязательства перед Францией [Электронный ресурс] / Р. Костюк. – Режим доступа: <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2012/02/09/12723.html> (дата обращения: 24.04.2014).
51. Кравченко, А.И. Социология: общий курс: уч. пос. для вузов [Текст] / А.И. Кравченко: – М. : Персэ; Логос, 2002. – С. 80.
52. Кротов, Д.В. Социальный капитал российской молодежи: проблема воспроизводства: автореф. дисс. ... д.с.н. / Д.В. Кротов. – Ростов-на-Дону, 2009. – 47 с.

53. Кугель, С.А. Профессиональная мобильность в науке [Текст] / С.А. Кугель. – М.: Мысль, 1983. – 256 с.
54. Кузнецова, Е. Средний класс: западные концепции [Текст] / Е. Кузнецова // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 2. – С. 19-28.
55. Кучмаева, О.В. Социальная статистика: учебно-практическое пособие [Текст] / О.В. Кучмаева, Е.А. Егорова, Т.А. Иванова. – М.: МЭСИ, 2003. – 130 с.
56. Лапин, Н.И. О стратегии интегрированной модернизации / Н.И. Лапин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 1(31). – С. 26-35.
57. Ласточкина, М.А. Оценка уровня социокультурной модернизации региона / М.А. Ласточкина // Проблемы экономики и менеджмента. – 2012. – № 1. – С. 109-114.
58. Маркс, К. Анкета для рабочих [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 1. – С. 233.
59. Маркс, К. Капитал [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. – М., 1955. – Т. 23.
60. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе [Текст] / К. Маркс. // Соч. – Т. 3.
61. Матуленис, А.А. Включение молодежи в социальную структуру [Текст] / А.А. Матуленис. – Вильнюс : Минтис, 1983. – 208 с.
62. Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов [Текст] / отв. ред.: Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина. – М. : Наука, 1974. – 317 с.
63. Модернизация России: условия, предпосылки, шансы: сборник статей и материалов. – Вып. 2 / под ред. В.Л. Иноземцевой. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. – 272 с.
64. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты [Текст]: монография / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – С. 51.
65. Новиков, В. Почему министр должен получать как машинист асфальтоукладчика? / В. Новиков // Невское время. – 2013. – 21 ноября.
66. О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 47. – 24 ноября.
67. Орехова, И.М. Средний класс: проблемы самоидентификации [Текст] / И.М. Орехова // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 8. – С. 63-66.

68. Осипов, Г.В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты [Текст] / Г.В. Осипов. – М.: Норма, 2007. – 848 с.
69. Осипов, Г.В. Социология и государственность (достижения, проблемы, решения) / Г.В. Осипов, В.Н. Кузнецов. – М.: Вече, 2005. – 568 с.
70. Парсонс, Т. Система современных обществ [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 270 с.
71. Письмо К. Маркса И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. [Текст] // К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2 изд. – Т. 28. – С. 427.
72. Платон. Государство [Текст] / Платон; перевод А.И. Егунова // Собрание сочинений: в 4-х т. – М., 1994. – Т. 3.
73. Подмарков, В.Г. Социальные проблемы организации труда [Текст] / В.Г. Подмарков. – М.: Мысль, 1969. – 161 с.
74. Полякова, Н. XX век в социологических теориях общества [Текст] / Н. Полякова. – М.: Логос, 2004. – 384 с.
75. Постановление Правительства Вологодской области от 28.06.2010 №739 «О стратегии развития социально-экономического развития Вологодской области на период до 2020 года» // Красный Север. – 2010. – № 95. – 28 авг.
76. Проценко, А. Средний класс и «дети бюджета» / А. Проценко // Труд. – 2014. – № 072. – 27 мая.
77. Путин, В.В. Россия сосредотачивается: вызовы, на которые мы должны ответить / В.В. Путин // Известия. – 2012. – 16 января.
78. Радаев В.В. Социальная стратификация [Текст]: уч. пос. / В.В. Радаев, О.И. Шкаратан. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 318 с.
79. Реутова, М.Н. Направления и интенсивность межпоколенной мобильности молодежи [Текст] / М.Н. Реутова // Социс. – 2004. – № 6. – С. 139–142.
80. Римашевская Н.М. Россия: социальная доктрина переходного периода [Текст] / Н.М. Римашевская, И.Е. Дискин. – М., 1995. – С. 27-28.
81. Римашевская, Н.М. Экономическая стратификация населения России [Текст] / Н.М. Римашевская // Общество и экономика. – 2002. – № 12. – С. 6-14.
82. Российская повседневность в условиях кризиса [Текст] / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. – М.: Альфа-М, 2009. – 272 с.
83. Руткевич, М.Н. Изменения в социальном составе и профессиональной ориентации студенчества в СССР [Текст] / М.Н. Руткевич // Советская социология. – Т. 11. – М., 1982.
84. Руткевич, М.Н. Социальные перемещения [Текст] / М.Н. Руткевич, Ф.Р. Филиппов. – М.: Мысль, 1970. – 253 с.
85. Сенчагов, В.К. Экономическая безопасность России: общий курс: уч. / под ред. В.К. Сенчагова. – 2-е изд. – М.: Дело, 2005. – 896 с.

86. Солнышкина, М.Г. Профессиональные стратегии личности [Текст]: монография / М.Г. Солнышкина. – М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 2006. – 120 с.
87. Соловьева, Т.С. Социальное самочувствие среднего класса в региональном социуме [Электронный ресурс] / Т.С. Соловьева // Современные научные исследования и инновации. – 2014. – № 6. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2014/06/34642> (дата обращения: 03.06.2014).
88. Сорокин, П.А. Система социологии [Текст] / П.А. Сорокин. – Т. 2. – М., 1993. – С. 591.
89. Сорокин, П. Социальная стратификация и мобильность [Текст] / П. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. (Серия «Мыслители XX века»). – М., 1992. – С. 302-373.
90. Сорокин, П.А. Социальная мобильность, ее формы и флуктуации [Текст] // Социология: хрестоматия для вузов / сост. А.И. Кравченко. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – С. 647.
91. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. [Текст] / П. Сорокин / под общ. ред. А.Ю. Согомонова: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
92. Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе [Текст] / под ред. В.А. Мансурова. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2007. – 290 с.
93. Социальная мобильность городского населения [Текст]: под ред. А. Кирх. – Таллин: Академия наук Эстонской ССР, 1985. – 150 с.
94. Социальное расслоение и социальная мобильность / З.Т. Голенкова, В.В. Витюк, А.И. Черных и др.; отв. ред. З.Т. Голенкова; Рос. акад. наук, Ин-т социологии. – М.: Наука, 1999. – 189 с.
95. Социология: энциклопедия [Электронный ресурс] / сост. А. А. Грицаков и др. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/568> (дата обращения: 08.02.2013).
96. Средний класс в современной России: 10 лет спустя / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова; Ин-т социологии РАН. – М., 2014. – 221 с.
97. Средний класс стран БРИКС: проблемы в настоящем и будущем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.de> (дата обращения: 24.04.2014).
98. Сухов, А.А. Трудовая мобильность при социализме [Текст] / А.А. Сухов. – М.: Экономика, 1981. – 120 с.
99. Титма, М.Х. Молодое поколение [Текст] / М.Х. Титма, Э.А. Саар. – М.: Мысль, 1986. – 255 с.

100. Тихонова, Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях [Текст] / Н.Е. Тихонова // Социс. – № 9. – 2006. – С. 28-40.
101. Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике [Текст] / Н.Е. Тихонова. – М.: Росспэн, 1999. – 320 с.
102. Трофимов, Д.А. Логлинейный анализ таблиц мобильности: обзор основных моделей [Текст] / Д.А. Трофимов // Социология: 4М. – 2008. – № 26. – С. 120.
103. Хэ Чуаньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 – 2010): пер. с англ. / Чуаньци Хэ; под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Весь Мир, 2011. – 256 с.
104. Фишер, М. Капиталистический реализм [Текст] / М. Фишер. – М.: Ультракультура 2.0, 2010. – 144 с.
105. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. – М.: Медиа-Пресс, 2013. – С. 395–414.
106. Черныш, М.Ф. Социальная мобильность и массовое сознание [Текст] / М.Ф. Черныш // Социс. – 1995. – № 1. – С. 137.
107. Шабунова А.А. Социальная стратификация и социальная мобильность населения Вологодской области [Электронный ресурс] / А.А. Шабунова, Т.С.Соловьева//Гуманитарные научные исследования. –2013. –Ноябрь. –№11. – URL: <http://human.snauka.ru/2013/11/5126> (дата обращения: 23.11.2013).
108. Шелер, М. Избранные произведения [Текст] / М. Шелер; пер. с нем.; сост., науч. ред. А.В. Денежкина. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.
109. Шкаратан, О.И. Социальная структура населения советского города [Текст] / О.И. Шкаратан, В.О. Рукавишников // Социс. – 1974. – № 2. – С. 44-48.
110. Шкаратан, О.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ [Текст] / О.И. Шкаратан, В.И. Ильин. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 468 с.
111. Шкаратан, О.И. Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России. Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России 2006 г.: препринт WP7/2007/02 [Текст] / О.И. Шкаратан, Г.А. Ястребов. – М. : ГУ ВШЭ, 2007. – С. 9-10.
112. Штомпка, П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) / П. Штомпка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6 (30).

113. Шюц, А. Избранное: мир, светящийся смыслом [Текст] / А. Шюц; пер. с нем. и англ.: В. Г. Николаев и др.; общ. и науч. ред. Н.М. Смирнова. – М.: Росспэн, 2004. – 1056 с.
114. Юсупова, И.В. Анализ показателей безработицы и состояния сферы занятости населения в Республике Коми [Электронный ресурс] / И.В. Юсупова // Материалы международной конференции «Современные научные достижения», Прага, Чехия, 27 янв. – 5 фев. 2013. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/4_SND_2013/Economics/5_125847.doc.htm
115. Ястребов, Г.А. Характер социально-экономической дифференциации населения: сравнительный анализ России и Европы [Текст] / Г.А. Ястребов // Мир России. – 2010. – № 3. – С. 57-89.
116. Artuc, E. A Mapping of Labor Mobility Costs in Developing Countries / E. Artuc, D. Lederman, G. Porto. – Policy Research Working Paper. – 6556. – The World Bank. – August 2013.
117. Beck, U. World Risk Society / U. Beck. – Cambridge: Polity Press – 2009. – 192 p.
118. Bergson, A.H. Les deux sources de la morale et de la religion / A.H. Bergson. – Paris, 1932. – P. 333.
119. Blau, P.M. The Amerikan occupational structure / P.M. Blau, O.D. Duncan. – N.Y. : John Wiley and Sons, 1967. – Ch. 5.
120. Braverman, H. Labour and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century / H. Braverman. – Monthly Review Press. – 1974. – Pp. 118-119.
121. Dahrendorf, R. The Modern Social Conflict. An Essay on the Politics of Liberty / R. Dahrendorf. – N.Y. : Wiedenfeld & Nicolson. – 1988. – 219 p.
122. Erikson, R. Intergenerational class mobility in three Western European societies: England, France and Sweden / R. Erikson, J.H. Goldthorpe, L. Portocarero // British Journal of Sociology. – 1979. – № 30. – P. 415–451.
123. Erikson, R. The Constant Flux: A study of Class Mobility in industrial societies / R. Erikson, J. Goldthorpe. – Oxford : Clarendon Press, 1992. – P. 1-27.
124. Equity and Development: World Development Report. – 2006. – № 4. – The World Bank and Oxford University Press, 2006.
125. Featherman, D. Opportunity and Change / D. Featherman, R.M. Hauser. – New York Academic Press, 1978.
126. Featherman, D. Assumptions of Social Mobility Research in the US the Case of Occupational Status / D. Featherman, F.I. Jones, R.M. Häuser // Social Science Research. – 1975. – № 4. – P. 329-360.

127. Febvre, L. *Combats pour l'histoire* / L. Febvre. – Paris, Armand Colin. – 1953. – 456 p.
128. Girod, R. *Process of Status Allocation Men and Women* / R. Girod, C. Petroff, P. Weiss // *Social Mobility in Comparative Perspective*. – Warsaw: The Polish academy of sciences press, 1978.
129. Goldthorpe, J.H. *Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's Research Agenda* / J.H. Goldthorpe // *Acta Sociologica*. – 2002. – Volume 45. – No. 3. – September 2002.
130. Goldthorpe, J.H. *Social Mobility and Class Structure in Modern Britain* / J.H. Goldthorpe. – Oxford: Oxford University Press, 1987. – 398 p.
131. Grusky, D. *Decomposition Without Death: A Research Agenda For New Class Analysis* / D. Grusky, K. Weeden // *Acta Sociologica*. – 2001. – № 44(3). – P. 203-218.
132. Hall, D.T. *A theoretical model of career subidentity development in organizational settings* / D.T. Hall // *Organisational Behavior and Human Performances*. – 1971. – № 6. – P. 50-76.
133. Hauser, R. *The Process of Stratification: Trends and Analyses* / R. Hauser, D. Featherman // Academic Press. – New York, 1977. – 398 p.
134. Holland, J.H. *Induction: Processes of Inference, Learning, and Discovery* / J.H. Holland, K.J. Holyoak, R.E. Nisbett, P. Thagard. – Cambridge, MA: MIT Press, 1986. – 416 p.
135. Jackson, E.F. *Occupational mobility in the USA. A point estimate and trend comparison* / E.F. Jackson, Crockett H.J. // *American sociological review*. – 1964. – Vol.29. – №1. – P. 5-15.
136. Lipset, S.M. *Social Mobility in Industrial Society* / S.M. Lipset, R. Bendix, H. Zetterberg // *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective* / ed. by D. Grusky. – Boulder: Westview Press, 1994. – P. 250-259.
137. Lundberg, G. *Stratification: Shared Possibilities and Responsibility* / G. Lundberg, C. Schrag, O. Larsen // *Sociology*. – NY, 1954. – 32 p.
138. Merton, R.K. *Social Theory and Social Structure* / R.K. Merton. – New York: Free Press, 1949. – 423 p.
139. Mills, C.W. *White Collar: The American Middle Class* / C.W. Mills. – New York: Oxford University Press, 1951. – 416 p.
140. Obama Pledges Push to Lift Economy for Middle Class [Электронный ресурс]. – The New York Times, 2013. – 13 February.. – Режим доступа: <http://www.nytimes.com/2013/02/13/us/politics/obama-delivers-state-of-the-union-address.html> (дата обращения: 25.04.2014).

141. Olivelle, P. *Manu's Code of Law: A Critical Edition and Translation of the Mānava-Dharmaśāstra* / P. Olivelle. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 1142 p.
142. *Oxford Concise Dictionary of Sociology* / Marshall G. (ed.). Oxford, N.Y.: Oxford University Press: 1996. – P. 246-247.
143. Parsons, T. *The Concept of Society: The Components and Their Interrelations*. In: T. Parsons. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. – New Jersey, Prentice-Hall, 1966. – 120 p.
144. Pirenne, H. *The Stages in the Social History of Capitalism* / H. Pirenne // *The American Historical Review*. – Vol. 19. – №. 3. – 1914. – P. 494-515.
145. Popper, K.R. *The Open Society and Its Enemies* / K.R. Popper. – V. 1-2. – London: Routledge, 1945. – 368 p.
146. Schein, E. *Career Anchors, Discovering your Real Values* / E. Schein. – Oxford: Pfeiffer, 1966. – 87 p.
147. Simmel, G. *Über soziale Differenzierung. Soziologische und psychologische Untersuchungen* / G. Simmel. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1890. – 177 p.
148. Smith, A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* / A. Smith. – London., 1776. – 504 p.
149. *Social Mobility in Britain* / ed. by D.V. Glass. – L. : Routledge & Kegan Paul, 1954. – 412 p.
150. Sorensen, A. *Toward a sounder basis for class analysis* / A. Sorensen // *American Journal of Sociology*. – 2000. – Vol. 105. – No 6. – P. 1523-1558.
151. Stewart, A. *The Stability of Structural Inequality* / A. Stewart, R.M. Blackburn // *Sociological Review*. – 1975. – №23. – P. 481-508
152. Super, L.T. *Et al Vocational Development: A Framework of Research* / L.T. Super. – N.Y., 1957. – 391 p.
153. Sztompka, P. *The Sociology of Social Change* / P. Sztompka. – Oxford and Cambridge: Blackwell, 1993. – 348 p.
154. *The Economic Basis of Social Class*. In: *Mobility and Inequality: Frontiers of Research from Sociology and Economics* / eds. S.L. Morgan, D.B. Grusky, G.S. Fields. – Stanford: Stanford University Press, 2006. – P. 109-136.
155. Touraine, A. *Le Retour de l'acteur. Essai de sociologie* / A. Touraine. – M.: Le Monde scientifique, 1998. – 204 p.
156. Treiman, D.J. *Industrialization and social stratification* / E.O. Laumann (ed.) // *Social Stratification: Research and Theory for the 1970s*. – Indianapolis. – 1970. – P. 207-234.

157. Treiman, D.J. Occupational Prestige in Comparative Perspective / D.J. Treiman. – New York: Academic Press, 1977. – P. 5.

158. Wallerstein I. World-Systems Analysis // A. Giddens and J. H. Turner (eds). Social Theory Today. – Cambridge: Polity Press, 1987. – P. 309-324.

159. Warner, W. L. Social Class in America: A Manual of Procedure for the Measurement of Social Status / W. L. Warner. –Chicago: Science Research Associates, 1949. – 297 p.

160. Weber, M. The Development of Caste / ed. by R. Bendix, S. M. Lipset. // Class, Status, and Power London, 1967. – P. 28-36.

161. Who is the Middle Class? Retrieved on 2006-07-25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pbs.org/now/politics/middleclassoverview.html> (дата обращения: 24.04.2014).

162. Wright, E.O. The comparative project on class structure and class consciousness An Overview / E.O. Wright // Acta Sociologica. – 1989. – № 1. – P. 3-22.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Перечень вопросов (переменных), используемых для социокультурной стратификации населения

Переменная	Вопрос	Вариант ответа
X_1	Какое образование Вы имеете?	Неполное среднее Среднее, в т.ч. ПТУ со средним образованием Среднее специальное образование (техникум и др.) Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза) Высшее
X_2	Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует Ваше материальное положение?	Денег не хватает на повседневные затраты На повседневные затраты уходит вся зарплата На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи Практически ни в чем себе не отказываем
X_3	К какому социальному слою Вы себя относите?	Верхний слой Слой выше среднего Средний слой Слой ниже среднего Нижний слой
X_4	Имеете ли Вы на основной работе подчиненных?	Нет, не имею. Да, менее 5 человек Да, 5–10 человек Да, 11–50 человек Да, 51–100 человек Да, более 100 человек
Согласны Вы или не согласны со следующими суждениями?		
X_5	В любых условиях красота делает человека лучше и чище	Оценка по 11-балльной шкале: «1» – совершенно не согласны; «11» – полностью согласны
X_6	Главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии	Оценка по 11-балльной шкале: «1» – совершенно не согласны; «11» – полностью согласны
X_7	Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле, может посягнуть на жизнь другого человека	Оценка по 11-балльной шкале: «1» – совершенно не согласны; «11» – полностью согласны

Продолжение приложения 1

X_8	Свобода человека – это то, без чего его жизнь теряет смысл	Оценка по 11-балльной шкале: «1» – совершенно не согласны; «11» – полностью согласны
X_9	Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным делом жизни	Оценка по 11-балльной шкале: «1» – совершенно не согласны; «11» – полностью согласны
X_{10}	Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами	Оценка по 11-балльной шкале: «1» – совершенно не согласны; «11» – полностью согласны
X_{11}	В жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения	Оценка по 11-балльной шкале: «1» – совершенно не согласны; «11» – полностью согласны
X_{12}	Люди и государство должны больше всего заботиться о детях	Оценка по 11-балльной шкале: «1» – совершенно не согласны; «11» – полностью согласны
X_{13}	Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям	Оценка по 11-балльной шкале: «1» – совершенно не согласны; «11» – полностью согласны
X_{14}	Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других	Оценка по 11-балльной шкале: «1» – совершенно не согласны; «11» – полностью согласны
X_{15}	Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрываться что-то от себя	Оценка по 11-балльной шкале: «1» – совершенно не согласны; «11» – полностью согласны
X_{16}	Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	Оценка по 11-балльной шкале: «1» – совершенно не согласны; «11» – полностью согласны
X_{17}	Самое ценное на свете – это человеческая жизнь, и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах	Оценка по 11-балльной шкале: «1» – совершенно не согласны; «11» – полностью согласны
X_{18}	Главное – это уважение к сложившимся обычаям, традициям	Оценка по 11-балльной шкале: «1» – совершенно не согласны; «11» – полностью согласны
Источник: составлено авторами на основе опроса общественного мнения населения СЗФО (2013 г.)		

Причины смены места жительства, в % от числа тех, кто переехал из другого региона

Вариант ответа	Респ. Карелия	Респ. Коми	Архангельская обл.	Вологодская обл.	Калининградская обл.	Ленинградская обл.	Мурманская обл.	Новгородская обл.	Псковская обл.	г. Санкт-Петербург	Среднее по СЗФО
Смена семейного положения	23,0	28,2	24,0	28,7	27,4	26,5	21,4	24,1	31,9	13,8	24,9
Учёба	33,3	18,8	18,7	25,6	4,5	20,1	15,4	15,3	14,6	42,6	20,9
Смена профессиональной деятельности, работы	21,5	21,8	28,7	19,6	24,7	20,1	20,5	20,2	27,0	15,9	22,0
Отсутствие условий для комфортного проживания	3,7	10,7	8,8	10,9	13,9	17,5	15,4	16,3	11,9	10,8	12,0
Отсутствие условий для профессионального и личностного роста	3,7	2,1	1,2	9,3	3,6	7,4	6,4	4,9	1,6	8,7	4,9
Другое	9,6	17,1	17,0	4,6	26,0	6,9	20,5	16,7	8,6	7,2	13,4

Профессиональная мобильность поколения детей, СЗФО, в %

Выпускающие группы	Принимающие группы									
	Рабочие в промышленности, на транспорте в связи	ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	Руководители госпредприятий, акционерных обществ	Предприниматели	Бухгалтеры, экономисты, работники банков, юристы	Врачи, преподаватели, работники культуры, науки	Работники торговли, сферы быта и услуг	Военнослужащие, работники правоохранительных органов	Руководители в с/х, сельская интеллигенция	
Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	74,4	10,2	1,2	3,1	1,0	1,9	6,4	1,7	0,1	
ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	5,7	72,4	2,1	5,5	3,7	3,9	6,0	0,2	0,5	
Руководители госпредприятий, акционерных обществ	0,0	18,2	63,6	9,1	0,0	0,0	9,1	0,0	0,0	
Предприниматели	1,0	3,1	3,1	80,2	3,1	2,1	5,2	1,0	1,0	
Бухгалтеры, экономисты, работники банков, юристы	0,9	5,0	0,5	4,1	81,4	2,7	5,0	0,0	0,5	
Врачи, преподаватели, работники культуры, науки	1,1	6,6	1,3	1,3	2,3	79,4	6,8	0,8	0,4	
Работники торговли, сферы быта и услуг	6,4	6,8	0,5	4,1	5,0	5,4	70,7	1,0	0,2	
Военнослужащие, работники правоохранительных органов	8,8	8,2	0,7	5,4	2,0	5,4	8,2	59,9	1,4	
Руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция	8,3	8,3	2,8	0,0	5,6	8,3	19,4	0,0	47,2	

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА.....	5
1.1. Теория социальной стратификации.....	5
1.2. Понятие и виды социальной мобильности.....	13
1.3. Методологические подходы к анализу социальной структуры и мобильности населения.....	22
2. МОДЕРНИЗИРОВАННОСТЬ РЕГИОНОВ СЗФО	36
2.1. Теория и методология исследования модернизированности территорий.....	36
2.2. Устойчивая разновекторность процессов модернизации в регионах Северо-Западного федерального округа	45
3. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ЕЕ ИЗМЕНЕНИЕ	63
3.1. Социальная стратификация в регионах СЗФО	63
3.2. Специфика социальной структуры в Вологодской области...76	
3.3. Средний класс: численность и направления воспроизводства.....	80
3.4. Социокультурная стратификация населения.....	93
4. СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И КАНАЛЫ	105
4.1. Социальная мобильность населения.....	105
4.2. Особенности социальной мобильности в Вологодской области	125
5. ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ С УРОВНЕМ МОДЕРНИЗИРОВАННОСТИ РЕГИОНОВ.....	132
Заключение	148
Список литературы.....	153
Приложения	165

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

**Шабунова Александра Анатольевна
Соловьева Татьяна Сергеевна
Ласточкина Мария Александровна**

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И МОБИЛЬНОСТЬ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Редакционная подготовка

Оригинал-макет

Корректор

Л.Н. Воронина

Т.В. Попова

Н.С. Киселева

Подписано в печать 29.04.2015.

Формат 70×108/₁₆. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 15,1. Тираж 500 экз. Заказ № 143.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон: 59-78-03, e-mail: common@vscc.ac.ru

ISBN 978-5-93299-290-6

9 785932 992906